

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

# **КИТАЙ** В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ  
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXI

Москва  
ИДВ РАН  
2016

УДК [327+339.5](510)  
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)  
К45

*Рекомендовано к публикации  
Ученым советом ИДВ РАН*

*Рецензенты:*

*д. и. н. Н.Л. Мамаева, к. и. н. А.А. Козлов, к. и. н. В.Н. Павлятенко*

*Ответственный редактор-составитель:*

*к. э. н. Е.И. Сафронова*

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXI : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-8381-0311-6

Данное ежегодное издание, выходящее с 1996 г., посвящено анализу наиболее актуальных проблем внешней политики и внешнеэкономических связей Китая.

XXI выпуск включает статьи сотрудников нескольких исследовательских Центров ИДВ РАН, а также приглашенных специалистов из научно-образовательных и практических структур. Его особенностью стал углубленный анализ различных сторон деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в свете ее 15-летнего юбилея и рассмотрение международных процессов, связанных с выдвижением китайской инициативы «Один пояс, один путь».

В сборнике продолжено изучение проблемы сопряжения проекта «Экономический пояс Шелкового пути» с ШОС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), характеризуются некоторые стороны активности КНР на международно-региональном уровне и в формате двусторонних отношений. Ряд статей посвящен таким актуальным темам, как вопросы евразийского экономического сотрудничества, российско-китайское взаимодействие, политическая и экономическая безопасность в Евразии, структуры БРИКС и РИК, роль Китая в формировании экономического региона на пространстве Центральной Азии и др. Книга содержит статью и по истории российско-китайских связей — о становлении школы российских китаеведов-переводчиков.

*Ключевые слова:* Китай, Россия, международные отношения, внешняя политика КНР, российско-китайское сотрудничество, безопасность, Евразия, ШОС, проект «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути, ЕАЭС, РИК, БРИКС, Центральная Азия, внешнеэкономические связи, история внешней политики Китая.

*Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.*

**УДК [327+339.5](510)  
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)**

© Сафронова Е.И., составление, 2016  
© ИДВ РАН, 2016  
© Коллектив авторов, 2016

ISBN 978-5-8381-0311-6

*15-летию создания  
Шанхайской организации сотрудничества  
посвящается*

# Содержание

---

---

## МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

*Алимов Р.К.*

ШОС: актуальные вопросы евразийского  
экономического сотрудничества ..... 7

*Лузянин С.Г.*

РФ и КНР в Восточной Азии: безопасность, вызовы  
и возможности углубления кооперации в 2016 г. .... 16

*Уянаев С.В.*

Объединение БРИКС и структура РИК в середине 2010-х годов:  
тенденции и перспективы, взаимодействие РФ и КНР ..... 26

*Виноградов А.О.*

РФ—КНР: состояние и перспективы двусторонних отношений ..... 47

*Морозов Ю.В.*

Стратегические проекты Китая, России  
и Соединенных Штатов для Евразии ..... 62

*Лузянин С.Г.*

ШОС, китайский проект «Шелкового пути»  
и Евразийский экономический союз:  
варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии ..... 78

*Петровский В.Е.*

Безопасность и развитие в Евразии  
в свете среднесрочной стратегии развития ШОС ..... 85

*Сафронова Е.И.*

Многополярность и российско-китайское сотрудничество  
в контексте ШОС ..... 98

<i>Клименко А.Ф.</i> Экономический пояс Шелкового пути и проблема безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества . . . . .	119
<i>Ларин А.Г.</i> К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС . . . . .	138
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Страны Закавказья в китайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» . . . . .	150
<i>Сафронова Е.И.</i> Проект «Один пояс, один путь» в контексте стран Африки и Латинской Америки . . . . .	159
<i>Васильев Л.Е.</i> О современном состоянии политического и экономического сотрудничества Китая с государствами Центральной Азии . . . . .	174
<i>Тимофеев О.А.</i> Структура и модель развития китайско-французского партнерства: уроки и возможности для России . . . . .	189
<i>Криворотов А.К., Виноградов А.О.</i> Текущее состояние и перспективы нормализации китайско-норвежских отношений . . . . .	201
<i>Исаев А.С.</i> Институты формирования общественного сознания КНР и вопросы сотрудничества СМИ России и Китая . . . . .	218

## **ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР**

<i>Гордиенко Д.В.</i> Перспективы изменения уровня экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути . . . . .	234
<i>Александрова М.В.</i> Новое видение транспортного положения Северо-Востока Китая в свете концепции «Один пояс, один путь» . . . . .	256

*Матвеев В.А.*

О предпосылках формирования международного  
экономического региона на пространстве Большой  
Центральной Азии. Роль Китая ..... 273

*Балакин В.И.*

Пекин и Тайбэй: роль зарубежных ханьских общин  
во внутрикитайских интеграционных процессах ..... 283

## **ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ**

*Саркисова Г.И.*

Из истории отечественного китаеведения:  
учреждение школы китайского и маньчжурского языков  
при Коллегии иностранных дел (1798—1801) ..... 292

**Сведения об авторах** ..... 307

**Summary and Contents** ..... 310

# МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

---

---

*Р.К. Алимов*

## ШОС: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

*Аннотация.* В статье анализируются современные проблемы экономического сотрудничества в Евразии в контексте ШОС. Обосновывается предположение, что инициатива совместного сооружения Экономического пояса Шелкового пути в перспективе может выступить «платформой» для активизации регионального экономического взаимодействия. Отмечено, что ключевым вектором углубления евразийского экономического сотрудничества и реализации инициативы совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути, бесспорно, является транспортная кооперация. Рассматриваются возможности новых финансовых институтов для реализации проектов, включенных в Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС.

*Ключевые слова:* ШОС, Евразийский экономический союз, транспортный коридор, инфраструктурные проекты, механизмы финансового сопровождения проектной деятельности, концепция «Экономического пояса Шелкового пути».

В настоящее время Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) становится все более влиятельной и привлекательной международной структурой. За короткий — в полтора десятилетия — ис-

торический период ШОС обрела статус, позволяющий ей играть значимую роль в региональной и мировой политике. Определились и главные приоритеты Организации: эффективное противодействие глобальным вызовам и угрозам, обеспечение устойчивого социально-экономического развития и углубление культурно-гуманитарных обменов в Евразии.

Важно, что ШОС служит положительным примером построения новой модели регионального экономического взаимодействия и межгосударственных отношений как на коллективном, так и на двустороннем уровнях.

За 15 лет «семья ШОС» расширилась в три раза, объединив в себе 18 государств от Восточной Европы и Персидского залива до Центральной и Южной Азии. Пространство Организации без преувеличения можно отнести к наиболее динамично развивающемуся сегменту мира. Так, согласно статистическим данным стран ШОС<sup>1</sup>:

- общая территория Организации ныне составляет около 40 млн кв. км или 26,6 % общей площади земного шара;
- численность населения стран ШОС достигла 3 млрд человек, что составляет 41 % населения мира;
- совокупный объем ВВП в 2015 г. превысил 21 трлн долл., что является 27,1 % общемирового ВВП;
- суммарный объем товарооборота в 2015 г. составил более 6 трлн долл., или 18,3 % мировой торговли.

Экономическое сотрудничество между государствами-членами ШОС ныне строится на базе успешно функционирующих механизмов, число которых достигло 20. Это, в частности — регулярные совещания и встречи руководителей министерств и ведомств, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность, финансов, транспорта, сельского хозяйства, здравоохранения, культуры, образования, председателей центральных (национальных) банков и др.

Весьма важно, что сложившиеся между государствами-членами ШОС отношения конструктивного партнерства, базирующиеся на принципах доверия и взаимного уважения, позволяют использовать преимущества, обусловленные географической близостью и взаимодополняемостью экономик стран-участниц, стимулируют дальней-



ший активный поиск совместных проектов сотрудничества и кооперации. Государства-члены выступают за широкое международное сотрудничество в деле преодоления технологического и социально-экономического разрыва между странами на основе обеспечения всем государствам равного и недискриминационного доступа к преимуществам экономической глобализации.

Кроме этого, определенное воздействие на повестку дня ШОС оказывают и проблемы мировой экономики. Продолжается спад темпов роста глобального хозяйства, что влияет на динамику развития всех стран Организации, включая и страны-лидеры — Китай и Россию. Ввиду этого, весьма уместными и конструктивными представляются договоренности, достигнутые на саммите ШОС в Уфе в 2015 г., прежде всего, в интересах улучшения инвестиционного климата и развития малого и среднего бизнеса на пространстве Организации. Это касается и совершенствования моделей экономического развития отдельных стран ШОС.

В инвестиционном взаимодействии государств-участников продолжают доминировать двусторонние начинания (прежде всего, стран-лидеров) с другими странами Организации (в основном, стороной-инициатором здесь выступает КНР). Общий объем китайских инвестиций в государства-члены ШОС Центральной Азии по состоянию на март 2016 г. достиг 34,56 млрд долл.<sup>2</sup> В то же время накопленные инвестиции России в Центральной Азии составили 16,1 млрд долл. (в том числе 47 % — в ТЭК, 22 % — цветную металлургию, 15 % — телекоммуникации)<sup>3</sup>. Однако системное коллективное сотрудничество в экономической сфере продолжает отставать.

В свете принятых на Уфимском саммите новых программных документов ШОС, а именно — Стратегии развития ШОС до 2025 года, а также ввиду корректировки таких документов, как Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС и Перечень мероприятий по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС, принципиально важной становится практическая реализация принятых решений.

На наш взгляд, появляется новая перспективная тема экономического сотрудничества стран ШОС, а именно — производственная

кооперация, или международное промышленное сотрудничество, особенно в Центрально-Азиатском регионе, да и в Евразии в целом. Такое сотрудничество шире по своему охвату, чем простое кооперирование производства, и включает в себя многообразные формы деятельности в области производства, прикладной науки, техники, торговли и т. п. Это позволит стимулировать всемерное расширение потенциала рынка ШОС. Также целесообразно и ускорение модернизации промышленных мощностей.

Еще одним важным направлением деятельности стран ШОС становится реализация концепции совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Концепция представляет собой программу резкой интенсификации всей внешнеэкономической активности КНР на обширном пространстве евразийского континента. Она адресована, прежде всего, постсоветским республикам Центральной Азии, многие из которых задействованы также в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и являются членами ШОС.

Исходя из этого, принципиально важным обстоятельством, с точки зрения координации интересов международных акторов в Евразии, видится попытка сближения всех трех смежных проектов — ЕАЭС, ШОС и ЭПШП. В частности, важен поиск путей сопряжения линий национальных стратегий развития государств-членов ШОС как с ЭПШП, так и с приоритетами ЕАЭС.

Фактически речь идет о проекте формирования долговременной евразийской политики ШОС.

Пока три проекта (ШОС, ЕАЭС и ЭПШП) развиваются параллельно, независимо друг от друга, создавая даже определенную конкуренцию в транспортных, энергетических и торгово-экономических сферах. В экспертных кругах рассматриваются различные варианты дальнейшего развития событий. Среди них предпочтительным является вариант создания структуры взаимодействия, в которой бы ШОС играла ключевую роль «евразийского моста» между проектом ЭПШП и ЕАЭС.

Характер интеграционных инициатив — ШОС, ЕАЭС и проекта ЭПШП — пока до конца не определен, перспективы их слияния или соразвития тоже не ясны. Однако само выдвижение этих проектов

свидетельствует о наличии нескольких версий региональной интеграции как в рамках ШОС, так и вокруг нее.

Особенно стоит отметить важность позиций двух ведущих акторов Организации — Китая и РФ и их сочетаемость.

В мае 2015 г. лидеры России и КНР подписали совместное заявление о сопряжении строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Созданная позднее российско-китайская рабочая группа уже сформулировала приоритеты сотрудничества двух стран в формате сопряжения. Движение идет в следующих направлениях: инфраструктурные проекты; устранение барьеров в торговле и прежде всего — в таможенных процедурах; формирование систем защиты взаимных инвестиций и механизмов решения разного рода споров.

Весьма важно, что документом предполагается разработка инвестиционных проектов на евразийском пространстве, которые будут получать взаимную поддержку сторон. При этом для выработки консенсуса целесообразно использование площадки ШОС.

Важно отметить, что глобальный проект Китайской Народной Республики «Один пояс, один путь», включающий в себя сухопутный и морской маршруты Шелкового пути, сможет поспособствовать активизации экономической деятельности ШОС как таковой. Сегодня предложенная председателем КНР Си Цзиньпином инициатива совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути активно обсуждается и на площадке Шанхайской группы. Так, в «Совместном заявлении о региональном экономическом взаимодействии», принятом Советом глав правительств государств-членов ШОС 15 декабря 2015 г. в г. Чжэнчжоу, подтверждена поддержка инициативы строительства Экономического пояса Шелкового пути и отмечено совпадение ее целей с устремлениями ШОС.

Фактически инициатива совместного сооружения Экономического пояса Шелкового пути в перспективе может выступить «платформой» для активизации регионального экономического взаимодействия. Еще предстоит масштабное обсуждение, анализ роли каждой из стран в практике углубленного взаимодействия с тем, чтобы синергия подходов, предложенных как китайской стороной, так и РФ и центрально-азиатскими партнерами, обрела принципиально

новые качества, благоприятствующие развитию регионов и в ближайшем будущем, и в отдаленной перспективе. Очень важным условием здесь является успешность сочетания национальных стратегий государств-членов ШОС, их приоритетов развития с инициативой совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути.

Подключение «шосовской семьи» к масштабной взаимовыгодной работе по возрождению Шелкового пути, несомненно, послужит дальнейшей консолидации Организации, расширению горизонтов торгово-экономического сотрудничества, откроет новые точки роста, новые движущие силы в Евразии. Полагаем, что механизмы регионального экономического взаимодействия позволят эффективно реализовать естественные конкурентные преимущества стран ШОС.

Ключевым вектором углубления регионального экономического сотрудничества и реализации инициативы совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути, бесспорно, является транспортная кооперация. Она призвана содействовать инфраструктурному развитию, формированию крупных транспортных коридоров и логистических центров, облегчению передвижения товарных потоков на пространстве ШОС. Именно в рамках «шестерки» на протяжении более десяти лет предпринимались усилия по налаживанию взаимодействия в области автомобильного транспорта, транзитных перевозок, а также по линии таможенных служб. В последние годы активность ШОС в транзитно-транспортной сфере стала обретать все более ощутимый характер.

Ярким примером этому служит разработанное при содействии ЭСКАТО ООН межправительственное Соглашение государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, подписанное 12 сентября 2014 г. на Душанбинском саммите ШОС. Соглашение рассматривается как первый конкретный вклад ШОС в развитие и реализацию идеи построения современного Шелкового пути. Документ обуславливает создание сквозных автомобильных маршрутов на всем маршруте от Тихого океана (Ляньюньган, КНР) до Атлантики (Санкт-Петербург, Россия) с применением унифицированных процедур, открывает новый этап взаимовыгодного торгово-экономического партнерства в ареале ШОС. При этом основные маршруты как традиционного, так

и современного Шелкового пути пролегают именно через территорию Организации: северный — через Казахстан и Россию; центральный — через Центральную Азию; южный — через Индию, Афганистан, Пакистан, Иран и Турцию. Все эти страны имеют соответствующий статус в ШОС и заинтересованы в стабильности и процветании ее пространства.

Межправительственное Соглашение государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок является естественным дополнением к межправительственному Соглашению о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах, подписанному 2 ноября 2007 г. в рамках встречи Совета глав правительств государств-членов ШОС в Ташкенте. В соответствии с Соглашением таможенные службы принимают меры по упрощению таможенного оформления, признают таможенные средства идентификации и бланки таможенных документов друг друга, а при необходимости — накладывают собственные таможенные опознавательные знаки на перемещаемые товары, взаимно упрощают порядок и условия транзитной перевозки товаров и движения транспортных средств через территории государств-членов ШОС.

Следует отметить, что реализация концепции «Один пояс, один путь» уже кардинальным образом изменила атмосферу в сегменте ШОС, придав дополнительный импульс расширению взаимодействия в сфере автомобильного, железнодорожного и воздушного сообщения, в области строительства и эффективного использования современных мультимодальных транспортно-логистических комплексов на территориях государств-членов Организации. Нет сомнений в том, что усиление экономического потенциала стран вдоль нового Шелкового пути приведет к дальнейшему укреплению влияния ШОС на мировой арене. Видится целесообразным и полезным подписание к такой работе государств-наблюдателей и партнеров по диалогу.

Не менее важным предстает комплекс вопросов сотрудничества в сфере финансов и кредитно-денежной политики, предметное обсуждение которых продолжится в 2016 г. в Кыргызской Республике на встрече министров финансов и руководителей центральных (на-

циональных) банков государств-членов ШОС. Считаем архиважным развитие взаимодействия в банковской сфере в целях поощрения инвестиций, прежде всего в инфраструктурные проекты. В данном контексте активную роль в работе на экономическом и инвестиционном направлениях играют неправительственные структуры Организации — Деловой совет и Межбанковское объединение ШОС. Они призваны помогать созданию благоприятных условий для деловых контактов по различным направлениям и привлечению возможностей различных финансовых институтов для реализации проектов, включенных в Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС. Стоит отметить, что один только общий объем китайских льготных кредитов, предоставленных государствам-членам ШОС (включая Россию), по состоянию на конец 2015 г. достиг 27,1 млрд долл.<sup>4</sup>

На площадке Организации уделяется серьезное внимание созданию механизмов финансового сопровождения проектной деятельности. Экспертная работа в последнее время идет здесь более интенсивно. И мы рассчитываем, что именно в ближайшее время появится новый финансовый институт, который будет содействовать развитию инфраструктуры государств-членов ШОС, позволит объединить потенциал их экономик и станет реальным механизмом поддержки торгово-экономического развития. В 2014 г. благодаря усилиям правительства Китая создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом в 100 млрд долл. В него вошли все шесть государств-основателей ШОС, четыре (по состоянию на то время) государства-наблюдателя — Индия, Иран, Монголия и Пакистан и пять партнеров по диалогу — Азербайджан, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка. Кроме того, сформирован Фонд Шелкового пути с капиталом в 40 млрд долл. Все эти финансовые институты создают мощную финансовую базу для практической реализации солидных региональных субпроектов Шелкового пути, в том числе на пространстве ШОС.

Сегодня государствами-членами осуществляется активная подготовка к центральному событию юбилейного года — Ташкентскому саммиту ШОС. Лидеры стран-участниц планируют подвести итоги деятельности Организации за полтора десятилетия ее существования

и определить дальнейший вектор развития многопланового взаимодействия в рамках ШОС. По итогам саммита будет принята Ташкентская декларация 15-летия ШОС, в которой найдут отражение ключевые вопросы региональной и глобальной повестки. Ожидается принятие ряда важных политических и экономических решений. Каждый саммит — это особое событие в жизни Организации, значимый шаг в деле ее укрепления и развития. Мы убеждены, что юбилейный саммит в Ташкенте внесет свой особый вклад, став важной вехой в процессе дальнейшего совершенствования деятельности ШОС.

Можно заключить, что последовательное развитие совместной интеллектуальной деятельности непременно поднимет на качественно новый уровень многостороннее взаимовыгодное экономическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Сайт ШОС. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20160511/89028.html>

<sup>2</sup> Подсчитано автором на основании данных Министерства коммерции КНР.

<sup>3</sup> Подсчитано автором на основании данных российской официальной статистики и СМИ.

<sup>4</sup> Подсчитано автором на основании данных китайской официальной статистики и СМИ.

*С.Г. Лузянин*

## **РФ и КНР в Восточной Азии: Безопасность, вызовы и возможности углубления кооперации в 2016 г.**

*Аннотация.* В статье рассматриваются состояние и перспективы сотрудничества России и КНР в Восточной Азии в контексте общих угроз их политико-стратегической и/или экономической безопасности, прослеживается логика развития отношений после заключения Российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г.

*Ключевые слова:* Россия, Китай, безопасность, сотрудничество, стратегическое партнерство, Северо-Восточная Азия, интеграция.

### **Мировые и региональные экономико-интеграционные вызовы для РФ и КНР**

Специфика восточноазиатской региональной ситуации в сфере безопасности во многом связана с наследием «холодной войны», включая и раскол Корейского полуострова, и постоянную межкорейскую конфронтацию, и нерешенный «тайваньский вопрос». Система военных союзов США с Японией, Южной Кореей, Филиппинами и другими государствами не добавляет стабильности и доверия в регионе. Наоборот, США, используя территории союзников, по-



следовательно расширяют системы ПРО, пополняют военные контингенты на своих военных базах. Формально Вашингтон объясняет это северокорейской ядерной угрозой, но фактически речь идет о стратегическом окружении/сдерживании основных геополитических соперников США — КНР и РФ.

Дополнительным экономико-интеграционным вызовом для России и Китая в регионе стало формирование США *Транстихоокеанского партнерства (ТТП)*, созданного в феврале 2016 г., куда вошли (кроме США) Япония, Канада, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Бруней, Чили, Перу, Малайзия, Вьетнам. Учитывая, что все участники ТТП членствуют и в АТЭС, можно заметить формирование некоего противоречия между двумя региональными проектами — АТЭС и ТТП.

*Справка. Соглашение о ТТП регламентирует сферу международной торговли товарами и услугами, перемещение рабочей силы и капиталов, устанавливает внутренние правила в странах, входящих в объединение, включая трудовое право, экологию, интеллектуальную собственность и ряд других. Принципиальным требованием является введение повышенной транспарентности/прозрачности торговых и бизнес-сделок.*

Уже сегодня очевидно, что проект ТТП выходит за рамки действия ВТО и означает попытку жесткого навязывания американских экономических стандартов в регионе, включая попытку формирования американской зоны влияния в АТР. Примерно по той же схеме задуман и созданный Вашингтоном проект «*Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства*», который также далеко выходит за рамки полномочий и стандартов ВТО и фактически привязывает Европу к американской экономике.

Важными контрмерами стали новые китайские экономические и интеграционные инициативы. С одной стороны, это проект «*Один пояс, один путь*», включая его евразийскую часть — «*Экономический пояс Шелкового пути*» (ЭПШП). С другой, — формирование *Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП)*, куда

кроме КНР входят страны АСЕАН, а также Индия, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия. То есть, часть государств участвуют одновременно и в «американском», и «китайском» проектах. Возможно, что Пекин сознательно расширил круг участников за счет части стран ТТП, которые до конца не определились в своей ориентации, хотя формально и вошли в это партнерство.

Другими словами, в настоящее время между Пекином и Вашингтоном разворачивается острая борьба за правила азиатского экономического пространства, за кооптирование тех или иных стран региона в число своих экономических партнеров.

В условиях растущей конкуренции у КНР есть дополнительные шансы и возможности выиграть этот раунд. На китайскую стратегию евразийского развития и интеграции работает мощный финансовый институт — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, включая специальный Фонд развития «Шелкового пути». Как известно, решением МВФ от 1 января 2015 г. состоялось вхождение китайского юаня в корзину пяти мировых валют со специальными правами заимствований, что сделало китайскую валюту более гибкой на финансовых рынках Азии.

Часть экспертов в КНР и РФ рассуждают о возможности или невозможности вовлечения КНР в ТТП. На сегодняшний день, если суммировать китайский дискурс, большинство считает, что Китаю пока нечего делать в этом проекте и необходимо активнее развивать собственные — ЭПШП, РВЭП, ШОС, РИК, БРИКС и другие<sup>1</sup>.

Важным является декабрьское решение Совета глав правительств ШОС начать подготовку к созданию Зоны свободной торговли ШОС и формированию Нового экономического пространства (НЭП). С учетом расширения числа постоянных членов Организации благодаря вхождению в нее Индии и Пакистана, а также обновления состава стран-наблюдателей и партнеров по диалогу, возможно, что на июньском (юбилейном ввиду 15-летия ШОС) саммите Организации в Ташкенте будут приняты стратегические, прорывные решения, имеющие положительное значение не только для Китая, но и для экономического развития всех стран-участниц Организации, включая Россию.

## Россия, Китай, США — стратегическое партнерство против «нового типа отношений»?

Отдельная острая тема — геополитический спор Пекина и Вашингтона. В китайском руководстве прекрасно понимают, что несмотря на провозглашенный с США формат «нового типа отношений» и огромный объем торговли (при колоссальном китайском положительном сальдо) КНР еще не может идти на открытое противодействие/сдерживание США в регионе и в мире. Наоборот, Пекин проводит в отношении США политику постоянного диалога и поиска новых форм взаимодействия, особенно по отдельным двусторонним отраслевым проектам. При этом Пекин полностью сохраняет верность принципам сложившегося 20 лет назад российско-китайского стратегического партнерства<sup>2</sup> и подписанного 15 лет назад договора между РФ и КНР о стратегическом взаимодействии.

Специфика российско-китайского сближения в сфере глобальной и региональной безопасности состоит в том, что оба государства вплотную подошли к той черте, которая отделяет партнерство от военно-политического союзничества. В нынешних условиях ни Москва, ни Пекин не хотят ее переступить и не планируют создание военного союза. В рамках существующего партнерства многие атрибуты союзнических отношений неформально присутствуют и успешно развиваются — регулярные военные (сухопутные и морские) учения в двустороннем и коллективном (ШОС) форматах, совещания министров обороны и так далее. Базовым документом российско-китайского партнерства, как известно, остается двусторонний Договор 2001 г., который содержит статью 9 о режимах консультаций в случае угроз для одной из сторон со стороны третьей/третьих держав.

КНР, как известно, реализует с Турцией и Украиной ряд важных транспортных/инфраструктурных проектов. Неофициально (на экспертном уровне) китайские коллеги говорят о «дружественном нейтралитете» в отношении России по украинским делам или вообще о полной поддержке позиции РФ. Понятно, что Пекин вынужден проводить подобную официальную линию, поскольку сам имеет ряд чувствительных вопросов (к примеру, Тайвань)<sup>3</sup>.

Учитывая сложную экономическую ситуацию для РФ, сложившуюся в отношениях с ЕС (украинский кризис), Россия не заинтересована в создании в регионе Восточной Азии некоего единого антироссийского «идеологического фронта». Здесь расположены ее давние соседи и партнеры — государства Корейского полуострова, КНР, Монголия и другие. С Китаем ее связывает прочное стратегическое партнерство, с Южной Кореей также сохранились доверительные партнерские отношения, и Москва всегда прилагала немалые усилия для нормализации межкорейских отношений, особенно в период очередного их обострения. На сегодняшний день можно констатировать, что несмотря на все попытки США перетянуть «европейский» сценарий на азиатскую почву никакого антироссийского фронта в АТР не сложилось. И даже те государства, которые вынуждены были (под давлением американцев) присоединиться к экономическим санкциям, сделали это достаточно формально и не нарушили экономическую ситуацию в России.

### Островные споры в южных морях. Смогут ли РФ и КНР объединиться против третьего?

Новым фактором в регионе является обострение островных споров между Китаем и рядом государств (Японией, Вьетнамом и другими). Очевидно, что особенностью нового позиционирования КНР в ВА и ЮВА является сочетание мягкой и жесткой дипломатии в отстаивании своих интересов, что характерно для любой великой (поднимающейся) державы<sup>4</sup>. Позиция России — невмешательство в спор двух держав и противодействие попыткам США интернационализировать островные проблемы.

Для РФ особо чувствительными является спор в двух «парах»: а) китайско-японской в Восточно-китайском море (ВКМ) по вопросу принадлежности Дяоюйдао/Сенкаку и б) китайско-вьетнамской в Южно-китайском море (ЮКМ) — Парасельские острова. Часть российских и китайских экспертов предлагают РФ и КНР выступить «единым фронтом» в отстаивании своих территориальных интересов, в частности, в отношениях с Японией по Южно-Курильским

(Россия) и Дяоюйдао (Китай) спорным островам. Хотя официально данный вопрос не рассматривается в подобной трактовке.

Американцы пытаются использовать Вьетнам в своих интересах: за последние годы они вывели американо-вьетнамские отношения фактически на уровень полновесного стратегического сотрудничества. В ноябре 2015 г. (после очередного саммита АТЭС в Маниле) состоялся официальный визит американского президента во Вьетнам, на котором тема военно-политического сближения была центральной.

На этом фоне происходит дальнейшее сближение РФ и КНР. Украинский кризис отчасти стал дополнительным фактором углубления российско-китайского стратегического партнерства, хотя и не единственным. Концепция «поворота России на Восток» была, как известно, разработана задолго до украинских событий. Начало ее реализации именно сейчас — скорее, совпадение по времени, чем преднамеренность.

### «Корейский угол» российско-китайского взаимодействия. Пекин и его влияние на Пхеньян

Позитивным моментом для общей стабилизации в регионе стало единогласное голосование в 2016 г. постоянных членов СБ ООН за введение экономических санкций против КНДР из-за известных ракетных пусков. Консенсус по северокорейскому вопросу официальных ядерных держав создает дополнительные возможности для сохранения контроля над ситуацией на Корейском полуострове. При этом РФ выступала и выступает за то, чтобы «не загонять в угол» Северную Корею, а дать ей возможность экономического существования, но без затрат на военную ядерную программу.

Тема безопасности Корейского полуострова, кроме собственно корейских государств, является чрезвычайно чувствительной для всех соседних стран, включая в первую очередь КНР, РФ и Японию. Межкорейский конфликт в любой форме прямо затрагивает стратегические интересы всех государств регионов СВА и Юго-Восточной Азии.

Наиболее серьезной проекцией корейской проблемы на международные отношения является ядерная проблема. После принятия

СБ ООН резолюции по Северной Корее и прекращения экономических связей Юга и Севера полуострова, очевидно, что шестистороннюю форму урегулирования трудно будет снова возродить. Возможно, что эксперты могли бы обсудить идею создания формата 2+2 (США/КНР + РК/КНДР) или формата 2+2 (КНР/РФ + РК/КНДР). На политическом уровне, как известно, подобные варианты так или иначе обсуждались.

Как известно, КНР активно развивает взаимовыгодные экономические отношения с РК, являясь ее главным торговым и инвестиционным партнером. В 2014 г. товарооборот между КНР и РК составил 235,4 млрд долл., то есть более 20 % от общего объема внешнеторгового оборота Южной Кореи. Среди внешнеторговых партнеров Китая РК занимает третье место. Китайская и южнокорейская стороны уже несколько лет ведут переговоры по поводу подписания Соглашения о зоне свободной торговли в двустороннем и многостороннем форматах. В результате 1 июня 2015 г. двустороннее соглашение о ЗСТ между Китаем и РК было подписано.

Несмотря на зависимость КНДР от КНР в экономическом плане, многие эксперты сходятся во мнении о том, что у Пекина нет реальных возможностей заставить Пхеньян отказаться от ядерного оружия. Использование экономических рычагов (перекрытие поставок нефти, ужесточение порядка применения санкций в торговле и т. п.) может спровоцировать социально-экономическую нестабильность в КНДР, которая негативно отразится на приграничных северо-восточных провинциях Китая. В связи с этим Пекин ограничивается исключительно экономической помощью Пхеньяну.

Несмотря на действие экономических санкций, введенных Советом безопасности ООН в отношении КНДР, китайский бизнес продолжает активно наращивать двустороннюю торговлю с Северной Кореей и увеличивать инвестиции, являясь для нее фактически единственным «окном во внешний мир». Разветвленный механизм китайских посредников для проведения различных операций Северной Кореей с внешним миром уже существует — от экспорта северокорейских морепродуктов и текстиля, до осуществления финансовых расчетов через китайские банки.

## Россия и страны Корейского полуострова. Как выйти из ядерного тупика?

На современном этапе политика России в отношении стран Корейского полуострова, с одной стороны, определяется интересами обеспечения безопасности на восточных рубежах страны, а с другой — прагматичными соображениями получения экономической выгоды от развития внешних экономических связей. В силу этого Москва является последовательным сторонником безъядерного статуса Корейского полуострова и развития межкорейского диалога<sup>5</sup>.

Россия выступает за денуклеаризацию Корейского полуострова мирным путем, считая шестисторонние переговоры оптимальным форматом для достижения этой цели. По вопросу объединения Кореи Москва занимает взвешенную позицию, не поддерживая вариант поглощения одного корейского государства другим. Россия выступает за самостоятельное мирное объединение с учетом интересов Севера и Юга Кореи.

Согласно действующей Концепции внешней политики, РФ нацелена на поддержание дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с КНДР и РК, более полное использование потенциала этих связей для ускорения регионального развития, оказания поддержки межкорейскому политическому диалогу и экономическому взаимодействию как важнейшему условию поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе<sup>6</sup>.

Одним из приоритетов России в XXI в. является опережающее развитие Дальнего Востока, невозможное без расширения трансграничных экономических связей. РФ необходимо более полно использовать ее транзитный потенциал и развивать современные конкурентные отрасли промышленности дальневосточных регионов. Целью федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» объявлено развитие транспортной и энергетической инфраструктуры для обеспечения ускоренного развития Дальнего

Востока и Байкальского региона и улучшения инвестиционного климата в макрорегионе. В 2014 г. был принят Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», определяющий меры господдержки и правовой режим Территорий опережающего развития (ТОРов), создаваемых на Дальнем Востоке в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций.

Правительство России готово выделять крупные средства для создания инфраструктуры ТОРов, предлагая иностранным компаниям (прежде всего из Японии, Китая и Южной Кореи) взяться за реализацию в них инвестиционных проектов. Важность развития для России ее Дальнего Востока была вновь продемонстрирована на Восточном экономическом форуме, который прошел во Владивостоке в начале сентября 2015 г. и который посетил президент страны. По словам В.В. Путина, одна из главных задач этого мероприятия — позиционирование России как активного участника экономических и интеграционных процессов в АТР<sup>7</sup>.

Таким образом, несмотря на санкции и резолюцию СБ, актуальным является создание Банка развития СВА, через который можно было бы финансировать совместные проекты, в том числе на территории Корейского полуострова. Северная Корея не является членом таких международных институтов, как МВФ или ЕБРР, в связи с чем их инвестиции для нее недоступны.

Насущной необходимостью является налаживание регионально-сотрудничества с области электроэнергетики. В настоящее время обсуждаются проекты строительства «энергомоста» из России в Республику Корея через территорию КНДР. Китайские фирмы, имеющие производства в КНДР, также будут заинтересованы в поставках электричества на свои предприятия.

Кроме того, в более широком масштабе можно вспомнить о региональном проекте «Восточное энергетическое кольцо» (NEAREST). Эта программа предполагает соединение электрических сетей России, Южной Кореи, Китая, Монголии и Японии в единый энергетический ареал с целью повышения надежности электроснабжения потребителей за счет трансграничного обмена энергией и мощностью.



Россия, Китай, РК и КНДР обладают высоким уровнем взаимодополняемости в экономике и могли бы развивать совместные проекты в большом количестве областей. Главное условие для этого — политическая воля и желание сотрудничать без каких-либо предварительных условий и искусственных ограничений, навязываемых третьими державами.

### Примечания

<sup>1</sup> См.: *Фэн Шаолэй*. Внешняя стратегия Китая и сотрудничество в Северо-Восточной Азии // Dialogue on Future Cooperation for Co-Prosperity in North-east Asia. KIER Jeju International Conference. April 28. 2016. P. 45—51.

<sup>2</sup> См.: *Лузянин С.Г., Сафронова Е.И., Свешников А.А.* Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 56—70.

<sup>3</sup> URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-kitay-asimetriya-ili-garm-onizatsiya/>

<sup>4</sup> См.: *Сафронова Е.И.* Новые моменты в экономической дипломатии Китая в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональная безопасность // Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 73—87.

<sup>5</sup> *Лузянин С.Г., Захарова Л.Н.* Взаимодействие России и Китая на Корейском полуострове // Обозреватель-Observer. 2015. № 10. С. 29.

<sup>6</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: [http://www.mid.ru/bpr\\_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F](http://www.mid.ru/bpr_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F)

<sup>7</sup> Интервью информационным агентствам ТАСС и «Синьхуа». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50207>

С.В. Уянаев

## ОБЪЕДИНЕНИЕ БРИКС И СТРУКТУРА РИК В СЕРЕДИНЕ 2010-х ГОДОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР

*Аннотация.* В статье рассматриваются этапы становления, принципы, цели и формы взаимодействия в структурах БРИКС и РИК, включая сотрудничество между Россией и Китаем. Автор анализирует позитивный потенциал, события и тренды текущего периода, а также вызовы и риски дальнейшего развития БРИКС и РИК. На этой основе сделан многовариантный прогноз о перспективах взаимодействия в обоих форматах. Автор полагает, что среди таких перспектив наиболее вероятен умеренно позитивный сценарий. Этот же вывод, согласно проведенному анализу, актуален для российско-китайского сотрудничества в БРИКС и РИК.

*Ключевые слова:* БРИКС, РИК, РФ, КНР, российско-китайское взаимодействие, эволюция, Банк развития БРИКС, встречи министров РИК, прогнозы.

Успешное проведение в конце апреля 2016 г. 14-й встречи министров иностранных России, Индии и Китая (формат РИК), а также позитивные итоги 7-го саммита БРИКС летом 2015 г. в Уфе вкупе с динамичной подготовкой этого объединения к очередной ежегодной встрече (на о. Гоа в Индии), вновь привлекли внимание многих политиков и экспертов к этим многосторонним структурам.

Данная тематика традиционно злободневна и в более специальном плане — в контексте взаимодействия между Россией и Китаем.

Уже стало привычным, что важнейшим направлением российско-китайского стратегического партнерства является сотрудничество по вопросам международной политики. Обе страны объединяют усилия в отстаивании сходных глобальных и региональных внешнеполитических приоритетов, решают другие значимые для национальных интересов международные задачи не только на двустороннем уровне, но и на площадках различных многосторонних структур — организаций, объединений, диалоговых форумов. Заметное место среди таких структур, где осуществляется тесное российско-китайское взаимодействие, занимают как раз объединение БРИКС и трехсторонний формат РИК. В этой связи вопрос экспертного мониторинга состояния дел на этом направлении является неизменно актуальным<sup>1</sup>.

## I. БРИКС: международная роль и место в двустороннем российско-китайском сотрудничестве

Говоря о сотрудничестве РФ и КНР в БРИКС, напомним, что возросшее и сохраняющееся в последние годы внимание в мире к этому межгосударственному объединению не случайно.

**Потенциал и истоки.** На пять стран-членов приходится свыше 40 % населения и четверти территории планеты. «Пятерку» отличает опережающая динамика экономического развития (что было особенно заметно в первую декаду текущего столетия). Доля стран БРИКС в мировом ВВП за 2001—2014 гг. (в долларах США по текущему курсу) увеличилась более чем 2,5 раза — с 8,5 до 22 %<sup>2</sup>. Если ориентироваться на показатель ВВП по паритету покупательной способности национальных валют (ППС), то такая доля увеличилась за тот же период с 19,3 до 30,1 %. В 2015 г. экономики БРИКС привлекли 20,5 % от общемирового объема прямых иностранных инвестиций<sup>3</sup>. На БРИКС приходится 18 % международной торговли<sup>4</sup>.

Но главное состоит в том, что, согласно авторитетным прогнозам, к 2032 г. «четверка» БРИК (даже без ЮАР) по суммарному объему ВВП превзойдет аналогичный показатель сегодняшней «G-7»<sup>5</sup>. Наряду с ростом экономического потенциала все более заметным

становится политический вес «пятерки». Это делает формат БРИКС весомым фактором мирового развития, в том числе в контексте формирования основ мировой многополярности и тех вызовов, перед которыми объективно оказывается традиционное господство стран Запада.

Акроним «БРИК» был, как известно, впервые введен в политологический оборот в 2001 г. экспертами инвестиционного банка Goldman Sachs. Они объединили Бразилию, РФ, Индию и КНР в виртуальную группу по главному общему признаку — более высокому, в сравнении с остальными, темпам роста экономики.

**Организационная эволюция.** В последующие годы стали складываться условия и стимулы уже не для виртуальных усилий, а для реального взаимодействия четырех стран. Заметим, что с концептуальной точки зрения отправной точкой этого процесса явилась схожесть основных национальных интересов, основанная в том числе на близости позиций по ключевым проблемам мирового развития.

Начиная с 2004—2005 гг. представители «четверки» стали зондировать практические возможности для диалога. В 2006—2008 гг. прошло несколько встреч четырех министров иностранных дел. На этой основе переговоры были выведены на высший уровень: на полях «Большой восьмерки» в Японии (2008 г.) впервые неформальную встречу провели первые лица четырех государств. В дальнейшем встречи высших руководителей стали носить сепаратный, специально подготовленный характер, вне связи с какими-то иными форумами. По их итогам публикуются совместные документы, в которых, в частности, определяются цели, направления, пути взаимодействия. Старт таким полноформатным саммитам был дан в мае 2009 г. в Екатеринбурге, а в апреле 2010 г. в Бразилии прошел 2-й саммит БРИК.

Ровно через год в китайском Санья встреча впервые состоялась уже в формате «пятерки» — БРИКС: к четырем «базовым» участникам присоединилась ЮАР. Проведенный в марте 2012 г. в Дели очередной полноформатный форум БРИКС стал уже 4-м по счету. В апреле 2013 г. и июле 2014 г. очередные саммиты БРИКС приняли соответственно южноафриканский Дурбан и бразильский город Форталеза. Наконец, в июле 2015 г. в российской Уфе прошла уже 7-я официальная встреча высших руководителей стран-участниц объединения.

Параллельно развитию института саммитов предпринимались другие шаги по институционализации сотрудничества. К примеру, в 2009 г. взяли старт встречи министров финансов и глав Центробанков. Кроме того, было обращено внимание на области практического экономического и иного сотрудничества непосредственно между странами-участниками. В результате уж к лету 2012 г. в формате БРИК/БРИКС, помимо саммитов и регулярных встреч глав внешнеполитических ведомств, были образованы либо готовились к старту секторальные диалоговые площадки примерно в двух десятках отраслей. Это — сельское хозяйство и здравоохранение, банковская, антимонопольная и судебная сферы, наука и техника, культура, спорт и другие подобные области. Позднее этот круг был расширен за счет организации диалоговых площадок в рамках делового сообщества, структур по безопасности, по иным линиям, представляющим взаимный интерес.

Согласно официальной информации, к осени 2015 г. насчитывалось 34 формата сотрудничества различного уровня. В дополнение к уже названным «дорожкам» можно привести еще целый ряд профильных переговорных платформ. Это — регулярные встречи руководителей статистических и природоохранных ведомств, старших должностных лиц по вопросам народонаселения, научно-технического и инновационного сотрудничества, заседания рабочих групп по сотрудничеству в сферах информационной безопасности, встречи руководителей центральных избирательных комиссий, представителей администраций городов и регионов-партнеров и многое другое<sup>6</sup>.

Из важных документов, помимо ежегодных коммюнике по итогам саммитов, следует отметить принятые на саммитах в Санья и Дели первые обобщенные Планы действий, где как раз зафиксированы упомянутые направления сотрудничества. Также были подписаны соглашения по механизму кооперации между Банками развития стран-участниц в целях в кредитования взаимной торговли, в том числе в национальных валютах. Развитием общей «дорожной карты» БРИКС стал принятый в 2013 г. в Дурбане Этеквинский план действий, а в принятой Этеквинской декларации впервые в рабочем плане был поставлен вопрос о задаче учреждения Банка развития БРИКС.

Прорывными с точки зрения создания правовых и материальных условий для постепенного перехода БРИКС к конкретной практической работе, можно считать саммиты в Форталезе и Уфе. Именно здесь после длительной экспертной работы, промежуточных корректировок, предпринятых на предыдущих встречах на высшем уровне, были приняты конкретные решения о создании Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов БРИКС<sup>7</sup>.

Согласно подписанному в Форталезе (15—16 июля 2014 г.) Соглашению о Банке развития и Договору о Пуле, в совокупности эти институты будут располагать ресурсами объемом 200 млрд долл. Саммит в Форталезе определил, что Банк развития будет обладать «первоначальным объявленным капиталом в 100 млрд долл. США». Так называемый «первоначальный подписной капитал будет составлять 50 млрд долл. США и будет поровну распределяться между представителями Банка». Первым председателем Совета управляющих было решено назначить представителя России (эту должность занял министр финансов РФ А. Силуанов), первым председателем Совета директоров — представителя Бразилии, первым Президентом Банка — представителя Индии, местом штаб-квартиры был согласованно выбран Шанхай<sup>8</sup>.

Пул валютных резервов, имеющий такие же по объему активы, (100 млрд, они используются в случае финансовых затруднений в странах-участницах) решено строить по пропорциональному принципу: Китай внесет 41 млрд долл., Бразилия, Индия и Россия — по 18 млрд, ЮАР — 5 млрд<sup>9</sup>.

Значение этих шагов трудно переоценить, поскольку именно отсутствие профильных финансовых возможностей практически повсеместно является тормозом многих интеграционных начинаний. Собственные финансовые механизмы БРИКС призваны решить эту проблему, обеспечив материальную основу для совместных проектов и их переноса с «бумаги» в реальные дела.

Организационная работа, связанная с новым финансовыми институтами «пятерки», была продолжена в 2015 г. Как отметил председательствовавший на июльском саммите в Уфе В.В. Путин, участники заседаний приветствовали завершение процесса создания Нового банка развития и Пула условных валютных резервов. Российский ру-

ководитель также подчеркнул, что оба института «в ближайшее время начинают функционировать в полную силу»<sup>10</sup>.

По словам президента РФ, НБР займется, в частности, кредитованием совместных крупномасштабных проектов в транспортной и энергетической инфраструктуре, в сфере индустриального развития. Долгосрочный перечень конкретных проектов, так называемую дорожную карту инвестиционного сотрудничества, планировалось разработать до конца 2015 г.<sup>11</sup>

По сообщению агентства «Синьхуа», Новый банк развития БРИКС официально начал свою работу 21 июля 2015 г. в Шанхае. На церемонии открытия присутствовали президент банка Кундапур Ваман Каматх, Министр финансов КНР Лоу Цзивэй и мэр Шанхая Ян Сюн<sup>12</sup>.

А 5 сентября 2015 г. Центральный Банк РФ в своем официальном сообщении информировал, что «после инаугурационных заседаний совета управляющих начал полноценно функционировать Пул условных валютных резервов БРИКС»<sup>13</sup>.

Помимо принятия пакета мер, связанных с финансовыми институтами, в Уфе руководители стран БРИКС осуществили и другой знаменательный шаг — приняли Стратегию экономического партнерства БРИКС, которая была названа «ключевым ориентиром для расширения сотрудничества». К ее реализации должны активно подключиться и Новый банк развития, и другие ранее созданные структуры БРИКС — Механизм межбанковского сотрудничества, Деловой совета, Деловой форум и Совет экспертных центров. Кроме того, правительственным экспертам «пятерки» поручено «изучить перспективу разработки Дорожной карты торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран БРИКС на период до 2020 года»<sup>14</sup>.

**Цели и принципы.** Если в обобщающем порядке оценивать базовые цели и направления сотрудничества в БРИКС, то, как представляется, можно выделить три основные линии. Во-первых, речь идет о проблемах справедливого и рационального реформирования устаревших экономических и валютно-финансовых институтов с учетом растущей роли государств с развивающимися рынками, прежде всего в странах «пятерки». Во-вторых, все большее значение в БРИКС уде-

ляется мировой политической повестке дня — вопросам продвижения к новому полицентричному миропорядку, сохранения центральной роли ООН, необходимости строгого соблюдения норм международного права и мирных диалоговых принципов решения спорных проблем, включая положение в «горячих точках». Очевидно, что в обоих случаях страны БРИКС, соединяя усилия, рассчитывают увеличить «пробивной эффект» в реализации совпадающих международных экономических и политических целей. Очевидно, например, что объединенные в БРИКС государства «пятерки» объективно обретают более весомые позиции в диалоге со «старыми» лидерами, в частности, в переговорах с участниками традиционного формата «G-7» на площадке мировой «Группы 20-ти» (G-20). Тем самым, за счет участия в БРИКС каждая из стран-участниц намеревается укрепить свои международные позиции.

Наконец, в-третьих, в БРИКС предпринимаются шаги по налаживанию сотрудничества «внутри пятерки». Как говорилось выше, участники намерены развивать многочисленные направления практической кооперации в экономической, социальной, культурной и прочих областях. Преследуемая при этом цель — использовать потенциальные взаимодополняющие возможности в интересах внутреннего развития каждой из стран, прежде всего в сферах модернизации и инноваций.

Важным принципом взаимодействия в БРИКС признается однозначная неконфронтационность данной диалоговой структуры, сотрудничество в которой «не направлено против какой-либо третьей стороны»<sup>15</sup>.

Недолгая история сотрудничества в БРИК уже принесла свои плоды в том плане, что «четверка» сыграла важную роль в перераспределении 5 % голосов в МВФ и 3 % во Всемирном банке в пользу новых и развивающихся экономик<sup>16</sup>.

**Вызовы.** Вместе с тем, эта структура пока только «нащупывает» свою повестку и пути ее реализации. Ее перспективы, а значит, и российско-китайское взаимодействие в БРИКС, определяются не только благоприятными факторами (к которым относятся упомянутое сходство внутренних и внешних приоритетов развития, а также потенциальная взаимодополняемость экономик, хорошие двусто-



ронные отношения), но и существующими многочисленными вызовами. Прежде всего, это лимиты и ограничения, которые проистекают из культурно-цивилизационных и религиозных различий между странами «пятерки», из особенностей избранных моделей внутреннего устройства, способов управления обществом и экономикой. Свою сдерживающую роль способны играть как уже имеющиеся, так и потенциальные проблемы двусторонних отношений. Особняком стоит ряд других уязвимых мест БРИКС: пока слабые относительные показатели развития (подушевой ВВП, «качество роста», индекс человеческого развития и т. д.). Из этого проистекает ныне очевидное отсутствие в БРИКС ясного представления о собственной повестке дня для мирового сообщества и неготовность к ответственности за осуществление такой повестки.

Тем не менее, как минимум в настоящее время сама эволюция БРИК/БРИКС свидетельствует, что заинтересованности и предпосылки к взаимодействию преобладают над лимитами и ограничениями. От того, как эта тенденция будет развиваться, зависят и прогнозы, связанные с функционированием БРИКС.

Теоретически возможный *негативный сценарий* может быть, в частности, связан с резким ухудшением той или иной пары двусторонних отношений в «пятерке» (например, китайско-индийских). Однако такая вероятность весьма невелика, о чем свидетельствует, в частности, неуклонный позитивный тренд в официальных отношениях Пекина и Дели последнего десятилетия, который в том числе подкреплен положительными результатами полноформатных переговоров между председателем Си Цзиньпином и премьер-министром Н. Моди осенью 2014 г. и весной 2015 г.

В условиях сохраняющейся турбулентности современной мировой экономики, нестабильности глобальных, в том числе энергетических рынков, не просматривается и сокращение совпадающих для стран БРИКС стимулов к реформированию мировой экономической и валютно-финансовой системы, которая пока продолжает оставаться ориентированной на интересы в основном стран традиционного Запада.

В обозримой перспективе все это говорит в пользу позитивного в целом сценария развития формата БРИКС. С точки зрения самих

участников «пятерки», его можно назвать и умеренно-оптимистичным, имея в виду, что, не рассчитывая на быстрые перемены и избегая конфронтации с Западом, они, тем не менее, будут шаг за шагом продвигаться к своим целям, эволюционным путем укреплять их международные позиции.

Таков общий фон взаимодействия в БРИКС, определяющий в том числе и его российско-китайскую составляющую.

**РФ и КНР в БРИКС.** Согласно официально декларируемой позиции **России**, сотрудничество в данном формате отвечает ее базовым национальным интересам, является заметным фактором многосторонней дипломатии и построения нового экономического и политического миропорядка<sup>17</sup>. Подчеркнутая в Концепции российской внешней политики еще в 2008 г., эта позиция была подкреплена в принятой к саммиту БРИКС в Уфе Концепции российского председательства, где указано, что «линия на всемерное укрепление БРИКС... является одним из стержневых направлений внешней политики России»<sup>18</sup>.

Аналогичным образом выглядит позиции **Китая**. Еще в первые годы формирования структуры БРИК/БРИКС руководство страны выработало подход (представим его подробнее), рассматривающий ее как «новую модель глобального экономического сотрудничества и практический шаг для осуществления многосторонней политики»<sup>19</sup>.

В политическом и экспертном сообществе КНР делают акцент на большом геополитическом значении БРИК как «шанса и исторического момента для укрепления солидарности, сотрудничества и совместной защиты общих интересов развивающихся стран», как инструмента строительства «справедливого многополярного мира», «как моста диалога и сотрудничества между Севером и Югом», «образца сотрудничества между странами разных регионов»<sup>20</sup>.

Государственное и партийное руководство, пришедшее к власти в Китае после XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.), продемонстрировало преемственность данных подходов и их принципов. Это отразилось уже в том, что объединение БРИКС было отдельно упомянуто в Отчетном докладе партийному съезду, несмотря на то, что его внешнеполитический раздел выглядел традиционно лаконичным с точки зрения конкретных названий и терминов.

Эта линия был последовательно продолжена в 2013—2015 гг. В ряде выступлений (на встрече глав государств БРИКС на полях саммита «G-20» в Санкт-Петербурге, на саммитах в Форталезе и Уфе) председатель Си Цзиньпин неоднократно привлекал внимание как к международному значению БРИКС, так и к актуальности укрепления сотрудничества членов объединения. В числе главных задач БРИКС выделялись при этом вопросы глобального экономического регулирования, координации стратегий развития стран БРИКС, обеспечения «справедливости и демократизации международных отношений»<sup>21</sup>.

Так, участвуя в 6-й официальной встрече глав государств БРИКС в Форталезе (15—16 июля 2014 г.), Си Цзиньпин призвал, в частности, «развивать БРИКС в духе открытости, толерантности, сотрудничества и взаимовыигрыша», продвигать и далее «всесторонние и надежные партнерские отношения» между странами-участницами.

Вновь назвав взаимодействие в объединении «приоритетной областью» внешней политики КНР, китайский руководитель обозначил и ряд акцентов. Было обращено внимание не только на экономические (содействие устойчивому росту), но и политические задачи «пятерки», которая, по словам Си Цзиньпина, является одновременно и «якорем стабилизации глобальной экономики», и «щитом мира на планете»<sup>22</sup>.

Через год, выступая на 7-м саммите БРИКС в российской Уфе, председатель КНР вновь отметил «двуединый» характер задач БРИКС, подчеркнув актуальность и вопросов «глобального экономического регулирования», и обеспечения «справедливости и демократизации международных отношений»<sup>23</sup>.

Новое звучание в выступлении приобрела одна из признанных базовых задач БРИКС, нацеленная на сотрудничество между странами «пятерки» в практических областях. Си Цзиньпин четко озвучил необходимость «сстыковки стратегий развития» стран БРИКС<sup>24</sup>. Тем самым китайский руководитель очевидно предложил участникам объединения подключаться к усиленно продвигаемой масштабной инициативе КНР «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века» (Один пояс, один путь)<sup>25</sup>. Показательно в этом плане, что о задаче «расширить дого-

воренности стран БРИКС относительно важных инициатив, таких, как стратегия «Один пояс, один путь», подчеркнуто говорил перед началом 7-го саммита и заместитель главы китайского МИД Чэн Гопин<sup>26</sup>.

**Российско-китайская координация.** Следует сказать, что Уфимский саммит, который (вместе с саммитом ШОС) принимала РФ, стал новым хорошим свидетельством тесной и достаточно результативной координации, традиционно осуществляемой Китаем и Россией в рамках «пятерки». Как подчеркивалось выше, такое сотрудничество (что подкрепляется многими официальными заявлениями обеих сторон) служит важным компонентом всего комплекса российско-китайского взаимодействия по международным вопросам.

Это проистекает из сходства связанных с БРИКС базовых целевых приоритетов обеих стран (многополярность, реформирование глобальной экономической и политической архитектуры на основе пересмотра монополии Запада, использование ресурсов экономической взаимодополняемости стран-участниц и т. п.). При этом показательно, что обеим странам свойственен комплексный (не только экономический) подход, когда среди целей БРИКС стороны выделяют и политическую составляющую, в частности, в создании условий «для укрепления международной безопасности»<sup>27</sup>.

В концентрированном виде сходство взглядов двух стран на цели и потенциал БРИКС могут быть сведены к трем базовым тезисам. И Россия, и Китай согласованно рассматривают данную структуру как:

- инструмент для общего усиления своих международных позиций (в том числе в диалоге со странами традиционного Запада), а в итоге — для стимулирования строительства нового миропорядка «на полицентричной основе», в котором и РФ и КНР рассчитывают занять достойное, с точки зрения каждой из них, место<sup>28</sup>;
- механизм формирования новых, более выгодных для них (включая КНР и РФ) «правил игры» конкретно на глобальном экономическом поле;
- возможность углубления и расширения двусторонних отношений между странами «пятерки», в том числе путем использова-

ния ресурса взаимодополняемости в сфере экономического взаимодействия.

Российско-китайское взаимодействие в БРИКС — это, похоже, не только декларации. По неофициальным отзывам дипломатов, именно российские и китайские представители внесли, к примеру, основной вклад в подготовку итоговых документов 3-го саммита БРИКС в г. Санья. По тем же оценкам, совместная работа активно велась и на следующий год в Дели (по вопросам выработки стратегии БРИКС, реформы Совбеза ООН и т. д.). Показательно, что в ходе 5-го саммита в Дурбане официальные китайские СМИ поместили специальный комментарий о взаимодействии РФ и КНР в БРИКС, сделав, в частности, упор на «сотрудничестве в торговле, экономике и инвестировании, совместной защите интеллектуальной собственности»<sup>29</sup>.

О поддержке Китаем России в качестве организатора и председателя последнего 7-го саммита БРИКС в Уфе неоднократно заявлялось в совместных российско-китайских документах<sup>30</sup>. В свою очередь, нельзя не заметить, что именно на саммите БРИКС в Уфе Президент РФ В. Путин подчеркнул, что Россия будет «оказывать всяческое содействие китайскому председательству в «Группе двадцати» в 2016 году»<sup>31</sup>.

**Позитивный настрой.** Страны БРИКС, включая КНР и РФ, продолжают демонстрировать позитивный настрой на сотрудничество в рамках этого объединения. Так, отражая намерение Пекина и впредь уделять повышенное внимание БРИКС, министр Ван И в выступлении 28 марта 2016 г. отметил, в частности, что китайская сторона поддержит проведение Индией 8-й встречи лидеров стран БРИКС, будет готовиться к своему председательству в 2017 г. в «пятерке» стран БРИКС, содействуя «всемерному сотрудничеству этих стран в сфере экономической и политической безопасности и стремясь придать такому сотрудничеству новые экономические и политические импульсы»<sup>32</sup>.

В самый канун весны 2016 г. в динамично развивающейся жизни «пятерки» произошло еще одно заметное событие. Полновесный юридический статус обрела Шанхайская штаб-квартира Нового Банка развития БРИКС: министр иностранных дел КНР Ван И,

мэр Шанхая Ян Сюн и президент НБР БРИКС Кундапур Ваман Каматх подписали «Соглашение о штаб-квартире Нового банка развития (НБР)» и «Меморандум о взаимопонимании по организации штаб-квартиры Нового банка развития»<sup>33</sup>.

## II. РИК: цели, механизмы, поле сотрудничества РФ и КНР

Структура трехстороннего взаимодействия «Россия—Индия—Китай» (РИК) занимает в системе внешнеполитических приоритетов РФ и КНР место, в известном смысле соизмеримое с БРИКС, хотя в официальном лексиконе она звучит заметно реже.

Объяснением ее внешне «теневому» положению служит, в частности, тот факт, что БРИКС обладает пересекающимся, но большим составом участников, охватывающим дополнительно крупнейшие страны Африки и Южной Америки. БРИКС в меньшей степени воспринимается Западом как противодействующий ему «альянс», в то время как выход в открытое политическое пространство формата РИК всегда осложнялся ярлыком некоего «антиамериканского» блока, присвоенным ему рядом политиков и экспертов.

Между тем, значение формата РИК весьма велико, причем имеет два измерения: как связанное с недавней историей, так и вполне современное.

**История и эволюция.** Формат РИК возник в начале 2000-х годов, то есть примерно за пять лет до появления БРИК (не в виртуальном, а в практическом смысле). При этом интересен следующий факт. Сравнивая пути становления РИК и БРИКС, трудно не обратить внимание на то, что формат РИК, скопивший к появлению БРИК немалый опыт, оказал на последний большое организационное и идейно-концептуальное влияние.

Действительно очевидно, что целый ряд организационных и концептуальных наработок, вызревших в РИК в 2001—2005 гг., был затем востребован и успешно реализован в БРИК/БРИКС. Речь идет, в том числе, об «обкатанной» в РИК технологической цепочке стимулов (общность приоритетов), целей (новый миропорядок), принципов (неконфронтация, ненаправленность) и организацион-

ных форм («вторая дорожка», встречи глав МИД, саммиты, а позднее и секторальные переговорные площадки).

В этом видится несомненная заслуга формата РИК, делегировавшего в объединение БРИКС целый ряд существенных заделов первой половины 2000-х годов, что благоприятствует сегодняшней работе «пятерки».

Однако РИК сохраняет свое значение и в текущей политике, демонстрируя востребованность и самоценность.

Для иллюстрации напомним, что РИК как неформальная площадка диалога в различных областях, была неофициально «запущена» осенью 2001 г., когда в Москве на первую встречу собрались политологи и видные отставные дипломаты<sup>34</sup>. Годом позднее (сентябрь 2002 г.) на полях ГА ООН прошла первая трехсторонняя встреча министров иностранных дел. С тех пор главы дипломатических ведомств РИК встречаются один-два раза в год. С 2005 г., когда состоялась встреча во Владивостоке, форумы трех министров организуются и особо — вне полей каких-либо многосторонних форматов, проходят последовательно в каждой из трех стран, заканчиваются принятием итоговых заявлений (коммюнике), очередное из которых было подписано в феврале 2015 г. по завершении 13-й встречи, прошедшей в Пекине.

С декабря 2007 г. по апрель 2008 г. в РИК взяли старт три регулярных секторальных диалога — по линии профильных департаментов внешнеполитических и сельскохозяйственных ведомств, а также Торгово-промышленных палат трех стран. Позднее к диалогу подключились ведомства по чрезвычайным ситуациям, медицине и здравоохранению. Были продолжены встречи политологов, которые к осени 2015 г. провели уже 14 трехсторонних академических форумов. В 2013 г. в РИК взяла старт новая важная переговорная дорожка — был запущен механизм регулярных консультаций «высоких представителей России, Индии и Китая, курирующих вопросы безопасности»<sup>35</sup>. Своего рода переговорной вершиной стал саммит «тройки» на полях «Большой восьмерки» в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге.

В целом ряде двусторонних и трехсторонних документов, принятых официальными представителями РФ, Индии и Китая в 2004—2016 гг., нашли отражение базовые принципы РИК как «неблоко-

вой» диалоговой структуры, которая «не направлена против третьих стран», носит «неконфронтационный характер». Были сформулированы цели (направления) взаимодействия, в обобщенном плане включающие, во-первых, «стремление к новому справедливому и рациональному порядку» и во-вторых — задействование трехстороннего формата для «стимулирования экономического развития» каждой из стран. Именно эти положения, повторим, были позднее использованы при формировании концепции БРИК/БРИКС.

Среди позитивных проявлений сотрудничества в РИК политики и эксперты уже не раз констатировали влияние данного формата на дальнейшее развитие порой все еще непростых китайско-индийских отношений. Пусть недолгая, но в любом случае существующая почти полтора десятилетия практика взаимодействия в РИК, показала наличие результативного сотрудничества во внешнеполитической сфере, в ряде секторальных отраслей: к примеру, в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и катастроф.

**День сегодняшний.** Состоявшиеся в феврале 2015 г. в Пекине и в апреле 2016 г. в Москве очередные — 13-я и 14-я — встречи министров иностранных дел РИК, завершившиеся подписанием очередных важных совместных коммюнике, вновь напомнили о дееспособности и значении трехстороннего формата.

Это важно, поскольку на рубеже 2000—2010 гг. некоторыми экспертами нередко стала высказываться точка зрения, что возникновение БРИК/БРИКС делает «ненужным» параллельное существование двух пересекающихся структур, что РИК естественным образом «поглощается» более широким форматом.

Однако практика определенно свидетельствует в пользу того, что одновременное существование обеих структур и возможно, и оправданно.

Во-первых, в БРИКС, где порой возникает необходимость весьма деликатного согласования позиций, в том числе с африканскими и латиноамериканскими партнерами, оказывается весьма востребованной консолидирующая роль РИК, ее роль в качестве своего рода «опорного звена». Недаром важность трехстороннего взаимодействия в БРИКС (так же, как в ООН, Группе-20, в ШОС) традиционно



подчеркивается в совместных коммюнике трех министров иностранных дел<sup>36</sup>.

На полях этого тезиса заметим, что с точки зрения оптимального для РФ (и Китая) развития диалога в «пятерке» важно то, что как раз на площадке РИК у России и КНР есть возможность «активизировать» фактор Индии, которая, будучи членом и РИК, и БРИКС, и ИБСА (IBSA Dialogue Forum — India, Brazil, South Africa), объективно может претендовать на значимую роль балансира.

Во-вторых, в пользу РИК может свидетельствовать сама почти 10-летняя практика параллельного существования и РИК, и БРИК/БРИКС (2006—2015 гг.). Прошедшие в Пекине и Москве последние по счету встречи трех глав внешнеполитических ведомств, как и все предыдущие, лишь подтвердили намерение сторон развивать сотрудничество в данном формате<sup>37</sup>. Не случайно и С. Лавров, и Сушма Сварадж, и Ван И были практически едины в оценках, что РИК — это самоценный формат, поддерживаемый каждой из трех стран, которые будут и дальше идти по пути взаимодействия<sup>38</sup>.

В-третьих, появление БРИКС никак не снизило значения других форматов сотрудничества с пересекающимся составом участников, в частности, того же формата «Индия—Бразилия—ЮАР».

В-четвертых, актуальным остается взаимодействие внутри «тройки» по ряду экономических, гуманитарных и других направлений. Как напомнило недавно агентство Синьхуа, «взаимодополняемость прагматического сотрудничества между тремя странами очевидна, поскольку Россия является крупным экспортером энергоносителей, Китай и Индия — главными потребителями энергии; в Индии развиты индустрия программного обеспечения и финансовая отрасль, а Китай имеет преимущество в инфраструктурном строительстве и инвестиционной сфере»<sup>39</sup>. Этот потенциал с точки зрения трехстороннего формата пока использован мало. Правда, именно в части секторального сотрудничества возможно и актуально «разграничение полномочий» между РИК и БРИКС, поскольку в обоих форматах разворачиваются схожие переговорные площадки (сельское хозяйство, здравоохранение) и есть вероятность проявления элементов дублирования. Вместе с тем, такие сферы, как взаимодействие по международной глобальной и региональной повестке, со-

трудничество ученых, а также ведомств по чрезвычайным ситуациям сохраняют в РИК свою обоснованную актуальность.

Наконец, в-пятых (возможно, это наиболее важно), формат РИК представляет практическую площадку для обсуждения ряда животрепещущих региональных проблем, которые актуальны прежде всего для «тройки»: положение в ЦА и Афганистане. Ясно, что для БРИКС с его латиноамериканскими и африканскими участниками эти темы, пусть и обозначаемые в совместных документах, все же видятся менее злободневными. Согласно, например, и Пекинскому (февраль 2015 г.), и Московскому (апрель 2014 г.) коммюнике трех министров иностранных дел, именно для РИК региональная повестка является значимой и всегда злободневной. В документах обеих министерских встреч, как и ранее, повышенное внимание было уделено таким вопросам, как построение системы мер доверия в АТР, развитие Шанхайской организации сотрудничества, афганская проблематика и другие темы, связанные с обеспечением безопасности в Азии и АТР. Об этом же свидетельствует и реальная практика РИК: например, налаженный трехсторонний диалог специальных представителей по проблемам Афганистана<sup>40</sup>.

Добавим к этому, что положения о необходимости одновременного развития взаимодействия и в БРИКС, и в РИК содержатся также в документах по итогам двусторонних российско-китайского и российско-индийского саммитов.

О намерении «продолжить укрепление координации и взаимодействия в РИК, БРИКС и G20» говорилось в майском (2015 г.) совместном китайско-индийском заявлении по итогам визита в КНР премьер-министра Н. Модди<sup>41</sup>.

Наконец, 8 мая 2015 г. руководители РФ и КНР, продолжая традицию тесного взаимодействия в трехстороннем формате, в Совместном заявлении вновь подчеркнули, что «Россия и Китай придают исключительно важное значение продолжению взаимодействия в формате Россия—Индия—Китай»<sup>42</sup>.

«Формат Россия—Индия—Китай (РИК) является очень важным», — подчеркнул в феврале 2016 г. высокопоставленный представитель МИД России<sup>43</sup>. А глава МИД РФ С. Лавров, выступая месяцем позже в Дипломатической академии в Москве, подчеркнул:

«Наряду с БРИКС востребован формат, который положил начало деятельности этой пятерки и, который был инициирован нашим великим учителем Е.М. Примаковым, я имею в виду Россию, Индию, Китай (РИК). Даже когда создалась «пятерка» из Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, РИК продолжает функционировать»<sup>44</sup>.

Все это свидетельствует в пользу высокой вероятности параллельного развития БРИКС и РИК, подчеркивает важность российско-китайского взаимодействия в обеих структурах, что отвечает базовым национальным интересам РФ и КНР.

Подобно взаимодействию в «пятерке», сценарий прекращения или существенного спада сотрудничества в трехстороннем формате в обозримой перспективе также не просматривается.

### Примечания

<sup>1</sup> Данная тематика рассматривалась в ряде работ ИДВ РАН. Подробнее см.: *Титаренко М.Л., Уянаев С.В.* Перспективы формата БРИК: взгляд из четырех столиц // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 5. С. 2—8; *Портяков В.Я., Уянаев С.В.* Об итогах 11-й трехсторонней конференции ученых России, Индии и Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. 2012. № 1. С. 32—37; *Уянаев С.В.* Структура РИК: перспективы и некоторые аспекты ее роли на современной международной арене // *Китай в мировой и региональной политике: История и современность*. Выпуск XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 100—111; *Уянаев С.В.* Сотрудничество в БРИКС в системе внешнеполитических приоритетов Китая // *Стратегия России в БРИКС. Цели и инструменты*. М., 2013. С. 56—84; *Уянаев С.* Взаимодействие РФ и КНР в структурах БРИКС и РИК // *Стратегический партнерский диалог между Китаем и Россией. Современное состояние, проблемы и предложения* / ИДВ РАН. Университет Цинхуа, Пекин. М.: ФОРУМ, 2014. С. 82—98 и др.

<sup>2</sup> Расчеты по базе данных МВФ World Economic Outlook Database, Aprile 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/01/weodata/weorept.aspx?sy=2001&ey=2014&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=223%2C924%2C922%2C199%2C534&s=NGDPD%2CPPPSH&grp=0&a=&pr.x=51&pr.y=10>

<sup>3</sup> *Путин В.В.* Выступление на встрече глав государств БРИКС в расширенном составе. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49895>

<sup>4</sup> Посол *Луков В.Б.* Выступление в Совете Федерации. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBNovBric/47519D64CE068BD044257C9F0042981A>

<sup>5</sup> URL: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/BRIC-Full.pdf>

<sup>6</sup> URL: [http://www.brics2015.ru/russia\\_and\\_brics/20150301/15574.html](http://www.brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15574.html); URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/0/A8FF0CE6CA84795FC325789D003B348A>

<sup>7</sup> VII саммит БРИКС. Уфимская декларация (Уфа, Российская Федерация, 9 июля 2015 года). URL: [http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa\\_Declaration\\_rus.pdf](http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa_Declaration_rus.pdf)

<sup>8</sup> Форталезская Декларация (принята по итогам шестого саммита БРИКС). г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 г. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/C9903DE836DEDC0244257D17002A789F>

<sup>9</sup> URL: <http://brics2015.ru/news/20150905/508704.html>

<sup>10</sup> URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49896>

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> URL: <http://brics2015.ru/news/20150721/466170.html>

<sup>13</sup> URL: <http://brics2015.ru/news/20150905/508704.html>

<sup>14</sup> URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49896>

<sup>15</sup> Декларация лидеров БРИКС по итогам третьей встречи в Санья. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7350820.html>

<sup>16</sup> URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/briks-i-novaya-rol-rossii-v-globalnom-partnerstve>

<sup>17</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 года, Пр-1440. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>

<sup>18</sup> Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015—2016 годах. URL: [http://www.brics2015.ru/russia\\_and\\_brics/20150301/15383.html](http://www.brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html)

<sup>19</sup> URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7351626.html>

<sup>20</sup> См.: URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6680077.html>; URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7336372.html>; URL: <http://russian.people.com.cn/95181/6953964.html>; URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7351626.html>

<sup>21</sup> <http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/zgxw/t1074188.htm>; Си Цзиньпин выступил с важной речью на 7-й встрече руководителей стран БРИКС. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0710/c31519-8918294.html>

<sup>22</sup> Комментарий: Латиноамериканская поездка Си Цзиньпина открыла новые возможности развития БРИКС. URL: [http://russian.news.cn/china/2014-07/27/c\\_133513727.htm](http://russian.news.cn/china/2014-07/27/c_133513727.htm)

<sup>23</sup> Си Цзиньпин выступил с важной речью на 7-й встрече руководителей стран БРИКС. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0710/c31519-8918294.html>

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> О данной инициативе КНР подробнее см.: *Ларин А.Г., Матвеев В.А., Тутаренко М.Л.* Концепция Экономического пояса Шелкового пути и интересы России // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 3—43; *Сафронова Е.И.* Новые моменты в

экономической дипломатии Китая в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональная безопасность // Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 73—87; Уянаев С. Китайский проект «Один пояс, один путь»: концепция, план, сотрудничество с Россией // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 4. С. 8—21.

<sup>26</sup> МИД КНР провел пресс-конференцию, посвященную участию Си Цзиньпина в саммитах БРИКС и ШОС в Уфе. URL: [http://russian.news.cn/china/2015-07/06/c\\_134387221.html](http://russian.news.cn/china/2015-07/06/c_134387221.html)

<sup>27</sup> Статья Дмитрия Медведева «Страны БРИК: общие цели — общие действия». 13 апреля 2010 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/7443>

<sup>28</sup> В Совместном заявлении Второго саммита БРИК (2010 г.) положение с упоминанием «многополярного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях всех государств и коллективном принятии ими решений» сформулировано особенно четко. Оно совпадает или во многом созвучно с пунктами китайско-российских международных деклараций (1997, 2005, 2008. и 2011 г.) о «рациональном и справедливом международном порядке XXI века» (2005 г.), об императивах мировых перемен «на полицентричной основе» (2011 г.) и принципах «равноправия и взаимной выгоды», уважения международного права», «равенства..., взаимодействия..., объединения усилий всех стран» (2008 г.) и т. п., что говорит о влиянии и результативности китайско-российского взаимодействия в БРИКС.

<sup>29</sup> URL: [www.russian.china.org.cn](http://www.russian.china.org.cn) (29.03.2013).

<sup>30</sup> См., напр.: URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969>

<sup>31</sup> URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49896>

<sup>32</sup> Ван И. БРИКС засияет еще сильнее. URL: [http://russian.china.org.cn/china/txt/2016-02/28/content\\_37889425.htm](http://russian.china.org.cn/china/txt/2016-02/28/content_37889425.htm)

<sup>33</sup> В Шанхае подписано соглашение о штаб-квартире Нового банка развития БРИКС. URL: [http://russian.china.org.cn/china/txt/2016-02/28/content\\_37889386.htm](http://russian.china.org.cn/china/txt/2016-02/28/content_37889386.htm)

<sup>34</sup> См.: Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 6—30.

<sup>35</sup> URL: [http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset\\_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop\\_up?\\_101\\_INSTANCE\\_2MrVt3CzL5sw\\_viewMode=tv&\\_101\\_INSTANCE\\_2MrVt3CzL5sw\\_qrIndex=0](http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/88942/pop_up?_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_viewMode=tv&_101_INSTANCE_2MrVt3CzL5sw_qrIndex=0)

<sup>36</sup> См.: The 12th Meeting of Foreign Ministers of Russia—India—China. Joint Communiqué. URL: [http://archive.mid.ru/bdomp/brp\\_4.nsf/e78a48070f128a7b4325699905bcbb3/8de139d33cf5b3d744257c200022fb51!OpenDocument](http://archive.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b4325699905bcbb3/8de139d33cf5b3d744257c200022fb51!OpenDocument)

<sup>37</sup> Совместное коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел РИК (России, Индии и Китая), Пекин, 2 февраля 2015 года. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/620.html>

<sup>38</sup> См.: URL: [http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c\\_133965678.htm](http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c_133965678.htm)

<sup>39</sup> Синьхуа. 05.02.2015 из Пекина.

<sup>40</sup> Примером, в частности, служат проведенные в январе 2014 г. в Пекине переговоры специальных представителей стран РИК (заместителя главы МИД КНР Лю Чжэньмина, заместителя секретаря Совета Безопасности РФ Е. Лукьянова и заместителя советника по национальной безопасности Индии Нехчала Сандху), на которых обсуждались проблемы афганского урегулирования (Синьхуа, 16.01.2014.).

<sup>41</sup> URL: <http://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?25240/Joint+Statement+between+the+India+and+China+during+Prime+Ministers+visit+to+Chin>

<sup>42</sup> URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969>

<sup>43</sup> Москва рассчитывает на министерскую встречу Россия—Индия—Китай. URL: <http://ria.ru/world/20160215/1374660299.html>

<sup>44</sup> Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с коллективом Дипломатической академии МИД России. Москва, 25 марта 2016 года. URL: [http://www.mid.ru/press\\_service/minister\\_speeches/-/asset\\_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2189906](http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2189906)

*А.О. Виноградов*

## РФ—КНР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

*Аннотация.* Материал посвящен исследованию базовых процессов углубления и расширения российско-китайского стратегического партнерства, российско-китайского взаимодействия в условиях западных санкций, кооперации в сферах безопасности, торговли, энергетики, инноваций и инвестиций.

*Ключевые слова:* РФ, КНР, российско-китайское стратегическое партнерство и сотрудничество, сферы взаимодействия.

### Сотрудничество в политической сфере

Отношения двух великих соседних стран, как это не раз подчеркивали их высшие руководители, переживают ныне наилучший период в истории (см., например, интервью президента В.В. Путина ТАСС и агентству Синьхуа 1 сентября 2015 г.: «российско-китайские связи сегодня достигли наивысшего уровня за всю их историю и продолжают поступательно развиваться»<sup>1</sup>). И тому есть немало подтверждений. Успешно функционирует многоуровневый и многопрофильный механизм двусторонних связей в самых разных сферах, включающий почти два десятка комиссий, подкомиссий и до 40 рабочих групп по различным направлениям. В текущем столетии высшие руководители РФ и КНР провели свыше полусотни личных

встреч, в среднем по 4 раза в год, сверяя часы по широкому спектру двусторонних и международных вопросов. С 2001 г. объем двусторонней торговли вырос почти в 9 раз, и в последние 4 года Китай неизменно занимает позицию главного внешнеторгового партнера РФ.

Укрепляется взаимодоверие двух стран и народов, растет масштаб и совершенствуются качественные параметры сотрудничества. Это нашло зримое отражение в крупных пакетах двусторонних договоренностей (в том числе в нефтегазовой, инвестиционной, инфраструктурной сферах), которые были подписаны в ходе российско-китайских саммитов в 2014 и 2015 гг. Важными пунктами достигнутых соглашений стали положения о совместной борьбе против фальсификации итогов Второй мировой войны, а также о сопряжении экономических проектов двух стран на евразийском пространстве.

Этот впечатляющий багаж совместных достижений и планов базируется на реальном фундаменте взаимных заинтересованностей. К главным из них относятся обоюдная потребность РФ и КНР в мире и стабильности на своих границах, включая положение на протяженных общих рубежах; объективная взаимодополняемость их экономик; совпадающие либо сходные взгляды на узловые вопросы глобальной и региональной политики; широкая взаимная поддержка, в том числе в вопросах защиты суверенитета и территориальной целостности, право на собственную модель развития. Все это явилось мощным инструментом укрепления внешних позиций и комплексной мощи каждой из двух стран.

Дальнейшее расширение российско-китайского партнерства, по словам президента РФ, «отвечает стратегическим целям развития наших стран». При этом сегодня речь идет уже не только о совместных действиях на международной арене (сотрудничество в ООН и «Группе двадцати» (G-20), а также по линии ШОС и БРИКС), но и о «начале процесса координации долгосрочных приоритетов развития»<sup>2</sup>.

Министр иностранных дел КНР Ван И, выступая в марте 2016 г. на пресс-конференции в рамках проходившей в Пекине сессии Все-китайского собрания народных представителей, подчеркнул, что



«китайско-российские отношения являются зрелыми и стабильными, отношения всестороннего стратегического партнерства и взаимодействия зиждется на прочной основе взаимной поддержки и взаимного доверия»<sup>3</sup>. По словам Ван И, отношения Китая и России «вполне способны выдержать различные международные штормы и риски, они не могут измениться под влиянием каких-то отдельных временных факторов». Напомнив, что в 2015 г. состоялось пять китайско-российских встреч на высшем уровне, что «сыграло важную роль в поддержании тенденции на дальнейшее развитие китайско-российских отношений», Ван И также заявил: «Крепнет взаимодополняемость китайской и российской экономик, потребность в сотрудничестве также сильна, они носят длительный и стратегический характер, некоторые временные трудности не могут повлиять на необходимость поддержания всестороннего сотрудничества между Китаем и Россией»<sup>4</sup>.

Во время своего визита в КНР, состоявшегося в конце марта 2016 г., глава администрации президента РФ Сергей Иванов назвал стратегическое партнерство России и Китая «образцом межгосударственных отношений в XXI веке»<sup>5</sup>.

Резкое ухудшение отношений РФ со странами Запада в результате событий на Украине и жестких санкций со стороны стран Европейского Союза по отношению к России, действительно, заставили и руководство РФ, и представителей российского истеблишмента отойти от традиционного европоцентризма, пересмотреть приоритеты во внешней политике страны и объявить о «повороте на Восток». Это решение, которое на самом деле назрело уже давно, способствовало продвижению и конкретному наполнению тех направлений сотрудничества, которые на протяжении предыдущих лет скорее декларировались, но на практике никак не развивались (в том числе заключение крупных контрактов в энергетической области и продвижение совместных проектов в сфере высоких технологий). Вместе с тем, оно вызвало атмосферу всеобщего ажиотажа среди чиновников самого различного уровня и стремление оказаться в первых рядах тех, кто «дружит с Китаем». Это чревато повторением тех ошибок, через которые Россия прошла в конце 1990-х и начале 2000-х годов в отношениях с Европейским Союзом, когда

вместо изучения партнера, анализа особенностей его поведения в международных делах и его долгосрочных стратегических целей наблюдались общая эйфория и неоправданные надежды на то, что европейские партнеры искренне хотят с нами «дружить». На нынешнем этапе ко всем этим заблуждениям добавляются еще и элементы кампанейщины.

Как подчеркивает, например, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В. Ларин, «идеология последней реинкарнации «поворота на Восток» в России не сложилась»<sup>6</sup>. Причинами пробуксовки российского «поворота на Восток», по мнению В. Ларина, являются как абстрактность ориентиров для «поворота» — огромный Азиатско-Тихоокеанский регион, так и попытки его совершения через интенсификацию двусторонних отношений с некоторыми странами Северо-Восточной (КНР, Республика Корея), Юго-Восточной (Вьетнам) и Южной Азии (Индия). Это при наличии комплекса напряженностей между этими государствами создает не слишком комфортную политическую атмосферу для интеграции.

Если говорить об оценке российского «поворота на Восток» экспертами самого «Востока», то большинство из них сходятся на том, что Москва не нацелена на «фундаментальную переориентацию» с Европы на Азию и ее действия проистекают от стремления «уравновесить европоцентричную внешнюю политику» страны<sup>7</sup>. Кроме того, восточноазиатские государства помнят нюансы политики царской России и Советского Союза в регионе и воспринимают Россию сегодня как внешнюю и нередко деструктивную силу (включая Китай, несмотря на «самые лучшие в истории отношения»). Колониальная политика царской России в Маньчжурии, опыт формирования ее границ с Японией и Китаем, советские устремления к экспорту революции и коммунизма в Азии, десятилетия активной антисоветской пропаганды — все это создает серьезные идеологические и психологические барьеры для признания России народами региона. И, разумеется, не способствуют этому признанию последние усилия Пекина и других государств региона возродить былой лозунг «Азия для азиатов». Китай в последнее время подчеркивает, что страны Азии (к которым Россия если и относится, то лишь час-

тично) должны сами решать свою судьбу, поскольку «в течение долгого времени в проблемах безопасности, существующих в Афганистане, Пакистане, Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Азии, вмешательство и вторжение внешних факторов не принесли мира и спокойствия этим регионам, а наоборот, сделали ситуацию региональной безопасности еще более сложной». «Активно выдвинув концепцию азиатской безопасности, Китай надеется усилить право голоса Азии в делах, касающихся ее собственной безопасности»<sup>8</sup>. Поэтому трудно считать оговоркой слова Си Цзиньпина на открытии Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в мае 2014 г. в Шанхае о том, что «азиатскими делами должны заниматься народы Азии, азиатские проблемы должны решать народы Азии, безопасность Азии должны обеспечивать народы Азии»<sup>9</sup>.

Отношение Китая к России как к своему важнейшему стратегическому партнеру также не стоит преувеличивать. Формулировка «стратегическое партнерство» в Пекине применяется в качестве характеристики по отношению к очень многим государствам мира, включая все развитые западные страны (за исключением, пожалуй, Японии). Что же касается реального места РФ во внешнеполитических приоритетах КНР, то здесь стоит внимательнее посмотреть на формулировки, используемые китайскими лидерами для характеристики двусторонних отношений.

В 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК бывший генеральный секретарь Компартии Китая Ху Цзиньтао, продолжая творчески развивать теорию «трех миров» председателя Мао, разделил отношения Китая в мире на три направления. Это: 1) отношения с развитыми странами (*daguo guanxi*); 2) отношения с сопредельными странами (*zhoubian guojia*); 3) отношения с развивающимися государствами<sup>10</sup>. В комментариях российских экспертов в связи с этим с удовлетворением отмечалось, что Россия относится ко всем трем группам, что свидетельствует о ее приоритетности во внешнеполитических построениях руководства КНР<sup>11</sup>.

К сожалению, это не так. Например, если проанализировать используемый китайской стороной термин «новый тип международных отношений», мы заметим, что он существует в двух видах — «новый тип междержавных отношений» (*xinxing daguo guanxi*) и «но-

вый тип международных отношений» (xinxing guoji guanxi). При этом первый вариант применяется чаще к отношениям КНР с США, второй — ко всем остальным странам, включая Россию (в качестве примера можно привести интервью министра иностранных дел КНР Ван И в Москве во время подготовки визита Си Цзиньпина на празднование 70-летия Победы).

Это говорит о том, что нынешнее китайское руководство Россию к «державам» не относит, считая таковыми только Китай и США. Не относится Россия и к развивающимся странам (это для китайской внешнеполитической традиции — аксиома). Другими словами, для Китая РФ — одна из сопредельных стран, содержание и цель отношений с которыми на том же съезде определялись как «добиваться того, чтобы они больше выгадывали от развития Китая» (или, если использовать другой вариант перевода, «стараться облагодетельствовать путем развития Китая»).

Реальное отношение Китая к России проявляется и в том, что КНР придерживается строго нейтральной позиции в подходах к ситуации на Украине, в том числе воздерживаясь при голосованиях по этому вопросу в ООН. Китай поддерживает тесные отношения со всеми сторонами конфликта — как со странами Европейского Союза, так и с Россией. Что же касается США, то они, несмотря на сложные отношения с Китаем и взаимную критику, по-прежнему остаются главным партнером Китая (а также конкурентом и оппонентом) на международной арене.

В этом же ряду находится и настойчивое отрицание китайской стороной необходимости в военном союзе России и Китая (отдельные статьи о возможности такого союза, время от времени появляющиеся в китайской прессе, представляют, скорее, прощупывание почвы или элемент давления на американских партнеров)<sup>12</sup>.

Отдельно стоит сказать о совместных мероприятиях РФ и КНР, связанных с 70-летием окончания Второй мировой войны. Если говорить в целом, то они действительно способствовали еще более тесному сближению сторон в деле борьбы с попытками западных держав пересмотреть итоги Второй Мировой войны и роль в этой войне СССР и Китая. Присутствие лидера КНР Си Цзиньпина на параде в Москве 9 мая 2015 г. и участие в параде подразделения ки-

тайских войск, также как и ответное присутствие российского лидера на параде в Пекине 3 сентября подчеркнули близость позиций двух стран в вопросе об итогах Второй мировой войны<sup>13</sup>. При этом крайне важным является тот факт, что лидеры РФ и Китая были на этих мероприятиях единственными представителями коалиции стран-победителей, получивших в результате место постоянных членов Совета Безопасности ООН (Советский Союз, Китай, США, Великобритания, Франция). И хотя на мероприятиях в Москве и Пекине присутствовали также руководители других стран, внесших свой вклад в борьбу с немецким фашизмом и японским милитаризмом, отсутствие под надуманными предложениями представителей США, Великобритании и Франции выглядело явным диссонансом, еще больше высветившим важность контактов России и Китая на международной арене (и Си Цзиньпин в Москве, и президент В. Путин в Пекине были главными гостями).

Тем не менее, как указывают отдельные эксперты (см., например, статью Е. Румянцева на сайте журнала «Россия в глобальной политике»<sup>14</sup>), нынешняя позиция Пекина по оценке как времени начала Второй мировой войны, так и роли в ней Советского Союза и Китая на самом деле серьезно отличается от принятой до сих пор среди российских историков (в том числе и той, что высказывалась китайской стороной ранее). В Китае сегодня не только отодвигают начало Второй мировой войны к 1937 г. (а иногда и еще далее — к началу японской агрессии в Маньчжурии), но и активно заявляют о том, что именно Китай понес в ходе Второй мировой войны наибольшие жертвы и внес в ее победу по крайней мере не меньший вклад, чем Советский Союз. Как подчеркивает в связи с этим главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Федор Лукьянов, «в рамках укрепляющегося российско-китайского партнерства Пекин фактически предлагает Москве принять его версию войны в Азии, отличную от той, к которой привыкли мы, в обмен на встречную солидарность по поводу недопущения «пересмотра итогов» в Европе»<sup>15</sup>.

По мнению Ф. Лукьянова, предложение носит асимметричный характер. На западном театре военно-исторических действий поддержка КНР дает России немногое — китайская позиция по этому

вопросу Европе безразлична. А вот на азиатском «фронте» втягивание Москвы в конфликты, уходящие корнями в историю, чревато конкретными осложнениями. Тем не менее, на волне сегодняшнего активного сближения двух стран китайская позиция не только практически не встретила критики со стороны российского экспертного сообщества, но и была поддержана в ряде публикаций (ссылки на них приведены в статье Е. Румянцева).

## Экономическое сотрудничество

Экономическое сотрудничество двух стран развивается под влиянием нескольких групп разнонаправленных факторов, среди которых есть как позитивные, так и негативные.

Главным позитивным фактором следует считать решение российского руководства о «повороте на Восток» и меры по воплощению в жизнь нового политического курса на развитие восточных территорий России. Это решение было принято задолго до санкций со стороны развитых стран Запада — еще в период президентской предвыборной кампании В.В. Путина в конце 2012 г. Тогда он в одной из программных статей отметил, что «рост китайской экономики — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики»<sup>16</sup>. Именно это принципиальное решение задействовать потенциал экономического сотрудничества с Китаем для развития Сибири и Дальнего Востока дало толчок совместным проектам в этой области.

Тем не менее, вплоть до начала событий на Украине реальное наполнение данного сотрудничества отставало от того, что декларировалось сторонами во время встреч на высшем уровне (увеличение взаимного товарооборота до 100 млрд долл. к 2015 г. и до 200 млрд к 2020 г.). Переговоры по крупным проектам (прежде всего в сфере энергетического сотрудничества) шли с большим трудом из-за неуступчивой позиции обеих сторон, а «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР», подписанная президентом Д. Медведевым с то-

глашным руководителем Китая Ху Цзиньтао и рассчитанная на 2009—2018 гг., буксовала по причине ее слабой проработанности.

Обострение отношений России со странами Запада в связи с событиями на Украине, принятие против РФ санкций и ответные меры российского руководства по ограничению импорта из стран ЕС (прежде всего продовольственных товаров) заставили искать новые источники импорта и активизировать сотрудничество с Китаем по целому ряду направлений. В ходе российско-китайских саммитов 2014 и 2015 гг. удалось достичь прорыва и подписать крупные пакеты договоренностей в нефтегазовой сфере, инфраструктурных проектах и инвестиционной сфере. В 2013—2015 гг. практически вдвое вырос общий объем накопленных прямых инвестиций КНР в РФ, который к началу 2015 г. приблизился к 8,5 млрд долл., а с учетом непрямых вложений составил почти 33 млрд долл. А в сфере двусторонней торговли Китай прочно занял место основного торгового партнера РФ, обогнав традиционных лидеров — Германию и Нидерланды.

Вместе с тем, негативные тенденции в российско-китайском торгово-экономическом сотрудничестве, среди которых — дальнейшее ухудшение структуры российского экспорта в Китай (постоянный рост его сырьевой составляющей в ущерб другим направлениям) и импорта из Китая (рост машиностроительной продукции), преодолеть не только не удалось, но они стали еще более явственными. В результате это привело к серьезному падению уровня двусторонней торговли в 2015 г. по причине снижения цен на нефть и обвала курса рубля в конце 2014 г. Если в 2014 г. объем двусторонней торговли, несмотря на продолжающиеся кризисные явления в российской экономике и снижение темпов роста экономики КНР, удалось сохранить практически на том же уровне (88 млрд долл., снижение составило менее 1 %), то за первое полугодие 2015 г. товарооборот сократился почти на треть. При этом некоторые крупные контракты, по которым удалось принципиально договориться в предыдущем году, оказались, по сути, заморожены. В результате в середине 2015 г. впервые за много лет Россия потеряла привычное для себя место в первой десятке стран — главных торговых партнеров Китая, спустившись с 9 на 15 место. По объему товарооборота ее

обошли не только партнеры по БРИКС — Индия и Бразилия, но и Вьетнам, Великобритания, Нидерланды. Ее доля во внешнеторговом обороте КНР сократилась до 1,65 % против 2,2 % в конце первого полугодия 2014 г.<sup>17</sup>

Довести к концу 2015 г. объем двусторонней торговли до отметки в 100 млрд долл. не только не удалось — он снизился на 30 с лишним процентов. При этом факторы, приведшие к его сокращению, продолжают действовать. В частности, продолжается снижение (или незначительный рост) цен на сырьевые товары, что приводит к уменьшению российского экспорта в Китай в стоимостном выражении даже при том, что российским производителям удалось в 2015 г. (несмотря на общее снижение импорта Китаем сырья по всему спектру) сохранить свою долю в абсолютном выражении и даже немного увеличить ее.

Импорт Китая в первом полугодии 2015 г. по сравнению с тем же периодом 2014 г. сократился на 15,5 %, или примерно на 150 млрд долл. За первые шесть месяцев Китай сократил импорт в натуральном выражении деловой древесины на 6,7 %, угля на 37,5 %, железной руды на 0,9 %, минеральных и химических удобрений на 2,2 %, дизельного топлива на 9,3 %. В стоимостном выражении амплитуда падения почти по всем позициям оказалась существенно больше. Например, ввоз железной руды упал на 45,9 %, угля — на 49,9 %<sup>18</sup>.

В результате российский экспорт в Китай оказался под сильным двойным давлением как ценовых, так и спросовых ограничителей. В этих условиях российские экспортеры были вынуждены идти по единственному оставшемуся пути: увеличивать физические объемы поставок, несмотря на низкие цены. Наиболее отчетливо этот подход проявился в торговле основным российским экспортным товаром — нефтью. Ее удельный вес в российском экспорте в Китай составил по итогам первого полугодия 2015 г. 51 %. Поставки увеличились на 26,6 % — до 19,41 млн т. Это намного больше, чем средние темпы роста объемов нефтяного импорта Китая, которые были на уровне 7,5 % (163,4 млн т). Однако в стоимостном выражении экспорт сократился на 31,2 %, до 8,53 млрд долл.

Похоже складывались дела и по ряду других значимых товарных позиций: деловой древесине, никелю, меди, органическим химиче-



ским соединениям, целлюлозе. Нарращивание физических объемов вывоза позволило поддержать по этим позициям стоимостные показатели поставок, которые остались примерно на прошлогодних уровнях, а в отдельных случаях даже немного увеличились. Другим товарам (уголь, алюминий, горюче-смазочные материалы) повезло меньше: их вывоз обвально падал и в физических, и в стоимостных объемах.

Китайский экспорт в РФ в 2015 г. сокращался почти по всем позициям. Ввоз в Россию машин и оборудования упал на 40,8 %, автомобилей — на 57,7 %, обуви — на 34,4 %, одежды — на 37,7 % и т. д. Причина — отсутствие платежеспособного спроса. Ни в одну страну из числа основных торговых партнеров КНР китайский экспорт в 2015 г. не падал так сильно, как в Россию<sup>19</sup>.

Серьезно пострадало и приграничное сотрудничество, где вышеперечисленные проблемы проявляются еще более резко. Структура двусторонней пограничной торговли не только отличается той же асимметрией, что и структура российско-китайской торговли в целом, но и усугубляет ее (поставки сырья первичной степени переработки в обмен на машинотехническую продукцию). При этом ряд приграничных с Китаем регионов РФ практически целиком зависит от поставок из Китая не только промышленной продукции, но и продовольствия<sup>20</sup>.

Преодолеть существующее положение призваны активно принимаемые в последнее время руководством РФ меры, о которых, в частности, было объявлено президентом РФ В.В. Путиным на прошедшем в начале сентября 2015 г. во Владивостоке Восточном экономическом форуме. Это, прежде всего, программа создания на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (ТОРов). Соответствующий закон был принят в конце 2014 г., в результате чего к концу 2015 г. на Дальнем Востоке появилось уже 9 территорий опережающего развития, где инвесторам предоставляют беспрецедентные налоговые и таможенные льготы, а также обеспечивают всей инфраструктурой (налог на прибыль составляет 10 %, страховые взносы — 8 % (это на уровне наиболее низких цифр в АТР), сроки получения разрешений на строительство и подключение к электросетям — 26 и 28 дней, таможенного оформления — 6 дней, что также

быстрее, чем в других странах<sup>21</sup>), а также проект «Свободный порт Владивосток»<sup>22</sup>. Представляется, что данная программа (вкуче с другими мерами, включающими выделение земельных участков, в том числе по одному гектару каждому, кто решит заняться фермерством на Дальнем Востоке, — соответствующая программа стартовала в 2016 г., и предоставление налоговых льгот иностранным инвесторам и т. п.) должна дать серьезный толчок развитию сотрудничества территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, в том числе сотрудничества с северо-восточными провинциями Китая.

В ходе форума было подписано 80 крупных инвестиционных контрактов на сумму более 1,3 трлн руб. При этом основная часть подписанных соглашений касается проектов на территории российского Приморья и относится к разным сферам, а не только к добыче сырья. Тем не менее, на данный момент самые крупные проекты — это по-прежнему сырьевые (основные контракты пришлись на долю «Роснефти» и «Газпрома»)<sup>23</sup>.

Как подчеркивал в ходе уже упомянутого визита в Китай С. Иванов, зафиксированное в 2015 г. снижение товарооборота между Россией и Китаем никаких панических настроений не вызывает. В стоимостном выражении товарооборот действительно упал, признал глава кремлевской администрации, но в товарном выражении он не только не сократился, а даже вырос, причем не только по энергоносителям. В частности, увеличился экспорт продукции российского машиностроения<sup>24</sup>.

Касаясь совместных проектов в сфере энергетики, С. Иванов сообщил о том, что достигнуто согласие по механизму финансирования китайской стороной ее доли в Ямал-СПГ. По словам Иванова, «есть уверенность и в том, что в срок будут выполнены проекты по поставке российского газа в Китай». «Строительство газопровода «Сила Сибири» уже идет. Первые поставки по так называемому восточному маршруту ожидаются в 2019 году, по существующему контракту Россия будет поставлять газ в Китай как минимум на протяжении 30 лет, объем поставок будет достигать 38 миллиардов кубометров в год». По «западному маршруту», как подчеркнул С. Иванов, переговоры идут исключительно по ценовым показателям<sup>25</sup>.

## Выводы

Для России развитие отношений с Китаем является геополитическим и геостратегическим императивом, независимым от состояния ее отношений с европейскими партнерами. Долгосрочные факторы, определяющие необходимость стратегического взаимодействия двух сторон, продолжают сохраняться. К этим факторам относятся: общая граница, значительная взаимодополняемость экономик двух стран, общие интересы в рамках международной повестки дня (в том числе общий главный геополитический противник в лице США), сходство внешнеполитических приоритетов.

Помимо этого, всемерное развитие экономических связей и сотрудничества с КНР позволяет российской стороне отчасти компенсировать недостатки существующей экономической модели и современной стратегии экономического развития РФ. Тем не менее, на наш взгляд, перспективы российско-китайского сотрудничества, особенно в экономической области, во многом зависят от того, насколько успешно российское руководство сможет в ближайшее время перейти от существующей модели к модели инновационного комплексного развития, включающей в себя активное замещение импорта и опережающее развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока. Новый этап сотрудничества требует и новых форм взаимодействия.

Наиболее вероятным сценарием развития двусторонних отношений, в том числе в экономической сфере, следует считать умеренно-оптимистический вариант. КНР в отношениях с РФ будет по-прежнему считать главным критерием обеспечение, прежде всего, собственных интересов (сырьевых, если речь идет об экономике, а также интересов стратегической безопасности, если речь идет о политической сфере).

Такой подход, с одной стороны, будет по-прежнему диктовать Пекину необходимость развития связей с Москвой, в том числе в контексте системной (хоть и не выпячиваемой, но подспудно не уменьшающейся) конкуренции/конфронтации с США.

А с другой стороны, готовность Китая идти навстречу РФ, в том числе в ее противостоянии западному давлению, будет иметь свои

пределы, в том числе по вопросам Украины, Крыма и инвестиционного сотрудничества, если последнее не станет касаться стратегически важного для КНР ресурсного компонента.

В целом такой сценарий, как минимум, не вредит международному положению РФ, а как максимум (в случае умелого подхода к встречным заинтересованностям КНР) — может быть использован для заметной компенсации внешних и внутренних потерь, связанных с объективной изоляцией России на евро-атлантическом фланге.

Негативный сценарий, означавший бы значительные изменения существующего положения вещей, при котором вдруг произошло бы резкое охлаждение отношений Пекина и Москвы, маловероятен.

Столь же невелики и шансы на реализацию излишне оптимистичного сценария, когда КНР отошла бы от эгоцентричной «сдержанности» в вопросах Украины, Крыма, Грузии, снизила бы уровень меркантильности в подходах к важному для РФ инвестиционному сотрудничеству, прежде всего в сферах, связанных с задачами подъема восточных регионов РФ, резко ограничила бы вынос в публичное поле (ныне это — не редкость) исторических сюжетов, связанных с «неравноправными двусторонними договорами» XIX—XX вв.

### Примечания

<sup>1</sup> URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50207>

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> URL: <http://www.interfax.ru/world/497609>

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Григорьева Е. Сила притяжения // Российская газета. 27.03.2016. URL: <http://rg.ru/2016/03/27/ivanov-vizit-v-pekin-prines-osiazaemuiu-polzu-dlia-nashih-narodov.html>

<sup>6</sup> Ларин В. Не потерять направление // Россия в глобальной политике. 2014. № 4 (август). URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-poteryat-napravlenie-17643>

<sup>7</sup> См.: там же.

<sup>8</sup> Синьхуа. 31.03.2015.

<sup>9</sup> URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ne-poteryat-napravlenie-17643>

<sup>10</sup> Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК (полный текст). URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023974.html>

<sup>11</sup> Здесь и далее см.: *Виноградов А.О.* Новый тип отношений и новый шелковый путь. К вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / отв. ред. Е.И. Сафронова. Вып. XX. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 69—87.

<sup>12</sup> URL: <http://www.odnako.org/blogs/nuzhen-li-rf-soyuz-s-kitaem/>

<sup>13</sup> О потенциале двустороннего сотрудничества по данной проблематике см., напр.: *Уянаев С.В.* Сотрудничество в защите итогов Второй мировой войны как важное направление российско-китайского взаимодействия в сфере обеспечения мира и безопасности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. Вып. XX. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 57—68.

<sup>14</sup> URL: <http://ni.globalaffairs.ru/vtoraya-mirovaya-vzglyad-iz-pekina/>

<sup>15</sup> URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Konetc-obschikh-pravil-17622>

<sup>16</sup> URL: <http://archive.premier.gov.ru>

<sup>17</sup> URL: <http://www.interfax.ru/business/457580>

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Подробнее см.: *Александрова М.В.* Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Китая // КНР: политика, экономика, культура, 2012—2013 гг. М.: Наука, 2013. С. 238—259.

<sup>21</sup> URL: <http://www.kp.ru/daily/26429.7/3301167/>

<sup>22</sup> URL: <http://www.ltv.ru/news/economic/291573>

<sup>23</sup> URL: <http://www.kp.ru/daily/26429.7/3301167/>

<sup>24</sup> *Григорьева Е.* Сила притяжения...

<sup>25</sup> Там же.

*Ю.В. Морозов*

## СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ КИТАЯ, РОССИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

*Аннотация.* Став второй экономической державой в мире, КНР стремится перенести центр глобального экономического развития в Азию, где она является основным «драйвером» политико-экономической жизни. Для этого Пекин разработал ряд стратегий, которые совпадают с интеграционными планами России в Евразии. Однако они не соответствуют планам Соединенных Штатов, старающихся сохранить свое лидерство в мире. Для этого США используются различные программы, основанные на американских концепциях развития мирового сообщества. В статье поставлена цель дать оценку препонам на пути реализации интеграционных проектов КНР в Евразии, и определить наиболее рациональную площадку для оптимизации интеграционных усилий России и Китая.

*Ключевые слова:* Россия, Китай, США, Центральная Азия, Новый шелковый путь, «Один пояс, один путь», «Большая Центральная Азия», ШОС, ОДКБ, ЕАЭС.

### Экономические концепции Китая для Евразии

16 сентября 2013 г., выступая в Астане, председатель КНР Си Цзиньпин представил проект для Евразии «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), имеющий стратегическую перспективу<sup>1</sup>.

Перспективность реализации ЭПШП обусловлена особенностями формирования современных тенденций международной жизни.

*Первая тенденция:* в условиях XXI в. развивающиеся страны постепенно укрепляются в роли основных «драйверов» мировой экономики. Речь в данном случае идет о Китае, руководство которого до сих пор относит это государство к развивающимся странам; России, восстанавливающей свой экономический потенциал и о других государствах БРИКС, которые становятся экономическими лидерами в Азии, Латинской Америке и Африке. В это же время страны Запада увязли в трясине инициированных ими кризисов на Украине, Ближнем Востоке и в Северной Африке, борьбой с миграционными потоками и в перераспределении сфер влияния в мире.

*Вторая:* появление таких «драйверов» способствует становлению новых мировых центров экономического развития. При этом его центр постепенно сдвигается на просторы между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Центрально-Азиатский регион (ЦАР) становится мостом, связывающим Европу и Азию, где Россия является естественным «постсоветским» лидером, Китай же, претендуя на лидерство в азиатском мире, заинтересован в стабильной Евразии для успешности его экономических связей.

*Третья:* активизация регионального сотрудничества как реакция на смену уходящего однополярного миропорядка. Фиаско американской «сверхдержавности» заставляет страны теснее интегрироваться друг с другом. Речь идет не только о региональных экономических связях, но и о новых валютных союзах, о стремлении сообща одолеть глобальную проблему — гегемонию доллара в мировой экономике (важная веха на этом пути — решение МВФ включить с 1 октября 2016 г. китайский юань в «корзину» международных резервных валют).

С учетом этих тенденций председатель КНР во время своих визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии (сентябрь и октябрь 2013 г.) выдвинул инициативу по реализации проектов ЭПШП и «Морского Шелкового пути XXI века» в рамках исполнения единой стратегии «Один пояс, один путь». Эта инициатива предполагает создание стратегических опорных пунктов для развития внутренних районов государств, участвующих в ее реализации,

что будет способствовать экономическому преуспеванию стран вдоль «Великого шелкового пути» и сотрудничеству между цивилизациями. Для этого правительство КНР разработало документ «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века». В нем определено основное содержание международного сотрудничества, которое включает 5 пунктов: политическая координация, взаимосвязь инфраструктуры, бесперебойная торговля, свободное передвижение капитала и укрепление близости между народами<sup>2</sup>. В перспективе «Один пояс, один путь» свяжет транспортной сетью Азию, Европу и Африку. С одного конца этого пути будут находиться активные «драйверы» Восточной Азии, с другого — развитые экономики Европы, а между ними — обширные территории ЦАР со значительным потенциалом экономического развития. Будут созданы коридоры экономического сотрудничества «Китай—Монголия—Россия», «Китай—Центральная Азия—Западная Азия» и «Китай—Индокитай». В их основу лягут крупные международные маршруты с опорными точками в ключевых городах и в торгово-экономических и производственных зонах.

Основные наземные маршруты ЭПШП пролягут из Китая через Центральную Азию (ЦА) и Россию до Балтийского моря; через ЦА и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря; через Юго-Восточную и Южную Азию к Индийскому океану. Экономические коридоры «Китай—Пакистан» и «Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма» будут интегрированы в проект «Один пояс, один путь». Направления морского пути планируется проложить из портов КНР через Южно-Китайское море до Индийского и Тихого океанов, через Северный Ледовитый океан до Европы. На этих акваториях будут созданы безопасные маршруты с узловыми точками в важнейших портах.

Укрепить многостороннее взаимодействие Китай планирует за счет использования преимуществ таких механизмов, как ШОС, «Китай—АСЕАН», АТЭС, Форум «Азия—Европа», Диалог по сотрудничеству в Азии и ряд других международных организаций с участием КНР. Реализуя проект по возрождению «Шелкового пути»,



Пекин старается перенести экономический центр мира в сторону Азии, где Китай является основным «драйвером» политико-экономической жизни.

## Евразийская интеграция: взгляд из России

Китайские устремления в рамках проекта «Один пояс, один путь» воспринимаются в России с повышенным интересом. Одновременно Москва в своих начинаниях предпочитает использовать термин «евразийская интеграция» и старается сохранить традиционное влияние в одном из важных регионов Евразии — ЦА, для чего у нее есть весомые основания.

*Во-первых*, существующая политическая система большинства государств ЦА гораздо ближе к российской, чем какой-либо другой. Зачастую в республиках ЦА копируют различные институты и элементы законодательства РФ. При этом подход государств ЦАР к проектам, касающимся их судьбы, весьма прагматичен. Он разнится от страны к стране, но в целом можно констатировать, что там готовы поддержать проект любой стороны, если он выразится в финансовых и иных дивидендах и не будет подрывать основы существующего строя. Поэтому они не особо поощряют западные программы «гуманитарного содействия развитию общества», но всячески поддерживают российские проекты, направленные на развитие гуманитарных связей<sup>3</sup> и национальных экономик в ЦА. Это касается и китайской магистрали ЭПШП протяженностью более 12 тыс. км, которая позволит государствам ЦА выйти к Балтийскому морю и обеспечить развитие узловых участков на своей территории. Москва также играет конструктивную роль в поддержании баланса сил в регионе<sup>4</sup>.

*Во-вторых*, стандарт колеи железных дорог России и стран ЦА составляет 1520 мм. Колея шире, чем в Китае, США и Европе (1435 мм)<sup>5</sup>. Это было сделано с целью обеспечения устойчивости путевого полотна при его эксплуатации и повышения скорости поездов без модернизации подвижного состава, а также — для затруднения снабжения войск противника, в случае его вторжения в Россию и страны ЦА. Единство стандартов колеи на железных дорогах Рос-

сии и ЦА облегчает перевозку тяжелых грузов на большие расстояния без существенной задержки на перевалочных станциях.

И, наконец, *в-третьих*, стратегические интересы России и Китая в ЦА не противоречат друг другу и близки по вопросам безопасности границ, борьбы с терроризмом, поддержания региональной стабильности и политического взаимодействия, направленного на ограничение присутствия США в регионе, противодействие курсу на «демократические реформы», ведущему к «цветным революциям». Пекин признает интересы РФ в ЦА, что облегчает его сотрудничество с Москвой в контексте ЦАР.

Евразийскую интеграцию и укрепление в ней своей роли Москва планирует посредством использования таких многосторонних механизмов, как ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и ряда других организаций, где Россия играет одну из ключевых ролей. К этому следует добавить, что 8 мая 2015 г. главы РФ и КНР подписали совместное заявление по сопряжению ЭПШП и ЕАЭС. Это позволяет Москве с одной стороны — облегчить решение застарелой проблемы российских дорог и развития инфраструктуры страны, а с другой — укрепить российско-китайское сотрудничество на Евразийском континенте. Для этого был создан рабочий механизм по состыковке ЭПШП с ЕАЭС. В октябре 2015 г. был подписан меморандум между РФ и КНР о строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва—Казань—Пекин», состыкованной с БАМом и Трансибом<sup>6</sup>. По территории РФ также пройдет автодорога «Китай—Западная Европа» протяженностью 1965 км. Запуск этой платной трассы запланирован на 2019 г., а стоимость российского отрезка пути составит около 6 млрд долл.<sup>7</sup> Реализация указанных проектов может стать ключевым «драйвером роста» не только для экономики России, но и для стран Центрально-Азиатского региона.

## Американские концепции для Центрально-Азиатского региона и сопутствующие им программы

Иной характер имеет деятельность Соединенных Штатов в этом регионе. США выгодна дезинтеграция евразийского пространства

путем поддержки сепаратистских движений и провоцирования внутренних конфликтов (все это можно наблюдать на Украине, где при подстрекательстве США был осуществлен государственный переворот). Это позволяет Вашингтону усиливать свое влияние на ситуацию в регионе и теснее сплачивать государства Евразии вокруг НАТО, возглавляемой США.

Если же говорить о ЦА и примыкающему к ней Прикаспию, то здесь Соединенными Штатами прежде всего движут экономические интересы. Геоэкономически этот регион весьма значим, так как он обладает немалыми стратегическими ресурсами — нефтью, газом и ураном. Так, доказанные запасы нефти в ЦА составляют около 27 млрд т (второе место после Персидского залива). Из них материковые запасы — 8,5 млрд т, а запасы газа оцениваются в 5,5 трлн куб. м<sup>8</sup>. В акватории Каспийского моря оценки запасов нефти колеблются от 2,3—4,5 млрд т до 5,4 млрд т. Прогнозные запасы — от 16 млрд до 32 млрд т<sup>9</sup>. Эти запасы почти в 2 раза превышают ресурсы Северного моря и примерно равны запасам Северной Америки, т. е. сопоставимы с ресурсами крупнейших нефтеносных районов мира<sup>10</sup>. В условиях возрастающего значения ядерного фактора (как гаранта безопасности) большое значение региону придает наличие запасов урана. На Казахстан приходится почти 25 % мировых запасов урана; крупные урановые месторождения есть в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии.

И, наконец, расположение ЦАР на стыке евроазиатских транспортных магистралей является важным фактором не только его экономической, но и стратегической значимости, что особенно привлекает США. Местоположение ЦА как сердцевины Евразии позволяет Вашингтону контролировать практически все области региона и влиять на их безопасность. Наиболее ярким примером американского влияния на региональную безопасность стала война в Афганистане. Под прикрытием лозунга «глобальной борьбы с международным терроризмом» Вашингтон начал активно действовать в плане внедрения в данный регион и усиления влияния на все аспекты развития расположенных в нем стран, чтобы обеспечить там реализацию собственных планов. Для этого Вашингтоном были разработаны различные стратегические концепции.

Так, в 2005 г. была декларирована концепция «Новый шелковый путь», явно перекликающаяся с доктриной «Большой Центральной Азии» (БЦА), которая активно муссируется Центральным командованием ВС США. Обе концепции связаны с именем Ф. Старра — главы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса. В журнале «Foreign Affairs» за июль—август 2005 г. он высказался за создание «Партнерства по сотрудничеству и развитию БЦА» — регионального форума по осуществлению серии программ под эгидой США. Их суть сводится к ориентированному на Америку развитию Афганистана и государств ЦА, причем, без привлечения РФ, КНР, Ирана.

Цель Партнерства — содействовать превращению Афганистана и региона в целом в зону государств с рыночной экономикой, светскими и открытыми системами государственного управления, поддерживающими позитивные отношения с Вашингтоном<sup>11</sup>. Активное участие Пентагона в этом проекте дает основание полагать, что он направлен на военно-стратегическое объединение ЦА и Афганистана под эгидой США. Планируется вовлечение в БЦА и других сопредельных государств.

Все это соответствует замыслам США, связанным с реализацией более крупного геополитического и экономического проекта под названием «Большой Ближний Восток», распространяющегося на регионы Ближнего и Среднего Востока, Кавказ и бассейн Каспийского моря. Иначе говоря, — пространство, которое охватывает области, богатые ресурсами, и удобные транзитно-коммуникационные коридоры. По сути, американские политологи планируют установить через Афганистан тесные связи государств ЦА с Индией и Пакистаном с тем, чтобы ослабить их ориентацию на Москву и Пекин<sup>12</sup>.

О значении этих идей для Белого дома говорит то, что в октябре 2005 г. госсекретарь США К. Райс реорганизовала южно-азиатский отдел Госдепартамента, передав ему вопросы пяти центрально-азиатских государств. В апреле 2006 г. на слушаниях по политике США в ЦА в Комитете по международным делам Палаты представителей Конгресса помощник госсекретаря Р. Баучер, опираясь на идеи Ф. Старра, пошел гораздо дальше, придав им роль откровенного

идеологического прикрытия американского влияния в регионе. В своем докладе он ясно дал понять, что не считает Россию и Китай ведущими игроками в деле создания связки между Центральной и Южной Азией. Вашингтону также важно «увести» нефть ЦА и с китайского направления — в сторону рынка, контролируемого биржами в Нью-Йорке, Лондоне, Токио и Сингапуре<sup>13</sup>. Эти и другие обоснования изоляции России и Китая приводятся в труде «Стратегия Шелкового пути: XXI век». А на практике нефть из Казахстана поставляется на Запад в обход России по нефтепроводам «Европа—Кавказ—Азия» и «Баку—Тбилиси—Джейхан», являющимися элементами американского «Нового Шелкового пути».

Придавая геополитическую завершенность перечисленным процессам, госсекретарь США К. Райс в свое время обсуждала с президентами Афганистана, Пакистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана возможность создания региональной организации, которая ориентировалась бы на США и стала бы противовесом ШОС. В рамках реализации этих замыслов США выделили странам региона 1,4 млн долл. для «облегчения таможенных процедур»<sup>14</sup>. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан были приглашены США к участию в программе НАТО «Партнерство ради мира», Вашингтон также пообещал им ежегодно увеличивать финансирование сотрудничества в военной области. В рамках программы американцами ведется работа в таких областях, как подготовка кадров, техническое содействие реализации программы «Каспийский страж» и т. д. Особое внимание уделяется подготовке миротворческих батальонов по стандартам НАТО; военные контингенты из республик ЦА несли службу в Исламской Республике Афганистан (ИРА) и Ираке.

Однако реализация идей БЦА столкнулась с серьезными трудностями, так как во многом они были основаны на перспективе быстрой стабилизации ситуации в Афганистане и разрабатывались после того, как президент Дж. Буш-мл. объявил в 2004 г. о победе над терроризмом. Но по мере осложнения ситуации в ИРА в последующие годы о многих американских планах и программах пришлось забыть.

На этом фоне в 2009 г. была выдвинута уточненная концепция «Нового шелкового пути». В статье, написанной Ф. Старром совме-

стно с А. Качинсом, была вновь провозглашена необходимость для Афганистана стать «круговой развязкой на Новом шелковом пути от Индии до Юго-Восточной Азии, с шоссе и железными дорогами, ведущими на север, юг, восток и запад». В качестве элемента этой развязки можно назвать кольцевую дорогу в ИРА протяженностью 3362 км, которая использовалась для решения военных задач, включая вывод войск западной коалиции из Афганистана<sup>15</sup>.

Идея «Нового шелкового пути» в последней интерпретации несколько смягчена: роль Китая и России не исключается, но направление на Южную и Юго-Восточную Азию остается основным. Акцент на строительстве дорог свидетельствует о том, что американская стратегия в Афганистане придает этой стране роль, прежде всего, «транзитного коридора». Ввиду этого и была создана «Северная распределительная сеть» — транспортная инфраструктура в северном (через Узбекистан, Казахстан и Таджикистан) и северо-западном (через Туркменистан) направлениях. Дружественные администрации Белого дома эксперты представляют это как шаги в направлении реализации концепции «Нового шелкового пути». Однако большинство специалистов считают идеи Ф. Старра нереализуемыми в связи со сложностью обстановки в Афганистане.

В целом, анализируя подходы к политике в ЦА уходящей в 2016 г. администрации Б. Обамы, можно выделить четыре момента.

*Первый* — политика Вашингтона по-прежнему нацелена на формирование БЦА, а также на вовлечение стран региона в сферу своего влияния. В ее рамках американская администрация рассматривает ЦА как объект расширения «зоны ответственности», которая охватывает «дугу нестабильности» (Афганистан, Иран, Пакистан) и ряд других государств.

*Второй* — решения, принимаемые Б. Обамой на этом направлении, починены задаче сохранения военного присутствия в ИРА как стратегического фактора влияния на Иран и КНР и решения афгано-пакистанских проблем. Это обстоятельство обуславливает увеличение помощи Афганистану и Пакистану в подготовке их армий и сил безопасности, а также проведение совместных действий против талибов и ИГИЛ. 5,5 тыс. военнослужащих США будут находиться в ИРА и после 2016 г.

*Третий* — тем не менее, присутствие США в Афганистане существенно сокращается, поэтому курс Вашингтона в регионе будет формироваться в условиях ограничения ассигнований на оборону и необходимости решения новых геополитических задач. 9 февраля 2016 г. Минобороны США опубликовало проект оборонного бюджета на 2017 г. В нем есть несколько особенностей: в 2017 г. оборонный бюджет составит 583 млрд долл. (сокращение на 1,9 %). При этом будут увеличены расходы на военные действия за рубежом. Проект перечисляет пять угроз для Соединенных Штатов: со стороны России, Китая, КНДР, Ирана и ИГИЛ. В нем особо отмечается, что основная угроза будет исходить от Китая и России. То есть предполагается обострение соперничества между сверхдержавами; особое значение придается бюджету на исследования, связанные с новой военной стратегией США — Third Offset, цель которых — получить военное и технологическое преимущество над Россией и Китаем в долгосрочной перспективе<sup>16</sup>.

*И четвертый*: ряд кризисов последнего времени, разразившихся в других регионах мира, вытесняет Центральную Азию из американской повестки. Кампания против «Исламского государства» в Сирии и Ираке, кризис на Украине, гражданские войны в Йемене и Ливии, вступление в действие ядерного соглашения с Ираном и противостояние усиливающемуся напору Китая превосходят по своему значению события в ЦАР. Поэтому значение Центральной Азии для американских интересов постепенно уменьшается<sup>17</sup>.

В перспективе в этом регионе Вашингтон будет использовать как уже имеющиеся рычаги влияния, так и делать упор на политику «мягкой силы» и «стратегии не прямых действий». Приоритетным направлением станет сотрудничество с Казахстаном и Узбекистаном. Следует ожидать, что новая администрация США усилит свое «наступление» на государства ЦА и попытки выдавить оттуда Россию и Китай. Вероятность такой преемственности объясняется поддержкой, выраженной Б. Обамой разработанному администрацией Дж. Буша плану БЦА<sup>18</sup>.

Подводя итоги американской политики в регионе, можно сказать, что на ближайшую и среднесрочную перспективу цели США в отношении стран ЦА останутся вполне конкретными. Они включа-

ют: удержание этих государств в орбите американской региональной и глобальной стратегии посредством экономических, военно-политических, идеологических и культурно-гуманитарных механизмов влияния. При этом для Вашингтона крайне нежелательно усиление в регионе других держав, в частности России и Китая. Поэтому он будет стремиться в первоочередном порядке реализовать там комплекс особых задач, в том числе в *экономической сфере*: получение доступа к энергоресурсам ЦА и прилежащих районов, контроль маршрутов их поставки на мировые рынки; создание условий для организации в случае необходимости сырьевой блокады Китая; обеспечение контроля над стратегическими запасами урановой руды. В *военно-политической сфере*: сохранение военного присутствия в ИРА с целью удержания плацдарма для вероятного вмешательства в дела Пакистана и Ирана, сдерживания Китая и оказания давления на Россию; обеспечение возможности оперативного реагирования на ситуацию в странах ЦА. В *идеологической сфере* — подталкивание процессов демократизации в странах ЦА по западному образцу и поощрение их властей в строительстве государств по модели союзной США Турции.

В ходе решения этих задач Вашингтон осуществляет меры, направленные на: постепенный вывод стран региона из-под влияния Пекина и Москвы; поэтапное включение государств Азии в торгово-экономические союзы, находящиеся под американским контролем, а также вовлечение их в более активное сотрудничество с НАТО. Это влечет за собой появление новых или сохранение уже существующих проблем для КНР, препятствующей реализации интеграционных проектов США в Евразии.

## Проблемы, препятствующие реализации интеграционных проектов Китая

Американские концепции в Евразии создают для Китая сложности на пути осуществления его интеграционных проектов. Базовым фактором в данном случае является китайско-американское «соперничество-партнерство». В начале первого президентского срока



Б. Обамы появилась концепция «Большой двойки» (G2). Она была нацелена на беспрецедентное взаимодействие США с Китаем с тем, чтобы достичь мирового лидерства совместно с КНР, предложив ей сформировать что-то похожее на дуумвират. G2 предполагала не соперничество с Китаем в XXI в. за статус сверхдержавы, а совместное обладание этим статусом и превращение КНР в союзника. (Понятно, против кого Вашингтон предполагал дружить с Китаем). Однако концепция, не учитывающая реального положения в мире, так и не была реализована. А из-за политики, проводимой Вашингтоном в Афганистане, обозначилась реальная угроза того, что террористы и сепаратисты будут проникать из ИРА в КНР и раскачивать ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где планируется прокладка маршрутов ЭПШП.

Ныне США уже не отрицают тот факт, что американо-китайское сотрудничество постепенно сходит на нет из-за существования ряда других серьезных проблем: Тайвань, Тибет, Северная Корея, права человека, рост военной мощи КНР и т. д. Китай в свою очередь озабочен созданием США системы ПРО в Тихом океане, эмбарго на поставки в КНР «чувствительных» технологий, громадным дисбалансом в двусторонней торговле<sup>19</sup>. Кроме того, Вашингтон препятствовал участию Пекина в «Соглашении о Транстихоокеанском партнерстве», которое было подписано в Атланте в 2015 г. 12 странами, включая Канаду(!)<sup>20</sup>. Китай также не фигурирует и в другом американском проекте — «Трансатлантическом союзе». На Ближнем Востоке основной экспорт нефтересурсов в Китай идет по Персидскому заливу, который находится под контролем ВМС США. И в случае блокады этого маршрута Пекин может оказаться под влиянием Вашингтона в принятии решений по реализации проекта «Один пояс, один путь».

США и Китай, конкурируя между собой за лидерство в азиатской части Тихого океана, генерируют очаги напряженности в этом регионе. Увеличение военной мощи Южной Кореи, наличие военной базы США в Японии и процесс милитаризации последней вызывают озабоченность китайских стратегов. В свою очередь, если КНР попытается решить территориальные проблемы в Южно-Китайском море и присоединить Тайвань силовым путем, то это крайне встре-

вожит соседние страны и США. Ввиду этого, их отношения с Китаем будут развиваться по формуле: сосуществование, сотрудничество, соперничество и, в крайнем случае — регулируемая конфронтация<sup>21</sup>. Данная вероятность тоже может сказаться на выборе маршрутов из портов Китая в южную акваторию Тихого океана.

Помимо проблем с Соединенными Штатами, разногласия с Россией тоже могут создать для Китая в 2016 г. дополнительные внешнеэкономические сложности.

Пока «разворот в Азию», который провозгласила Москва после введения западных санкций, не идет дальше деклараций. У правительства РФ нет достаточного финансового обеспечения планов развития Дальнего Востока. Видится вероятным проявление конфликта интересов КНР и России по вопросам реализации проекта «опережающего развития» ДВФО и по прокладке транспортного маршрута ЭПШП из Китая на европейские рынки в силу следующего обстоятельства: Москва хотела бы, чтобы Китай проложил большую часть «Шелкового пути» по территории России. Однако Пекин рассматривает и маршруты выхода в Европу в обход России (через Казахстан, Турцию, Азербайджан и Грузию). Это совпадает с планами Евросоюза, который также изучает возможности доступа к ЦА не через Россию, а через Турцию и Кавказ для реализации там своих экономических целей, хотя некий политический мотив в этих планах тоже присутствует (переориентация ЦА с России и Китая на Европу через члена НАТО — Турцию).

Прибалтийские страны соревнуются между собой и с Россией за возможность стать для Китая логистическим агентом, имеющим выход к Балтийскому морю<sup>22</sup>. Они рассчитывают заместить российские порты своими морскими гаванями для грузов ЭПШП. Пока что выигрывает в борьбе за «шелковый» грузопоток Литва: в 2015 г. были подписаны соглашения между китайской корпорацией China Merchants Group (CMG) и Клайпедской свободной экономической зоной, а также с Клайпедским портом. CMG планирует построить в Клайпедке логистический парк, а также инвестировать средства в портовую инфраструктуру и стать управляющим одного из терминалов. В конце 2015 г. бизнес-делегация из Китая посетила Латвию, где директор CMG в странах Центральной Азии и Балтии Ху Жэн

(Hu Zheng) сообщил о планах Китая инвестировать в литовские порты после анализа их возможностей. Эстония также видит свои порты частью «Шелкового пути», ибо они по сравнению с литовскими гаванями обладают более модернизированной инфраструктурой. В таких условиях российские порты, конкурирующие за грузы с Прибалтикой, рискуют остаться на периферии ЭПШП. Однако транзит грузов в Европу через прибалтийские государства, обладающие «суррогатной суверенностью», является высокорискованным для Китая. По словам эксперта А. Карпова, «если им скажут перекроить транзит — они его перекроют»<sup>23</sup>.

На пути осуществления китайских интеграционных проектов существует ряд других препятствий. Так, возрождения «Шелкового пути», видимо, не стоит ожидать в ближайшее время, поскольку этот проект финансово затратный и чреват многими организационными и техническими сложностями. Они присутствуют и в концепции ЭПШП, где все еще нет системности и четкости в наиболее значимых вопросах реализации этого проекта. Так, среди перечисленных в концепции ЭПШП механизмов не упоминается ЕАЭС. Поэтому существует потребность совместной проработки концепции со стороны Китая, России, других членов ЕАЭС, определения параметров состыковки евразийских форматов экономического взаимодействия, создания правовой базы их сопряжения.

Очевидно, для решения существующих проблем по проекту ЭПШП идеальной площадкой могла бы стать ШОС. Специфика центрально-азиатского измерения ШОС заключается в том, что государства ЦАР в отношениях с РФ и КНР одновременно выступают и субъектами политики в сферах экономики и безопасности, и объектами российско-китайских инициатив. Подобный объектно-субъектный характер отношений обусловлен, с одной стороны, независимым статусом государств ЦА, имеющих право на независимую политику, с другой — разностью экономического и политического потенциала этих государств по сравнению с Россией и Китаем. Экономическое превосходство позволяет Пекину во взаимодействии с Москвой инициировать в регионе собственные проекты, особенно ввиду того, что ныне в ШОС слабо продвигается многостороннее экономическое сотрудничество. При развитии его в рамках ЭПШП,

российско-китайские отношения в Евразии получают новый импульс, а наложение кооперационных механизмов ШОС и ЭПШП даст возможность использования китайских ресурсов для развития государств ЦА и России. В связи с этим представляется, что программа создания «Экономического пояса Шелкового пути» могла бы стать катализатором многостороннего экономического сотрудничества государств ШОС и проводиться при самом активном участии, а то и под эгидой этой Организации. Координация проекта ЭПШП со схожими программами других международных институтов, таких как ПРООН и ЮНЕСКО, тоже видится весьма желательной, хотя и труднодостижимой.

### Примечания

<sup>1</sup> Проект «Экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь XXI века» / Госкомитет по делам развития и реформ, МИД и Министерство коммерции КНР. Издано Госсоветом КНР в марте 2015 г. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfbd/aa11>; *Лукин А. В.* Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // *Международная жизнь*. 2014. № 7. С. 84—98.

<sup>2</sup> Проект «Экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь XXI века»...

<sup>3</sup> См.: *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов ШОС за пять лет ее существования // *Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития*. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 161—183.

<sup>4</sup> Евразийский союз. URL: <http://ruxpert.ru/ТС>

<sup>5</sup> Железнодорожная колея в разных странах. URL: <http://www.bygeo.ru/materialy/karty/713-zheleznodorozhnaya-koleya-v-raznyx-stranax.html>

<sup>6</sup> URL: <http://moscowbeijing.ru/ru/ru-analytics/ru-infrastructure/kogda-i-kak-окупится-zheleznaya-doroga-moskva-kazan-pekin>

<sup>7</sup> *Зозуля В.* Шелковый путь-поворот на Россию. Москва—Пекин, январь—февраль 2016 г. С. 12—13.

<sup>8</sup> Security Threats in Central Asia and Prospects for Regional Cooperation (Roundtable discussion). East West Institute's Brussels Center and the Hanns Seidel Foundation. January 28, 2015. URL: <http://www.eastwest.ngo/idea/security-threats-central-asia-and-prospects-regional-cooperation>

<sup>9</sup> *Якубовский В.Б.* Геоэкономическое значение Центрально-азиатского региона. Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 109.

<sup>10</sup> *Иванов Э.М.* Экономические отношения России со странами Центральной Азии / Российский Институт стратегических исследований. 2006.

<sup>11</sup> *Starr F. S.* A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*. 2005. July/August. URL: [http://www.cfr.org/publication/8937/partnership\\_for\\_central\\_asia.html](http://www.cfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html)

<sup>12</sup> *Морозов Ю.В.* Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2016.

<sup>13</sup> URL: <http://www.rusus.ru/print.php?id=194>

<sup>14</sup> *Быков П.* Большая Игра обязательно закончится. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1130560440>

<sup>15</sup> *Нессар О.* Афганистан: от экономики войны к экономике добрососедства. URL: <http://afghanistan.ru/doc/22371.html>

<sup>16</sup> *Ватанабэ Ёсикадзу.* Военная конкуренция США, России и Китая. URL: <http://inosmi.ru/military/20160229/235569386.html>

<sup>17</sup> *Румер Е., Сокольский Р., Стронски П.* Политика США в Центральной Азии 3.0. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160321/235793015.html>

<sup>18</sup> *Морозов Ю.В.* Американская политика и стратегия в локальной войне в Афганистане и их влияние на региональную безопасность. М., 2015.

<sup>19</sup> *Холбрук Р.* Проблемы американо-китайских отношений // *The Wall Street Journal*. URL: <http://inosmi.ru/world/20050531/219983.html>

<sup>20</sup> *Яту Чун.* Китай и ТРП (ТТП) // *Китай*. 2015. № 11. С. 28.

<sup>21</sup> *Морозов Ю.В.* Перспективы стратегии России в Северо-Восточной Азии в XXI веке // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 21. С. 34–45.

<sup>22</sup> ИА REGNUM. Итоги 2015: Россия убивает порты Прибалтики, а Белоруссия и Китай — спасают. URL: [http://regnum.ru/news/economy/2049222.html?utm\\_source=infox.sg](http://regnum.ru/news/economy/2049222.html?utm_source=infox.sg)

<sup>23</sup> Там же.

С.Г. Лузянин

## ШОС, КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ «ШЕЛКОВОГО ПУТИ» И ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: ВАРИАНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ/СОПРЯЖЕНИЯ В ЕВРАЗИИ\*

*Аннотация.* В статье представлен многоплановый анализ окружающей международной среды, предпосылок, возможных направлений, трудностей и перспектив взаимодействия/сопряжения трех интеграционных проектов: китайского «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), инициированного Россией Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также ШОС.

*Ключевые слова:* Россия, Китай, «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ШОС, безопасность, экономика, сотрудничество, сопряжение, стратегическое партнерство, Северо-Восточная Азия, интеграция.

### Введение

Изучение процессов сопряжения китайского Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а так же возможностей их взаимодействия с Шанхай-

---

\* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-07-00024 «Поглощение, сопряжение или конфликт? ШОС, китайский проект “Шелкового пути” и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия в Евразии».

ской организацией сотрудничества (ШОС) достаточно быстро активизируется на российском, китайском и центрально-азиатском экспертном пространстве. Ежегодно выходят десятки различных экспертно-аналитических материалов, но большая их часть написана с «китайских позиций», то есть начальный посыл большинства работ — это несомненность успеха китайского мегапроекта и выгод, которые получают контрагенты — страны, вошедшие в системный контакт в рамках сопряжения (*дуй цзе*).

Очевидно, что сам по себе контакт (сопряжение) носит многоплановый и комплексный характер, затрагивающий не только транспортную сферу, но и другие экономические кластеры вовлеченных государств. Он может потребовать корректировки ряда международно-региональных положений внешней политики КНР, РФ, стран Центральной Азии и Белоруссии. В связи с этим просматривается ряд предварительных общих замечаний по теоретической и практической части проблематики сопряжения.

## «Внутренние» вызовы процесса сопряжения.

### Возможности и проблемы их купирования

Во-первых, это характер постановки вопроса в экспертной литературе. Известно, что пока сам процесс сопряжения на примере ЕАЭС, ЭПШП и ШОС и других «стыков» представлен в работах достаточно схематично. И сценариев, в которых анализируются отрицательные стороны сопряжения — поглощение сильными предприятиями слабых, разорение местной промышленности и др., также немного. Отдельные российские эксперты (А.Г. Ларин, И.Е. Денисов) пытаются осветить некоторые проблемные грани российско-китайского или китайско — центрально-азиатского «сопряжения». Но целостной картины еще не сложилось. Тем более не сложилась и прогнозно-сценарная часть (в частности, в России), в которой были бы четко прописаны рекомендации «поведения», то есть, что и как делать, дабы избежать поглощения и разорения слабых сегментов российской промышленности. Отсутствуют пока и рекомендации по выстраиванию оптимальной логистики и направлений транс-

портных «коридоров», соответствующих российским транзитным и иным транспортным интересам. Процесс строительства новых и модернизации старых «коридоров» идет в основном в рамках китайской стратегии освоения Евразии, мало учитывающей российские интересы.

В России (ее экспертном сообществе) пока отсутствует понимание характера и направленности «внутренних» механизмов такого сопряжения и возможных внешних вызовов и угроз для подобного проекта. А это и вызовы исламского фундаментализма (Исламское Государство), и гипотетические варианты экономического поглощения Китаем части Евразии, а также возможные конфликты интересов ключевых акторов (РФ, КНР, Индия, Пакистан, Афганистан, Казахстан и др.) в ходе реализации предполагаемого сопряжения.

Возможно, для начала необходима детальная структуризация/классификация потенциальных вызовов и угроз, включая анализ секторальных (транспортных, инфраструктурных, инвестиционных, гуманитарных и др.) вызовов, а также экспертное обоснование сроков их проявления. Поскольку китайский проект «Один пояс, один путь» и его евразийская часть «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) не является институализированной структурой, а скорее процессом экономической рекогносцировки, те или иные угрозы будут носить, скорее всего, разновременный характер. В этой связи необходима разработка «временной карты» формирования и проявления тех или иных угроз. Скорее всего, в настоящее время первоочередной проблемой и одновременно задачей станет инфраструктурная сфера реализации железнодорожных проектов в Евразии, инициированных Китаем в рамках ЭПШП.

## Транспортная логистика Пояса и проблемы сопряжения

Во-вторых, это специфика реализации Китаем «первой очереди» ЭПШП — транспортных проектов. Если структурировать основные маршруты ЭПШП, то можно выделить, как минимум, 6 «коридо-



ров»: 1) упоминаемый выше высокоскоростной железнодорожный коридор «Пекин—Москва»; 2) связка «Китай—Монголия—Россия»; 3) «Китай—Центральная Азия—Западная Азия»; 4) «Китай—Индокитайский полуостров»; 5) «Китай—Пакистан»; 6) «Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма».

Хотя в среде российских и китайских ученых рассматриваются и иные маршрутные «расклады»<sup>1</sup>, в целом логистика и общая направленность представленных маршрутов в принципе совпадают. Причем данная сеть в КНР получила уже некую концептуализацию: *«дунвэнь — бэйцян — нанься — сицзинь»*: *«стабилизироваться на востоке — укрепляться на севере — спускаться на юге — продвигаться на западе»*.

Пока эта формула не является официальной доктриной и ее, скорее, можно интерпретировать как долговременную стратегию транспортного выхода за пределы Поднебесной, активно реализуемую председателем Си Цзиньпином<sup>2</sup>.

Очевидно, что для России актуальной представляется фраза «укрепляться на севере», что означает, скорее всего, желание Пекина постепенно и надолго закрепить в РФ (на «севере») транспортно-логистические центры, инвестировать капиталы в инфраструктурные проекты. Это отвечает и российским интересам<sup>3</sup>.

Транспортное поле России, Китая и региона ЦА в 2016 г. будет, скорее всего, развиваться более интенсивно в связи с появлением нового мощного китайского финансово-политического ресурса (Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и др.). Хотя здесь возможны технологические и маршрутные «нестыковки» — от ширины планируемой китайской колеи до географии маршрутов, большинство которых пойдут либо полностью минуя Россию, либо проходя лишь через половину ее территории (например, при модернизации железной дороги «Москва—Пекин» через Казахстан).

Речь, конечно, не может идти об объявлении со стороны Москвы какой-либо «транспортной войны» Пекину или попыток создать некую альтернативу в виде «Русского Шелкового пути». Это невозможно ни по политическим, ни по финансово-техническим причинам. Китай предоставил соседним государствам, включая РФ, доста-

точно большой набор (от 6 до 8) транспортных «коридоров», из которых практически каждый может выбрать себе достаточно выгодный и приемлемый вариант.

## Международное региональное сотрудничество в контексте сопряжения

Третья методологическая проблема, лежащая в основе изучения вопросов сопряжения, связана с эффективностью/неэффективностью новой международной регионализации в Евразии, выделением перспективной зоны этой регионализации — ЭПШП + ЕАЭС + ШОС. Выдвинутая китайским руководством концепция «Экономического пояса Шелкового пути» свидетельствует о серьезном обновлении региональной и глобальной политики КНР<sup>4</sup>. Несмотря на потенциальные вызовы, попытка сближения трех соседних проектов — ЕАЭС, ШОС и ЭПШП — говорит о перспективе формирования долгосрочной интеграционной евразийской политики ШОС.

При этом просматривается сценарий создания структуры взаимодействия, в которой ШОС играла бы связующую роль между ЭПШП и ЕАЭС. Подобный подход позволяет значительно снизить возможности экономического доминирования Китая и сохранить традиционные позиции России в Центральной Азии без ущерба для евразийской интеграции как таковой.

Сохранение российского интереса и ресурса в ШОС происходит в достаточно непростых условиях, обусловленных расширением числа постоянных членов Организации за счет вхождения в нее Индии и Пакистана. Важным для Шанхайской группы является решение Совета глав правительств ШОС (декабрь 2015 г.) начать подготовку к созданию Зоны свободной торговли Организации и формированию Нового экономического пространства (НЭП).

Возможно, что в Ташкенте на юбилейном в связи с 15-летием ШОС саммите Организации (июнь 2016 г.) будут приняты стратегические прорывные решения, имеющие положительное значение не только для Китая, но и для экономического развития всех стран-участниц ШОС и затрагивающие вопросы сопряжения трех больших проектов.

## Внешние террористические вызовы и китайский «ответ»

Четвертый элемент взаимодействия связан с уровнем и характером российско-китайских отношений и возможностью влияния (политического, экономического) Москвы и Пекина на процесс сопряжения и на отражение внешних угроз. Специфика российско-китайского и центрально-азиатского «сопряжения» обусловлена и рядом экономико-географических условий. Например, провинциям верхнего и среднего течения Янцзы рекомендуется сотрудничать с их партнерами в Поволжье. В целом же внутренние районы КНР ориентируются на сотрудничество с центральной, южной и западной частями Азии, а роль «окна и авангарда» на западном сухопутном направлении («поясе») отводится Синьцзян-Уйгурскому автономному району (СУАР).

Однако на сегодняшний день китайских ресурсов явно недостаточно, чтобы полностью нейтрализовать потенциальные вызовы и угрозы международного терроризма, особенно с учетом проникновения боевиков ИГИЛ в Афганистан и в потенциальные зоны прохождения Пути.

Долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов Пояса и Пути находится в прямой зависимости от их безопасности. В Китае практически нет открытых работ, в которых бы говорилось о том, каким способом КНР планирует нейтрализовать риски и угрозы для Пояса и Пути. Причем, если сами риски китайская экспертиза оценивает вполне адекватно, то способы управления ими пока представлены в полуфантастическом ключе. Выглядит это примерно так: поскольку концепция Шелкового пути основана на равноправии, уважении интересов и стремлении к всеобщему выигрышу и отвергает мышление холодной войны, то это неизбежно приведет к возникновению новых правил и стандартов. Механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного сотрудничества, считают китайские аналитики. Конечно, такой упрощенный взгляд очень далек от действительности.

С другой стороны, в начале 2016 г. в Китае был принят новый «Закон о безопасности», который позволяет китайским вооруженным силам действовать за пределами Поднебесной. Очевидно, что

активизация ИГИЛ, особенно в зоне будущих и нынешних субпроектов ЭПШП, подтолкнула китайское руководство к расширению силового, внешнего потенциала по нейтрализации «трех зол».

### *Примечания*

<sup>1</sup> *Лузянин С.Г., Сазонов С.Л.* Экономический пояс Шелкового пути: модель 2015 года // *Обозреватель-Observer*. 2015. № 5 (304). С. 40—43.

<sup>2</sup> URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-kitay-asimetriya-ili-garnonizatsiya/>

<sup>3</sup> *Лузянин С.Г., Сазонов С.Л.* Указ. соч. С. 42—43.

<sup>4</sup> См.: *Сафронова Е.И.* Новые моменты в экономической дипломатии Китая в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе и региональная безопасность // *Проблемы обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии: региональные измерения и российско-китайское сотрудничество*. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 73—87.

*В.Е. Петровский*

## БЕЗОПАСНОСТЬ И РАЗВИТИЕ В ЕВРАЗИИ В СВЕТЕ СРЕДНЕСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ШОС

*Аннотация.* Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам региональной безопасности и сотрудничества в Евразии в контексте Стратегии развития ШОС до 2025 г. По мнению автора, Стратегия отражает общее понимание глубинной взаимосвязи проблем безопасности и развития в рамках концепции безопасности личности и человеческого развития. Данный документ позволяет странам-членам ШОС оптимально балансировать военно-политическую и торгово-экономическую составляющие деятельности организации, при том, что последняя становится для ШОС все более актуальной.

*Ключевые слова:* Шанхайская организация сотрудничества, концепция безопасности личности и человеческого развития, глобальное управление, полицентричное мироустройство, Банк развития ШОС, Евразийский экономический союз, Экономический пояс шелкового пути.

Уфимский саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), определивший стратегию развития Организации на среднесрочный период, стал наглядной иллюстрацией тренда к углублению взаимосвязи и взаимозависимости проблем безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях.

Растет общее понимание того, что обеспечение безопасности не должно строиться в изоляции от проблемы развития и базироваться лишь на принципе защиты объекта безопасности от угроз и негативных воздействий. Новая философия выживания должна соединить в одно дело развитие и обеспечение безопасности, что подразумевает обеспечение безопасности через устойчивое развитие.

Как отмечается в Стратегии развития ШОС до 2025 г., предстоящее десятилетие станет периодом динамичных перемен в международных отношениях, связанных со становлением полицентричного мироустройства, укреплением регионального уровня глобального управления и усилением позиций развивающихся стран. Глобализация и технологический прогресс будут способствовать росту взаимозависимости государств. Усилится взаимосвязь между безопасностью и экономическим благополучием субъектов международных отношений. Комплексный характер вызовов и угроз требует выработки коллективных подходов к борьбе с ними, а также осознания невозможности обеспечения собственной безопасности за счет безопасности других<sup>1</sup>.

В последние годы растет всеобщий интерес к концепциям безопасности личности и человеческого развития, которые, в отличие от традиционных концепций безопасности, ставят в центр внимания проблемы выживания и безопасности человека, обеспечения его прав, создания условий для достойного развития личности.

Человеческое развитие ныне строится на концепции равенства, которая предполагает равенство возможностей (в том числе базовых — здоровье, продолжительность жизни, правильное питание, доступ к информации и образованию) по развитию способностей и условий существования людей. Однако обеспечение устойчивости достигнутого не является самоцелью, а рассматривается лишь как средство достижения определенного уровня человеческого развития. Мерилом успеха становится определенная ступень человеческого развития, а не общая стоимость совокупного национального богатства.

Концепция безопасности личности, подобно концепции человеческого развития, является многоуровневой, междисциплинарной и ставит в центр внимания права и развитие человеческого индиви-

дуума. Однако концепция человеческого развития сосредоточена на достижении более общих и долгосрочных задач, связанных с возможностями развития человека и обеспечением соответствующих его прав, в то время как концепция безопасности личности более четко сфокусирована на решении определенного круга конкретных задач, имеющих систематический превентивный характер.

В рамках обоих подходов формулируются комплексные долгосрочные ответы институционального характера, подразумевающие привлечение различных акторов и использование разнообразных средств. Безопасность личности и традиционная «национальная безопасность» имеют много общего. Оба подхода связаны с выявлением вызовов и угроз безопасности для основных групп населения на базе обобщения эмпирического материала и результатов стратегического анализа.

Главное отличие концепций национальной безопасности и безопасности личности состоит в том, что первая сосредоточена главным образом на безопасности людей и общественных групп, проживающих в рамках определенных государственно-территориальных образований. Отсюда — приоритетное внимание вопросам территориальной целостности государств, обеспечения баланса сил между ними. Безопасность же личности имеет во многом сходную, но более широкую повестку.

В рамках такого понимания национальная безопасность не сводится к безопасности государства (защищенность суверенитета и территориальной целостности от внешних угроз, а также защищенность правящего режима от внутренних угроз), но также включает в себя аспект безопасности и благосостояния населения.

Проблематика обеспечения безопасности личности и государства в контексте развития изначально разрабатывалась в рамках западной политической культуры. Однако социоцивилизационные особенности стран и народов Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) не могли не наложить своего отпечатка на дискуссии по проблемам безопасности и развития.

Концепции безопасности личности и человеческого развития актуальны для Евразии и стран АТР в плане противодействия новым вызовам и угрозам невоенного характера, а также для обоснования

более широкого, целостного подхода к обеспечению региональной безопасности. В рамках такого подхода механизмы региональной безопасности в Евразии, включая ШОС, могли бы быть также использованы, в случае необходимости, для защиты внутренней социально-политической стабильности стран-членов и обеспечения безопасности в ходе осуществления региональных проектов социально-экономического развития.

Как отмечено в Стратегии развития ШОС до 2025 г., экономическое сотрудничество является важным элементом обеспечения стабильности на пространстве ШОС, одним из инструментов достижения устойчивости самой Организации на длительную перспективу. ШОС будет способствовать обеспечению гармоничного развития всех государств-членов в интересах сбалансированного экономического роста в регионе<sup>2</sup>.

В Уфимской декларации глав государств-членов ШОС также подтверждена необходимость принятия совместных мер в целях обеспечения устойчивого социально-экономического роста, интенсификации торгово-экономической и инвестиционной деятельности, развития сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики, модернизации различных отраслей промышленности, совершенствования транспортно-логистической, информационно-коммуникационной и иной инфраструктуры, повышения экономической конкурентоспособности, уровня и качества жизни населения государств-членов ШОС<sup>3</sup>.

Именно поэтому в качестве одной из приоритетных целей развития Организации Стратегия определяет углубление торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия, а также совместной проектной деятельности на приоритетных направлениях сотрудничества в целях устойчивого развития государств-членов, повышения благосостояния и уровня жизни их населения<sup>4</sup>.

Для достижения этой цели, отмечается в Стратегии, государства-члены ШОС сконцентрируют свои усилия на решении следующих задач:

- создание в рамках ШОС благоприятных условий для устойчивого роста торгового и инвестиционного взаимодействия, разработки и реализации совместных инфраструктурных проек-



тов, а также укрепления делового сотрудничества с участием Делового совета и Межбанковского объединения ШОС;

- формирование общих подходов государств-членов ШОС в отношении инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» как одного из инструментов создания благоприятных условий для продвижения экономического сотрудничества на пространстве ШОС<sup>5</sup>.

ШОС, как и любая другая международная организация, не свободна от проблем и противоречий. Она создавалась как раз для того, чтобы преодолевать эти противоречия в процессе координации политики для достижения гармонизации национальных интересов стран-членов Организации. «Обеспечивая площадку для взаимоуважительного, равноправного, конструктивного диалога, ШОС создаст необходимую атмосферу для того, чтобы эти противоречия максимально сглаживались, чтобы страны, которые в отношениях друг с другом испытывали подобные противоречия, имели дополнительный формат для обсуждения существующих сложностей и нахождения необходимых решений», — отметил министр иностранных дел РФ С. Лавров, выступая на пресс-конференции «на полях» саммитов ШОС и БРИКС в Уфе<sup>6</sup>.

Так, в Уфимской Декларации особо отмечено, что государства-члены продолжают работу над созданием Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе. Этот вопрос, который обсуждается в рамках ШОС далеко не первый год, критики организации считают неким «камнем преткновения».

В чем суть проблемы? Растущая экономическая мощь Китая порождает опасения у других стран-членов ШОС относительно того, что новый финансовый институт (кстати, предложенный именно Китаем) может стать инструментом китайского доминирования.

Логика китайской стороны понятна и основана на естественном стремлении использовать в рамках ШОС свое конкурентное преимущество: китайская экономика, во многом все еще сориентированная на экспорт, будет требовать расширения рынков сбыта. Поэтому в свое время Китай предложил идею зоны свободной торговли ШОС, а позднее — Фонда развития и Банка развития ШОС, чтобы

качественно расширить инструментарий своего торгово-экономического влияния.

Чтобы сбалансировать эту тенденцию, Россия и Казахстан в свою очередь предложили создавать Банк развития ШОС на основе расширения возможностей уже существующего Евразийского банка развития со штаб-квартирой в Алматы. Это породило новый виток дискуссий в рамках ШОС, которые продолжаются и по сей день.

Может ли торгово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС быть асимметричным — вот главная дилемма для стран-участниц. А. Габуев, например, полагает, что КНР не согласится войти в Евразийский банк развития в статусе младшего или даже равного России партнера и при создании Банка развития ШОС придется согласиться на ключевые условия — китайское доминирование в капитале, размещение органов управления в Пекине или Шанхае, а соответственно — на большое число граждан КНР среди сотрудников банка.

По мнению эксперта, дипломатические усилия следовало бы направить не на изменение базовых для Китая перечисленных выше условий, а на отражение в нормативных документах положений, соответствующих интересам России и ее партнеров в Центральной Азии: включение в Положение о банке и Руководство по инвестированию лучших практик Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЕБРР и других подобных институтов, которые позволяют максимально учитывать интересы страны-реципиента кредита. Следовало бы также прописать в документах порядок формирования льготных ставок, обязательное наличие местных подрядчиков при реализации проектов (и установление минимального объема работ, выполняемых местными компаниями), жесткое соблюдение экологического законодательства, уровень передачи технологий и пр.<sup>7</sup>

Вопрос создания Фонда развития и Банка развития ШОС следует также рассматривать в более широком контексте, связанном с развертыванием интеграционных процессов в Евразии и АТР. Не случайно Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на заседании Совета глав государств-участников ШОС в Уфе отметил:

«Необходимо более крупными шагами продвигаться в направлении облегчения и либерализации торговли и инвестиций. Китайская

сторона готова укреплять сотрудничество со всеми странами, реализовывать приоритетные проекты комплексной взаимосвязи, согласованные на основе консенсуса, осуществлять финансовое сопровождение для технико-экономического обоснования и проектирования, участвовать в инвестиционно-кредитном сотрудничестве в ходе проектирования и строительства. Следует способствовать формированию в ближайшие годы схемы взаимосвязи региона»<sup>8</sup>.

Такой подход в целом разделяется и российской стороной. Для России весьма важным является то, что она, в отличие от таких торгово-экономических «гигантов», как США и Китай, в настоящее время заинтересована не столько в развитии либерализации региональной торговли (trade liberalization), сколько в усилении транспарентности и экономической взаимосвязанности коммерческих связей (trade facilitation), в создании справедливой, устойчивой и сбалансированной торгово-экономической системы, отвечающей приоритетам и уровню развития российской экономики, особенно ее экспортно-ориентированных товаропроизводящих отраслей.

Поэтому Россия взяла курс на отстаивание приоритетов транспарентности и взаимосвязанности торгово-экономических отношений в Евразии и АТР, ибо именно это помогает ей стать активным и заинтересованным участником обсуждения новых правил региональной торговли. Такой курс соответствует долгосрочным геополитическим интересам страны.

В Стратегии развития ШОС до 2025 г. отмечено, что будут приняты меры по реализации транзитного потенциала ШОС, формированию региональных транспортных и транзитных коридоров. Важным направлением совместной работы станет взаимодействие в области модернизации инфраструктуры и логистики, в том числе путем расширения на пространстве ШОС сети международных логистических центров и формирования сети промышленных кластеров вдоль транспортных артерий<sup>9</sup>.

Усилению транспарентности и взаимосвязанности способствует и создание новых многосторонних финансовых институтов, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд развития Шелкового пути.

Создание АБИИ, который призван стать мощным финансовым инструментом развития инфраструктурных проектов в АТР и весомым дополнением к работе МВФ и Всемирного банка (ВБ), объективно отвечает новым вызовам и отражает изменения в мировом экономическом порядке. Начиная с 2010 г. страны с развивающейся экономикой активно продвигают идею реформирования международных финансовых институтов, которые контролируются государствами Запада.

Все попытки реформировать эти институты в пользу новых финансовых игроков заканчивались провалом по причине противодействия США. Китай и другие страны с развивающейся экономикой уже давно протестуют против своего заниженного представительства в международных финансовых институтах. Решение о создании АБИИ свидетельствует о том, что Пекин решил не дожидаться милостей от Запада и самостоятельно приступил к перекройке мировых финансовых отношений<sup>10</sup>.

29 июня 2015 г. представители 57 стран-учредителей АБИИ (среди них были все страны-члены ШОС) присутствовали на церемонии подписания соглашения о создании АБИИ, которое станет «основным законом» Банка и его будущего функционирования. Соглашение, состоящее из 11 глав и 60 статей, подробно определяет цели АБИИ, акционерный капитал, операционную деятельность, структуру управления, обусловливает мандаты членов, право голоса, механизм принятия решений и другие ключевые факторы. Уставной капитал Банка установлен в размере 100 млрд долл., соотношение инвестиций азиатских стран и стран за пределами Азии составляет 75 к 25. Китай инвестирует 29 млрд 780,4 млн долл. и получает 26,06 % голосов. По этим показателям КНР пока является крупнейшим акционером Банка и обладает наибольшей долей голосов.

По мере роста операций Банка планируется открытие региональных структур и представительств. Директор АБИИ будет избираться из числа представителей азиатских стран-участниц сроком на 5 лет с возможным переизбранием еще на один пятилетний срок. Все государства-основатели смогут стать полноценными членами-учредителями после того, как их парламенты ратифицируют со-

глашение до 31 декабря 2016 г. Согласно плану, АБИИ начнет работу к концу текущего года<sup>11</sup>.

Не менее важно и подключение России и ЕАЭС к участию в реализации инициированного Китаем мегапроекта «Экономического пояса Нового Шелкового пути» (ЭПШП). 8 ноября 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай выделит 40 млрд долл. для создания Фонда Шелкового пути в целях оказания финансовой поддержки проектам в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Фонд Шелкового пути был зарегистрирован 29 декабря 2014 г. в Пекине и с этого дня начал официально действовать.

Фонд Шелкового пути является средне- и долгосрочным инструментом развития и инвестиций, который предоставляет помощь странам и регионам, расположенным вдоль Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в. («Пояс и Путь»), в реализации крупномасштабных проектов, обеспечивающих расширение транспортно-коммуникационных возможностей региона. Как заявила 12 марта 2015 г. председатель правления Фонда Шелкового пути Цзинь Ци, совет директоров, наблюдательный совет и высшее руководство компании уже созданы и в ближайшее время «в компании начнут проводиться существенные операции»<sup>12</sup>.

Таким образом, вопрос о создании Банка развития ШОС вписывается в общий контекст развития торгово-экономических отношений и интеграционных процессов в Евразии и АТР. Не случайно Генеральный секретарь ШОС Д. Мезенцев отметил в своем выступлении на Уфимском саммите: «В практике экономического взаимодействия в ШОС должна учитываться повестка дня динамично развивающегося нового интегрального объединения — ЕАЭС, масштабная инициатива Председателя Китайской Народной Республики господина Си Цзиньпина о строительстве «Экономического пояса Великого шелкового пути». Важно учесть запуск крупнейшего проекта — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, соучредителями которого выступили все государства — члены ШОС. Полагаем, это позволило бы уточнить позиции сторон, формирующих и долго ведущих работу над формированием подходов к созданию Банка развития и Фонда развития ШОС»<sup>13</sup>.

В ходе Уфимского саммита стран ШОС заместитель министра иностранных дел КНР Чэн Гопин заявил, что Банк развития Шанхайской организации сотрудничества будет являться инструментом финансирования общих проектов, дополняющим уже существующие финансовые межгосударственные институты: «можно сказать, что этот новый банк ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС дополняют друг друга, стимулируют развитие, не противоречат друг другу»<sup>14</sup>.

Президент Казахстана Н. Назарбаев в своем выступлении на саммите в Уфе отметил потенциал формирования единой системы поддержки регионального сотрудничества, включая возможности синхронизации совместных мер по улучшению инвестиционно-финансового климата в рамках АБИИ, Евразийского банка развития и Банка развития БРИКС. Таким образом, участникам ЕАЭС, ШОС и резидентам проекта Экономического пояса Шелкового пути имеет смысл рассмотреть возможности создания и взаимодействия наднациональных финансовых институтов как части единой системы инвестиционных инструментов.

По мнению аналитиков Фонда «Берлек-Единство», синхронизация деятельности международных финансовых институтов сегодня может быть интересна всем странам региона. Еще совсем недавно к созданию Банка развития ШОС миноритарные акционеры ЕАБР относились скептически. Вступившие в Евразийский экономический союз Армения и Кыргызстан опасались формирования Банка ШОС на основе Евразийского банка развития, так как это могло привести к сокращению финансирования некоторых переходных проектов их интеграции в ЕАЭС. Однако новый наднациональный банк развития (не на базе другого института, а именно как самостоятельное образование) эти риски исключил. Теперь важно, чтобы «молодые» финансовые институты функционировали в режиме общей согласованности с другими аналогичными формированиями<sup>15</sup>.

Уфимский саммит ШОС показал четкий настрой глав государств-участников на ускорение процесса создания Фонда развития и Банка развития ШОС, что отражает усиление роли экономической безопасности в создании всеобъемлющей системы региональной безопасности в Евразии. Президент Казахстана Н. Назарбаев отме-

тил, что в целях полноценного запуска экономического трека ШОС нужно продолжать поиск компромиссов. А Президент Кыргызстана А. Атамбаев недвусмысленно заявил: «Думаю, нам необходимо поручить, причем жестко поручить, нашим правительствам все-таки договориться и доработать вопрос о создании Банка развития и Фонда развития ШОС, с тем чтобы выйти на конкретные результаты»<sup>16</sup>.

В своем выступлении на Совете глав государств-участников ШОС в расширенном составе 10 июля 2015 г. Президент РФ В.В. Путин обобщенно изложил подходы российской стороны к «экономическому вектору» развития ШОС в контексте всеобъемлющего обеспечения региональной безопасности:

«Мы придаем особое значение дальнейшему углублению торгово-экономического взаимодействия в рамках ШОС. Очевидно, что сообща мы можем более действенно противостоять кризисным явлениям в мировой экономике и финансах, легче преодолевать разного рода ограничения и барьеры. Считаем важным и развитие сотрудничества по обеспечению продовольственной, транспортной, энергетической, финансовой безопасности. Готовы плотно работать над реализацией идеи сопряжения двух интеграционных проектов: Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути»<sup>17</sup>.

Также Владимир Путин предложил придать конкретное наполнение деятельности Энергетического клуба ШОС и приветствовал активное вовлечение в практическую кооперацию бизнес-сообществ стран Организации, подчеркнув ту важную роль, которую призван сыграть в этом Деловой совет ШОС. Президент РФ назвал многообещающей идею учреждения на базе Межбанковского объединения ШОС международного центра проектного финансирования, призвал активнее использовать и возможности уже действующих в регионе финансовых структур: Евразийского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и создаваемого Нового банка развития БРИКС<sup>18</sup>.

Уфимская декларация ШОС содержит конкретную программу развития торгово-экономической компоненты деятельности Организации. В ней говорится, что государства-члены намерены и далее развивать многостороннее взаимодействие в таких областях, как та-

моженное сотрудничество, транспорт, энергетика, промышленность, телекоммуникации, сельское хозяйство, наука и новые технологии, охрана окружающей среды, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, продолжать работу по подготовке Перечня мероприятий по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС на 2017—2021 гг. Они будут содействовать формированию благоприятных условий для торговли и инвестиций, поощрять внедрение инноваций и развитие сотрудничества между субъектами малого и среднего бизнеса.

Государства-члены активизируют работу по реализации совместных экономических, инфраструктурных и инвестиционных проектов с использованием потенциала Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС. Они отмечают целесообразность привлечения к проектной деятельности правительственных структур и деловых кругов государств-наблюдателей и партнеров по диалогу, а также задействования механизмов государственно-частного партнерства<sup>19</sup>.

Вполне вероятно, что будущее региональной безопасности в зоне ответственности ШОС будет определяться стратегическим балансом «распределения ролей» России и Китая в этой организации: РФ в рамках ШОС будет уделять преимущественное внимание вопросам безопасности, а КНР — вопросам экономического развития, торговли и взаимных инвестиций. Такая стратегическая взаимодополняемость усилит потенциал ШОС и возможность ее стабильного развития на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

### *Примечания*

<sup>1</sup> См.: Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 3. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPpGqLvQI4uaMX43IMkrMbFNewBncO.pdf>

<sup>2</sup> Там же. С. 16.

<sup>3</sup> Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. С. 9. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5IJmFSa5CWlgaHxRxA6.pdf>



<sup>4</sup> Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 5—6.

<sup>5</sup> Там же. С. 6—7.

<sup>6</sup> Пресс-конференция Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС. Уфа, 9 июля 2015 года. URL: [http://archive.mid.ru/brp\\_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30](http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30)

<sup>7</sup> *Габуев А.* Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 154—155.

<sup>8</sup> Стенограмма заседания Совета глав государств-участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе. 10 июля 2015 г. Уфа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908>

<sup>9</sup> Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года... С. 18.

<sup>10</sup> *Добров Д.* Китай бросает вызов финансовой гегемонии Запада. URL: [http://inosmi.ru/or\\_ed/20150403/227278991.html](http://inosmi.ru/or_ed/20150403/227278991.html)

<sup>11</sup> Официально подписано соглашение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. URL: [http://russian.news.cn/importnews/2015-06/29/c\\_134364975.htm](http://russian.news.cn/importnews/2015-06/29/c_134364975.htm)

<sup>12</sup> Цзинь Ци: Фонд Шелкового пути приветствует участие китайских и зарубежных инвесторов. URL: [http://russian.news.cn/economic/2015-03/12/c\\_134062362.htm](http://russian.news.cn/economic/2015-03/12/c_134062362.htm)

<sup>13</sup> Стенограмма заседания Совета глав государств-участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе...

<sup>14</sup> МИД КНР: Банк развития ШОС не противоречит стратегиям БРИКС и АПВ. URL: <http://ria.ru/economy/20150710/1125076200.html>

<sup>15</sup> ЦГИ «Берлек-Единство»: Потенциал Банка развития ШОС в соотношении с другими региональными проектами». URL: <http://www.ca-portal.ru/article:20260>

<sup>16</sup> Стенограмма заседания Совета глав государств-участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе...

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества... С. 10.

*Е.И. Сафронова*

## МНОГОПОЛЯРНОСТЬ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ШОС

*Аннотация.* Статья посвящена исследованию предпосылок расширения российско-китайского стратегического партнерства в контексте ШОС как элемента многополярного мира. Автором предлагаются прогнозы развития российско-китайских отношений в рамках ШОС на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

Сделан итоговый вывод, что современный российско-китайский диалог, вступивший в «новый этап отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», при конструктивном ведении и рентабельном использовании его возможностей может стать реальным инструментом облагораживания общего климата в Евразии, механизмом экономического развития и поддержания безопасности на континенте.

*Ключевые слова:* РФ, КНР, Российско-китайское стратегическое партнерство и сотрудничество, ШОС, БРИКС, РИК, многополярность, прогнозы развития, сферы взаимодействия.

Ключевой предпосылкой создания в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества стало совпадение интересов шести стран-основательниц — КНР, Казахстана, Кыргызстана, РФ, Таджикистана и Узбекистана по проблемам противодействия нараставшим

трансграничным вызовам и угрозам (международный терроризм, экстремизм и сепаратизм («три зла»), организованная преступность, нелегальная миграция с элементами торговли людьми, наркотрафик) и обеспечения социальной стабильности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР) через стимулирование экономического развития всех стран-участниц ШОС. В числе важнейших задач Шанхайской группы — «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной... и других областях, представляющих общий интерес»<sup>1</sup>.

Генеральной же задачей Организации в настоящее время видится поиск путей эффективного сбалансирования и корреляции интересов восьми государств — постоянных членов. Решение этой задачи — залог жизнеспособности и продуктивности ШОС по всем направлениям ее работы.

Де-факто (то есть вне юридически зафиксированного в учредительных документах равенства всех членов ШОС, процедуры обязательной ротации на руководящих постах и принципа консенсуса при принятии решений) Россия и Китай являются стержневыми участниками Шанхайской группы в силу объективных обстоятельств стратегического, экономического и демографического свойства. (Индии — державе мирового значения, вошедшей в основной состав ШОС в июле 2015 г., еще предстоит доказать свой потенциал как государства — полноправного члена Шанхайского форума.)

Несмотря на активное сотрудничество в оборонной сфере (ВТС, проведение совместных маневров, взаимодействие в РАТС ШОС) стратегическое партнерство РФ и Китая ни в ШОС, ни на двустороннем уровне не является военным альянсом, что неоднократно подчеркивалось на самом высоком официальном уровне. В двусторонних документах логично прописаны знаковые принципы российско-китайского стратегического взаимодействия — невступление в союз и ненаправленность против третьих сторон<sup>2</sup>.

Кроме того, отношения двух стран не снабжены юридической, документальной базой для их военно-политического блока. Свод конкретных мер по устранению угроз безопасности двух государств

в официальных российско-китайских документах не прописан. Возможность именно военной помощи там тоже не упоминается. Поэтому отношения РФ и Китая тем более не могут расцениваться в качестве союзнических.

Есть мнение, что уже имеющиеся механизмы, включая регулярные совместные сухопутные и морские военные учения, вполне адекватны вызовам безопасности двух государств<sup>3</sup> и при особой необходимости отношения российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнерства могут быть трансформированы в союзнические без длительной подготовки и даже без определения взаимных обязательств<sup>4</sup> (хотя непонятно, какой может быть союз без обязательств? Союз и отличается от «простого» партнерства тем, что строится на юридически обязывающей основе. — *Е. С.*).

Принцип неблоковости и его обратная сторона — принцип неаправленности против третьих сторон — экстраполированы на реалии ШОС<sup>5</sup>. Это позволяет ее государствам-участникам, исходя из собственных региональных и геополитических интересов, сохранять полную самостоятельность и при решении международных проблем, и при коммуницировании с иными мировыми акторами.

Тем не менее, некоторые эксперты в России и в Китае полагают, что в условиях нарастания новых региональных и глобальных рисков формирование такого блока целесообразно и что он, возможно, уже создается<sup>6</sup>. Однако вся история отношений КНР и РФ (СССР) свидетельствует о неоптимальности выбора в пользу политического и/или военного союза (блока, альянса, коалиции) двух стран. Ныне РФ и Китай не намерены объединяться в особую силовую группировку, и ШОС также не имеет военных полномочий: ее государства-члены слишком заинтересованы в сотрудничестве с Западом и еще недостаточно консолидированы внутренне и внешне, чтобы составить США и его союзникам боевую конкуренцию.

При этом члены ШОС едины в том, что доминирование одной силы, будь то США или кто-либо другой, является деструктивным фактором в международных отношениях (МО)<sup>7</sup>. Средство оптимизации мирового устройства они усматривают в формировании многополярной структуры МО<sup>8</sup>. (При этом не стоит исключать того, что

наиболее крупные государства ШОС не возражали бы, если бы этой единственной силой в итоге стали они сами. — *Е. С.*)

Мировая политология пока не выработала единой позиции по вопросу о количестве и качественной функциональности таких «полюсов». И никто из государств — приверженцев многополярности не предлагает конкретных, реально осуществимых путей ее достижения. Ныне все фокусируется на идее наращивания многоаспектного сотрудничества в формате многопрофильных организаций как инкарнаций новых «полюсов» МО. Квинтэссенцией этого концепта выступает ШОС. Таким образом, государства, наиболее заинтересованные в многополярности (а это страны менее экономически успешные или те, кто уже в силе иметь собственные региональные или даже глобальные интересы, но пока не могущие составить равную конкуренцию США), стремятся бонифицировать для себя мировую расстановку сил без применения «тяжелой артиллерии» международного воздействия, т. е. без военно-политического или экономического давления. А ведь именно эти меры, к сожалению, пока и являются действенными средствами достижения чего-либо существенного в международной жизни<sup>9</sup>.

Думается, что создание новых интернациональных структур — лишь частное средство для преодоления однополярности. Да и сама вероятность многополярной структуры МО *на долгосрочную перспективу* тоже можно расценить как небольшую, ибо концепция многополярного мира подразумевает аналогичную значимость новых центров мирового влияния в лице отдельных стран, групп государств или организаций. Но до сих пор мировой опыт не знал примеров исторически длительного сосуществования равновеликих центров влияния при однонаправленности их государственных устремлений. Раньше или позже, по причинам объективного и/или субъективного свойства, один из двух (максимум — трех) центров мирового влияния поглощал или же подавлял, причем необязательно военными методами, центры-соперники. (Последним примером этому может служить приобретение ведущих политико-экономических позиций в мире Соединенными Штатами после распада СССР.) Надо констатировать, что сосуществование нескольких равновеликих субъектов МО — лишь краткий, промежуточный этап в масштабах мировой

истории. По-видимому, мир в принципе обречен на наличие государств — безусловных лидеров (в том или ином лице), победителей стратегической конкуренции. Их ведущее положение определяется действием целого ряда факторов объективных: уровень и динамика социально-экономического роста, величина стратегического, природного и географического потенциала, а также субъективных: правильным выбором модели хозяйственного развития, адекватным управлением экономическими и природными ресурсами, реализацией такого внутреннего и внешнего политико-экономического курса, который был бы сформирован не только с учетом интересов правящей государственной надстройки, но и реалий внутренней и международной обстановки.

Система МО всегда строилась по принципу иерархии, и пока никому не удалось доказать, что так не будет и впредь. Состав лидеров может меняться, но сам принцип «единоначалия», видимо, неизбежен: иерархически организованные формы существуют во всех сферах объективной реальности: неорганической, биологической, социальной, внешнеполитической и т. д. Более того, такие формы не просто присутствуют, а преобладают во всех проявлениях бытия, в то время как многополярный миропорядок в принципе отрицает иерархию, ибо ратует за равнозначность и параллелизм.

В связи с вышесказанным, на долгосрочную перспективу представляется более оптимистичным рассматривать ШОС не как формирующийся «полюс» МО, а как зачаток нового центра-лидера мировой жизни. Нет ничего неожиданного и зазорного, если в будущем он найдет в себе силы составить конкуренцию другим влиятельным глобальным «центрам» (например, НАТО). Это будет соответствовать логике событий и опыту всей мировой истории.

Однако в *кратко- и среднесрочной перспективе* идея многополярности способна играть позитивную роль и несет несомненное рациональное зерно. Представляется, что сейчас к концепции многополярности переходит функция «эсперанто» в международных контактах. Лидеры многих государств вольно или невольно усматривают в ней еще один язык общения, столь полезный для дела противостояния диктату на мировой арене. Кроме того, муссирование данной концепции дает многим странам возможность громче заявлять о сво-

их интересах, да и поддерживать чувство национального достоинства. И это уже неплохо, ибо свидетельствует о твердой решимости этих государств преодолеть неблагоприятные последствия однополярности современного миропорядка<sup>10</sup>.

***Российско-китайское сотрудничество в сфере безопасности в рамках ШОС.*** Это направление следует выделить особо, поскольку именно здесь (в отличие от экономического вектора) имеет место взаимодействие стран ШОС не только на двустороннем, но и на многостороннем уровне. Для конкретизации этого сотрудничества в июне 2002 г. была учреждена Региональная антитеррористическая структура (РАТС ШОС).

На РАТС возложена функция содействия национальным структурам стран-членов (по их просьбе) в борьбе с «новыми угрозами». В сфере деятельности РАТС находится анализ состояния и тенденций распространения терроризма и экстремизма, с одновременным сбором информации об организациях и лицах, оказывающих поддержку террористам, выявление и блокировка каналов проникновения на территорию ШОС враждебных элементов<sup>11</sup>.

Важным направлением российско-китайского сотрудничества в этом контексте является также организация совместных антитеррористических сухопутных маневров «Мирная миссия», которые регулярно проводятся с 2005 г. Их целями является повышение боевой готовности антитеррористических подразделений и укрепление оперативного взаимодействия между компетентными органами государств-членов ШОС. Кроме этого, регулярно проводятся маневры ВМФ РФ и Китая (последние прошли в августе 2015 г.), целью которых, среди прочего, является усиление совместных возможностей борьбы с пиратством как одной из форм терроризма<sup>12</sup>.

Несмотря на всю антитеррористическую активность ШОС некоторые китайские специалисты выражают разочарование положением дел в этой сфере. Так, Цю Хуафэй отмечает, что «очевидно отсутствие координации между государствами-членами, желание обмениваться информацией ограничено, финансовых средств серьезно не хватает, а бюрократическая (видимо, административно-координационная. — *Е. С.*) структура слаба»<sup>13</sup>. Мысль китайского исследователя не лишена рационального зерна в плане констатации серьезных фи-

нансовых и «технических» препятствий на пути антитеррористического сотрудничества. Однако само существование РАТС уже свидетельствуют о высоком уровне доверия между странами Организации и о принципиальной способности ШОС создавать необходимые структуры безопасности.

Российско-китайское взаимодействие в рамках ШОС не свободно от недопониманий и *в экономической сфере*. Да, Пекин признает традиционные российские интересы в ЦАР, а Москва мирится с растущим китайским экономическим присутствием в регионе, выступающим там стабилизатором социальной обстановки<sup>14</sup>. (Что тут можно возразить, если экономическое лидерство Китая в ШОС остается неизблемым?) Однако в Китае порой скептически оценивают работу ШОС, поскольку Организация слишком медленно развивает свое хозяйственное направление. Там сетуют на экономическую инертность России и на ее предпочтение расширять взаимодействие с государствами ЦАР в рамках иных интеграционных объединений<sup>15</sup>.

Действительно, экономические проекты в ШОС реализуются основном на двусторонней основе. Зачастую они имеют к Организации лишь то отношение, что в них участвуют страны-члены<sup>16</sup>. А многосторонние программы (Автодорога Ош—Сарыташ—Иркештам—Кашгар и автодорога Братство—Душанбе—Джиргаталь—Карамык—Иркештам—Кашгар со строительством в Кашгаре перегрузочного терминала для мультимодальных перевозок и др.) все еще проходят стадию проектирования и/или не выведены на этап практической реализации. И вообще, все инициативы, которые изначально были задуманы как коллективные, вполне могли бы быть осуществлены без «шосовского» бренда.

По мнению российской стороны, первенствующая проблема экономического сотрудничества — отсутствие механизма финансирования многосторонних проектов. Хотя разговоры о создании Фонда или Банка развития ШОС ведутся уже давно, но пока они безрезультатны. Фактически Китай настаивает на учреждении такой финансирующей структуры, в которой голоса распределялись бы в зависимости от размера взноса. И другие члены ШОС опасаются, что поскольку взнос Китая окажется наибольшим, то Пекин будет использовать Банк по своему усмотрению<sup>17</sup>.



Думается, что выдвижение председателем КНР Си Цзиньпином в конце 2013 г. двух смежных концепций — «Экономического пояса (Великого) Шелкового пути (ЭПШП)» и «Морского Шелкового пути» — отчасти знаменует собой стремление Пекина взять в свои руки процессы экономического прогресса в ШОС и вокруг нее. Согласно официальной позиции КНР, основная цель ЭПШП — стимулировать развитие западных регионов Китая, а также укреплять экономические связи с соседними странами<sup>18</sup>, что прямо соответствует задачам КНР в ШОС.

Большим шагом по обеспечению согласования трех проектов стало подписание 8 мая 2015 г. В.В. Путиным и Си Цзиньпином «Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути».

ШОС упомянута в документе как площадка сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Раньше эти проекты никогда не рассматривались в «триединстве», а в Заявлении они впервые были политически и концептуально объединены. При стечении благоприятных условий это «триединство» могло бы положить начало новой совместной евразийской геополитике РФ и Китая<sup>19</sup>. Документ примечателен и тем, что в нем перечислены конкретные направления работы по сопряжению трех проектов. Это расширение торгово-инвестиционного взаимодействия, оптимизация структуры торговли; упрощение взаимного инвестирования, реализация крупных совместных инвестиционных проектов; укрепление взаимосвязанности в сферах логистики; разработка мер по обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования; рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем; содействие увеличению торговых расчетов в национальных валютах; укрепление сотрудничества по линии различных финансовых институтов, включая Фонд Шелкового пути, АБИИ, Межбанковское объединение ШОС и др.<sup>20</sup>

Поскольку идея сопряжения смежных проектов — ЕАЭС, китайского ЭПШП и всей Шанхайской группы — в своем кооперационном «замахе» выходит далеко за рамки Организации, то можно

будет говорить о формировании долгосрочного евразийского экономического курса ШОС, но только тогда, когда (и если) названные планы перейдут в стадию технико-экономического обоснования (ТЭО).

Пока проекты ШОС, ЕАЭС и ЭПШП развиваются автономно. Но реальная необходимость в их согласовании просматривается весьма четко, ибо иначе проекты неизбежно составят друг другу жесткую конкуренцию в коммерческой, энергетической и транспортной областях. Есть мнение, что ШОС могла бы исполнить роль связующего звена, некоего «евразийского моста» между ЭПШП и ЕАЭС<sup>21</sup>.

Ныне проект ЭПШП вообще имеет только эскизные очертания. В отличие от ЕАЭС, он пока не настроен на «продвинутовую» интеграцию, превышающую уровень зоны свободной торговли (ЗСТ — начальная (1-я) интеграционная стадия в МЭО, а в ЕАЭС планируется 4-я стадия интеграции из 5 возможных).

ЭПШП вообще далек от стадии институционального закрепления и не предусматривает учреждение наднациональной управляющей структуры, подобной существующей в ЕАЭС<sup>22</sup>. Это и понятно, поскольку по задумке роль генерального управленца ЭПШП предназначается Китаю.

Хотя ШОС и поддержала идею Китая по созданию ЭПШП, о чем свидетельствуют итоги саммитов Организации в Бишкеке (июнь 2014 г.) и Уфе (июль 2015 г.), но сомнения относительно перспектив этого проекта сохраняются. Так, по мнению российского политика Д. Мезенцева, данное формирование не должно функционировать параллельно ШОС, однако не следует допускать становления ЭПШП как фактора напряжения в конкурентной среде<sup>23</sup> (то есть в отношении других региональных интеграционных механизмов, в частности, ШОС и ЕАЭС. — *Е. С.*).

Видимо, вплетение проекта ЭПШП в экономическую «ткань» ШОС должно осуществляться по пути «евразийского экономического компромисса»<sup>24</sup>, который по определению подразумевает взаимные уступки.

Есть несовпадения в позициях РФ и Китая и по *вопросу ядерного сдерживания*, который актуализируется в связи с вступлением в

ШОС двух ядерных государств — Индии и Пакистана. Китай и эти два новых члена ШОС не планируют подключаться к соглашениям по сокращению ядерных вооружений, полагая, что РФ и США должны первыми сократить свои ядерные арсеналы до некоего низкого уровня, который остается неясным<sup>25</sup>.

В *практической хозяйственной сфере* также есть ряд диссонансов в подходах КНР и России. Поскольку оба государства заинтересованы в центрально-азиатских углеводородах (которые вливаются в российский энергоэкспорт на Запад), то здесь РФ и КНР уже являются конкурентами. А вот в транспортных услугах центрально-азиатских стран Россия, в отличие от Китая, практически не нуждается, ибо ее внешняя торговля ориентирована на Европу и АТР, к которым она имеет доступ по собственным железнодорожным и морским путям. И поскольку внешнеторговые потоки стран ЦАР идут на Запад именно через российскую систему дорог и трубопроводов, Китай заинтересован в диверсификации магистральной инфраструктуры региона и ликвидации транспортной монополии России путем вывода транзитных веток именно на него<sup>26</sup>.

КНР удачно пользуется стремлением центрально-азиатских стран диверсифицировать их внешнеполитические и внешнеэкономические контакты. Государства ЦАР для этой цели маневрируют между «восточным» и «западным» берегами, придерживаясь так называемого курса многовекторности международных связей. Вдобавок у стран-членов Организации до сих пор нет единства взглядов на то, какое направление в деятельности ШОС должно превалировать. КНР — экономический лидер ШОС, и некоторые страны ЦАР, в полной мере ощутившие экономический кризис, полагают, что пора всю занятость *социально-экономическими вопросами* во имя со-развития. Россия же, имеющая большие сравнительные преимущества именно в сфере оборонного сотрудничества и меньшие — в сфере экономики, не заинтересована в уходе *военно-стратегического партнерства* на второй план<sup>27</sup>. Тем более, что недавнее обострение проблемы международной преступности и события вокруг ИГИЛ дали новую «пищу» для оборонной активности РАТС ШОС.

Каковы же прогнозы российско-китайского сотрудничества в контексте ШОС?

Здесь можно наметить четыре сценария.

1. **Реалистический.** Китай, способный собственными силами решать вопросы рентабельности его ВЭС, оставит неизменной линию относительно ШОС. Он продолжит экономическое сотрудничество со странами Организации на двустороннем уровне, не особо настаивая на коллективном формате. В этом случае роль КНР как застрельщика и локомотива хозяйственной жизни в Организации останется неоспоримой и весьма заметной. А именно многосторонний формат экономического сотрудничества Китай, скорее всего, будет пестовать по линии ЭПШП. Там многосторонность просто необходима, да и неизбежна.

Есть мнение, что если правящая элита России осознает, что экономическая основа важна не менее политической и начнет диверсификацию экономики РФ, то это позволит нам укрепить свое влияние в мире уже не голословно, а фактически, и выведет все российско-китайское сотрудничество на гораздо более высокий уровень<sup>28</sup>. Но на наш взгляд, на *краткосрочную и среднесрочную перспективу* залогом китайского интереса к РФ как раз и является «сырьевая специализация» нашей страны. Китаю не нужен производительный конкурент на мировых рынках. Ему нужны сырье и сбыт его готовой продукции. Но по мере развития РФ и роста ее влияния на мировой арене, интересы России все более громко будут заявлять о себе. Ни одно реально влиятельное государство не допустит для себя положения «младшего брата» или партнера. Как опять-таки свидетельствует мировой опыт, два крупных реально авторитетных государства могут быть тесными партнерами только на время: чаще всего, при наличии общего врага. Как только общая угроза устраняется, собственные интересы начинают превалировать, и влиятельные партнеры превращаются во влиятельных конкурентов. Ни одна страна не может быть вечным контрагентом и тем более союзником другой. Вот почему нет смысла уповать на союз, блок или альянс между РФ и КНР. И сейчас в нем нет безусловного смысла, да и потом он может быть разрушен в считанные годы.

Пока же Китай и Россия представляют собой типичных стратегических партнеров, то есть мировых контрагентов, спаянных общей целью (политическое и экономическое возрождение при проти-

востоянии общему противнику — однополярности — с имманентным ей диктатом в международных отношениях), не имеющих кардинальных противоречий и настроенных на длительное взаимодействие. И это оптимальное решение для *текущих и среднесрочных условий*.

Что касается превращения ШОС в (антинаатовский) силовой блок, то думается, что в *кратко- и среднесрочной перспективе* это в принципе невозможно и в силу незаинтересованности стран-участниц в обострении отношений с Западом, и по соображениям собственного суверенитета, который является чувствительным фактором для молодых государств ЦАР. Для придания ШОС оборонно-блокового характера необходимо создание объединенного воинского контингента, который базировался бы на территории всех стран-союзниц. На деле никто из государств ЦАР не пойдет на делегирование хотя бы части своих суверенных полномочий некоему наднациональному органу. (Центрально-азиатские столицы напуганы событиями вокруг Крыма, а относительно китайских ВС они испытывают давнюю настороженность). Пример ОДКБ свидетельствует о малой эффективности силовых образований на постсоветском пространстве.

Поэтому для внутренней (!) стабилизации каждое государство ЦА станет максимально возможным образом использовать собственный контингент (что имело место в Таджикистане в середине 1990-х годов и в Кыргызстане в начале 2000-х). Или, в случае крайней необходимости, будет просить о военной помощи на уровне двусторонних отношений, без привлечения «ресурса коллективности». (Это, кстати, может оказаться более выполнимым ввиду того, что ни ШОС, ни ЕАЭС не имеют военных полномочий, а алгоритм привлечения сил ОДКБ до сих пор четко не прописан даже для его участников). Если допуск многосторонних иностранных сил и станет возможным, то только для отражения неоспоримой внешней и/или общей угрозы. И то, эти силы должны представлять собой смешанный контингент, действующий на основе консенсуса под общешосовским командованием, которое еще предстоит создать. А сформировать «армию ШОС» — это значит придать Организации ярко выраженный военизированный и следовательно — очевидный антиамериканский на-

строй. Центральные-азиатские столицы не пойдут на это, так как даже в *долгосрочной перспективе* видится сомнительным появление условий для снижения их интереса к сотрудничеству с Западом.

При выборе приоритета работы ШОС, будь то экономическое направление или вектор безопасности, ключевым странам ШОС — России и Китаю — во избежание роста конфликтности внутри Группы, придется задуматься над вопросом: «что важнее: собственный авторитет или же международный престиж всей Организации?»<sup>29</sup>. Думается, они изберут первое решение (что не поспособствует консолидации ШОС). Это и понятно: после того, как идеология в МО уступила место прагматике, каждое государство стало руководствоваться не идеалами жертвенной дружбы, а собственными интересами.

В терминах «многополярности» можно отметить, что вхождение в состав полноправных членов ШОС Индии, Пакистана (а в перспективе и Ирана) уже может означать формирование нового «неамериканского» «полюса»<sup>30</sup>. То есть, имеет место доводка механизма противостояния мировому диктату США, что уже позитивно. Однако с другой стороны, при растущем потенциале КНР и Индии и при обостренном стремлении Ирана к глобальному признанию, этот новый «полюс» способен стать если не прокитайским, то отнюдь не пророссийским, что составит для РФ дополнительный вызов.

**2. Умеренно-оптимистический.** Есть вероятность, что в *кратко- или среднесрочной перспективе* КНР попытается вывести ШОС из стабильно-умиротворенного состояния, придав ей новый функциональный импульс. Для этого Китаю понадобится и еще больше «вложиться» в «шосовские» хозяйственные проекты, и активно подключиться к сфере сохранения безопасности в ЦАР. Это не только потребует от КНР массивных финансовых затрат, но и чревато недовольством Москвы и центрально-азиатских столиц новой волной «экспансии» Китая в регионе. Индия — молодой полноправный член ШОС тоже вряд ли будет обрадована повышением оборонной активности ее старого регионального соперника. Таким образом, подобное развитие событий хоть и способно привести к увеличению политических «бонусов» Китая в ШОС, однако повысит конфликтный потенциал внутри Организации.

При всей престижности и приоритетности для Москвы кооперации в сфере безопасности, России все же не стоит упускать из виду значимость экономической совместной работы и серьезного финансирования многосторонних экономических программ. *На средне- и долгосрочную перспективу* полная сдача Китаю этой сферы приведет к усилению его роли в ШОС в ущерб российским интересам. Без развитой экономической составляющей другие члены ШОС могут или потерять интерес к Организации как таковой, или предпочесть сотрудничество с КНР на двустороннем уровне. Это, несомненно, нанесет потери позициям РФ в ШОС и авторитету Организации в целом. Хочется надеяться, что РФ найдет силы и средства вложиться в свой экономический имидж в ШОС.

3. **Оптимистический.** Россия (и другие страны-участницы ШОС) сумеют воспользоваться хозяйственным потенциалом Китая в целях собственного развития, особенно для подъема Дальнего Востока РФ. Этот сценарий *на средне- и долгосрочную перспективу* вполне вероятен, но в отличие от сценария № 1 потребует массивных капиталовложений и организационных согласований не только с китайской, но и российской стороны, что снижает его выполнимость, но оставляет высоко желательным.

4. **Негативный.** *Кратко- и среднесрочная перспектива.* По этому сценарию, осложнения во внутренней социально-политической и хозяйственной обстановке в Китае достигнут таких масштабов, что это скажется на экономическом сотрудничестве в ШОС как на основном — двустороннем, так и на планируемом многостороннем уровне. (Уже вскоре, по словам министра финансов Китая Лоу Цзинвэя, Китаю предстоят крайне тяжелые экономические испытания: вторая по ВВП страна мира может лет на 10 потерять «функцию мирового хозяйственного паровоза»). КНР будет покупать меньше углеводородов, другого сырья и промышленных товаров<sup>31</sup>. Экспорт российских товаров в КНР в 2015 г. реально упал на 21,2 %: Китаю сейчас не нужны такие объемы российского сырья. Российский импорт из Китая снизился на 36,3 %. Падение курса рубля сократило отечественный платежеспособный спрос, а торговля с КНР идет преимущественно в долларах, ибо связка «рубли-юани» пока не работает. Сокращение мировых цен на нефть и природный газ сказыва-

вается и на масштабных проектах с КНР: нет заметного движения с «западным маршрутом» поставки российского природного газа в Китай<sup>32</sup>.

Трудности в Китае ставят под удар все страны, сделавшие большую ставку на экономические отношения с ним: это многие из АСЕАН и все государства-основатели ШОС. (Индия и Пакистан — в меньшей мере). В случае ухудшения социально-экономической обстановки в КНР угрозе подвергнется не только будущность ШОС, но и реализация проекта ЭПШП.

Однако есть мнение, что резервы прочности КНР значительны, поскольку китайской модели развития свойственна способность к самовосстановлению, значительная адаптивность и умелое задействование потенциала «мягкой силы». Все это, вкупе с объявленным XVIII съездом КПК курсом на приоритетность развития отношений со странами-соседями, дает основание полагать, что ШОС для КНР может стать фактором-балансиром, способствующим удержанию внутренней китайской модели в состоянии динамического равновесия<sup>33</sup>. И раз так, то вряд ли Китай допустит распад Организации через утрату к ней интереса хотя бы стран-основательниц. А вот судьба проекта ЭПШП может оказаться трудной, ибо «Пояс» — все еще нечеткий абрис, а ШОС — уже свершившаяся данность.

*Долгосрочная перспектива.* Несмотря на близость или совпадение позиций РФ и Китая по многим международным вопросам, у обеих стран есть собственные интересы, от которых они не намерены отказываться и/или согласовывать. Пока это обстоятельство не сильно сказывается на общем благожелательном тоне российско-китайского диалога. Но будет ли так и впредь, если в долгосрочной перспективе Китай станет мировым «полюсом» («центром»), равнозначным, а то и превосходящим США? Избежит ли он великого соблазна диктовать свои взгляды всем остальным субъектам МО? Как показывает история, ни одна страна, достигшая мирового лидерства, не отказывалась от практики единоначалия в международной жизни. Если будет так, то какая судьба ждет ШОС? Логично предположить, что именно тогда ей будет уготован либо распад (если Россия не захочет подчиняться своеволию другой стороны), либо судьба уже *силового блока*, функционирующего в китайских интересах.



Пока же для дальнейшей консолидации российско-китайских отношений и на уровне ШОС, и в двустороннем формате видится полезной их интенсификация по следующим направлениям.

**Политика и безопасность.** 1. Выработка общей стратегии реагирования на ситуацию вокруг Ирана — по всей видимости, следующего полноправного члена ШОС. Противостояние на уровне СБ ООН и других консультационных механизмов как насильственной смене режима в Иране, так и политике запугивания ИРИ, дабы не подтолкнуть страну к «ядерной обороне»<sup>34</sup>.

2. Продумать на уровне ШОС политику в отношении Афганистана (где многие члены ШОС имеют немалые оборонные, да и экономические интересы) на случай и позитивного, и негативного развития ситуации там. Для ШОС важно вовремя и адекватно реагировать на увеличение недружественных военных формирований в ИРА, а главное — создавать условия для собственного экономического «наступления». Небесполезно создание доступной инфраструктуры двойного назначения.

**Экономика.** Экономика — наиболее слабое направление работы ШОС. Несмотря на многочисленность заявлений о намерениях и экономических «программ», в ШОС до сих пор нет конкретной «дорожной карты» хозяйственного взаимодействия. И на эффективности экономического сотрудничества в ШОС явно сказывается отсутствие полноценного механизма финансирования<sup>35</sup>. Пока страны-участницы не выйдут на этап разработки реальных ТЭО коллективных проектов, многостороннее экономическое сотрудничество останется непродуктивным.

Следует первостепенное внимание уделить координации *инвестиционной активности* финансовых организаций РФ и КНР. В частности, в случае сохранения российско-китайских «нестыковок» по вопросу Банка развития ШОС — планируемого механизма финансирования «шосовских» проектов — сосредоточить внимание на вопросе создания БР на базе успешно действующего в регионе Евразийского банка развития. Данный вариант позволит совместить кредитно-инвестиционную деятельность ШОС и многих членов ЕАЭС<sup>36</sup>.

На уровне аналитических служб начать проработку логистики «сопряжения» трех проектов — ШОС, ЭПШП и ЕАЭС в политиче-

ском, финансово-экономическом, инфраструктурном и информационном планах. Наложение данных трех инициатив способно создать эффект синергии и вскрыть дополнительные возможности для социально-экономического развития всех государств-членов Шанхайской группы<sup>37</sup>.

При строительстве нефтепровода из Восточной Сибири в Китай России следует решительнее защищать свои *политико-энергетические интересы* и получить гарантии, что КНР не воспользуется положением монопольного покупателя для занижения цен на нефть<sup>38</sup>, а также не станет ее реэкспортировать без согласия российской стороны.

Разработать пошаговый алгоритм содействия Афганистану со стороны ШОС. В этом случае коллективное сотрудничество государств ШОС не просто проявит себя, но и приобретет устойчивый характер. Здесь следует продумать механизмы привлечения возможно большего числа государств, в частности — Японии и других мировых обладателей реального капитала. Так ИРА может получить значительно больший объем инвестиций и технического содействия, а Москва и Пекин — новых партнеров по реализации региональных проектов. Небесполезными могут оказаться возможности Индии и Пакистана как непосредственного окружения Афганистана<sup>39</sup>.

Предложить создать в ШОС группу по мониторингу мирового экономического кризиса и обмену мнениями по мерам его демпфирования. Пока кризис не будет пройден, успешное выполнение взаимных экономических и инфраструктурных проектов, облагораживание структуры и объемов торговли, увеличение в российском экспорте в КНР доли машинно-технической и наукоемкой продукции будут оставаться труднодостижимыми задачами.

В сотрудничестве *в области высоких технологий* перспективным видится разработка военных самолетов, навигационных систем, космические исследования (по примеру сотрудничества России с Индией). Целесообразным является трехстороннее технологическое сотрудничество в форматах ШОС и РИК<sup>40</sup>.

Необходимо дальнейшее правовое и практическое совершенствование взаиморасчетов в национальных валютах без привязки к доллару. Порой здесь не хватает «простой» политической воли.

Развитие механизмов *экологического сотрудничества* с учетом двух групп проблем: 1) ущерб для экологии российской территории при авариях на опасных производствах в Китае; 2) хищническое истощение российских природных ресурсов со стороны китайских или российских фирм при попустительстве коррумпированного российского элемента. Предложить китайской стороне вести развернутое практическое сотрудничество в этих вопросах, а не ограничиваться декларациями о необходимости строгого соблюдения законов<sup>41</sup>.

На двусторонней и/или коллективной основе привлечение к развитию инфраструктуры, обрабатывающей промышленности и разработке природных ресурсов российского Дальнего Востока не только китайских, но и казахстанских и индийских компаний. Это сбалансировало бы интерес к проектам в ДВФО со стороны Японии и Южной Кореи и укрепило бы внутришосовское экономическое сотрудничество<sup>42</sup>.

В заключение следует подчеркнуть, что современный российско-китайский диалог, вступивший в «новый этап отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия»<sup>43</sup>, при конструктивном ведении и рентабельном использовании его возможностей может стать реальным инструментом облагораживания общего климата в Евразии, механизмом экономического развития и поддержания безопасности на континенте. Ввиду совпадения или близости позиций сторон по многим международным проблемам, высокой авторитетности обоих государств на мировой арене, их партнерство в рамках ШОС способно послужить антиконфронтационным механизмом и средством балансировки политических сил также и на глобальном уровне.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Хартия Шанхайской организации сотрудничества. Ст. 1. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/06/106755.shtml>

<sup>2</sup> См.: Московское совместное заявление глав государств России и Китая (16 июля 2001 г.). URL: <http://www.lawmix.ru/abrolaw/7601>

<sup>3</sup> Российско-китайский диалог: модель 2015: доклад № 18/2015 / *Лузянин С.Г.* (рук.) и др.; *Чжао Хуашен* (рук.) и др. / гл. ред. И.С. Иванов. М.: Российский совет по международным делам (РСМД), 2015. С. 7; см. также: *Ян Юйхэн*. Договор 2001 г. как правовая основа российско-китайского стратегического партнерства // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 4. С. 22—34.

<sup>4</sup> См.: *Клименко А.Ф.* Перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 30 (267). С. 39—47; Российско-китайский диалог: модель 2015... С. 8.

<sup>5</sup> Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/33359.htm>

<sup>6</sup> *Клименко А.Ф.* Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16.6.2001 г: военно-политические аспекты российско-китайского сотрудничества. URL: <http://www.ifes-gas.ru/publications/online/1522-doklad-af-klimenko/>; *Прытков А.* Главная новость прошла тихо. URL: <http://prytkovalexey.org/2014/09/04/главная-новость-дня-прошла-тихо-это-с;> URL: [http://www.huffingtonpost.com/artuom-lukin/russia-china-us\\_b\\_8105578.html?utm\\_hp\\_ref=world](http://www.huffingtonpost.com/artuom-lukin/russia-china-us_b_8105578.html?utm_hp_ref=world)

<sup>7</sup> См.: *Лузянин С.Г., Морозов Ю.В.* ШОС: возможные пути развития // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 4. С. 41—45; *Морозов Ю.В.* Влияние военной политики США на обеспечение стабильности в Центральной Азии и на национальные интересы России в регионе. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=194>

<sup>8</sup> См.: *Сафронова Е.И.* Многополярность и глобализация: взаимообусловленность или взаимоисключение? // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 71—80.

<sup>9</sup> Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* К вопросу о взаимосвязи теории «трех миров» и концепции «многополярного мира» // *Тезисы докладов X Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир»*. М., ИДВ РАН, 1999. Ч. 1. С. 151—155.

<sup>10</sup> См.: *Сафронова Е.И.* Многополярность и глобализация... С. 77—79.

<sup>11</sup> См.: Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о региональной антитеррористической структуре от 07.06.2002. URL: <http://ecrats.org/upload/iblock/90a/2.pdf>; *Васильев Л.Е.* Сотрудничество России и Китая в сфере безопасности ШОС // *Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства* / под ред. С.Г. Лузянина и Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 79—80.

<sup>12</sup> *Васильев Л.Е.* Сотрудничество России и Китая... С. 82; см. также: *Васильев Л.Е.* Российско-китайское сотрудничество в борьбе против терроризма // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. Вып. XIX. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 93—101.

<sup>13</sup> Цит. по: Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 644.

<sup>14</sup> Там же. С. 649.

<sup>15</sup> Там же. С. 644.

<sup>16</sup> *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 72—73.

<sup>17</sup> *Лукин А.* Нужно ли расширять ШОС? URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document189427.phtml>; см. также: URL: <https://news.mail.ru/politics/9115681/>

<sup>18</sup> Российско-китайский диалог: модель 2015... С. 12.

<sup>19</sup> *Лузянин С.* Россия и Китай создают «общее евразийское экономическое пространство». URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document274269.phtml>

<sup>20</sup> URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

<sup>21</sup> Российско-китайский диалог: модель 2015... С. 11,12.

<sup>22</sup> Подробнее см.: *Уянаев С.В.* Новые «Шелковые пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» // Китай в мировой и региональной политике. История и с современность. Вып. XX. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 242—259.

<sup>23</sup> URL: [http://www.vb.kg/doc/278025\\_ekspert:\\_shelkovyyu\\_pyт\\_privedet\\_k\\_razvitiu\\_stran\\_ychastnic\\_shos.html](http://www.vb.kg/doc/278025_ekspert:_shelkovyyu_pyт_privedet_k_razvitiu_stran_ychastnic_shos.html); URL: [http://www.vb.kg/doc/278074\\_forym\\_shos\\_posviatili\\_sozdaniyu\\_ekonomicheskogo\\_poiasa\\_shelkovogo\\_pyti.html](http://www.vb.kg/doc/278074_forym_shos_posviatili_sozdaniyu_ekonomicheskogo_poiasa_shelkovogo_pyti.html)

<sup>24</sup> См.: Российско-китайский диалог: модель 2015... С. 12.

<sup>25</sup> Россия и Китай: четыре века взаимодействия... С. 650.

<sup>26</sup> См.: *Фроленков В.С.* Указ. соч. С. 230.

<sup>27</sup> Там же. С. 240, 241.

<sup>28</sup> *Лексина Е.А.* Перспективы российско-китайского сотрудничества в контексте потенциального лидерства КНР на мировой арене. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/1079/13442>

<sup>29</sup> См. Россия и Китай: четыре века взаимодействия... С. 650.

<sup>30</sup> См.: *Лузянин С.Г.* Китай и XVIII съезд КПК // Обозреватель — Observer. 2013. № 1 (276). С. 57, 58; *Лузянин С.Г.* Китай в Центральной Азии: «Взаимный выигрыш» или экспансия?

URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document236557.phtml>

<sup>31</sup> *Головнин В.* Для решения экономических проблем Китай предпочитает Запад // Новая газета. 14.09.2015.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> См.: Перспективы сотрудничества России и Китая. Аналитическая записка / Центр исследований Восточной Азии и ШОС. М.: МГИМО(У), 2013. URL: [www.youthrussia.ru/files/приложение\\_доклад\\_Россия-Китай.doc](http://www.youthrussia.ru/files/приложение_доклад_Россия-Китай.doc)

<sup>34</sup> *Марков С.* Соседи. Китай становится важнейшим стратегическим партнером России. URL: <http://file-rf.ru/analytics/853>; Перспективы сотрудничества России и Китая. Аналитическая записка... URL: [www.youthrussia.ru/files/приложение\\_доклад\\_Россия-Китай.doc](http://www.youthrussia.ru/files/приложение_доклад_Россия-Китай.doc)

<sup>35</sup> См.: URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document189427.phtml>

<sup>36</sup> Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г... С. 164.

<sup>37</sup> Там же. С. 164—165.

<sup>38</sup> *Марков С.* Соседи...; Перспективы сотрудничества России и Китая. Аналитическая записка...

<sup>39</sup> Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. ... С. 165.

<sup>40</sup> *Марков С.* Указ. соч.; Перспективы сотрудничества России и Китая. Аналитическая записка...

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> URL: <http://file-rf.ru/analytics/853>; URL: [www.youthrussia.ru/files/приложение\\_доклад\\_Россия-Китай.doc](http://www.youthrussia.ru/files/приложение_доклад_Россия-Китай.doc)

<sup>43</sup> Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 20 мая 2014 г. URL: [http://www.news.kremlin.ru/ref\\_notes/1642](http://www.news.kremlin.ru/ref_notes/1642)

А. Ф. Клименко

## ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ И ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

*Аннотация.* В статье на фоне проработки программы «Экономического пояса Шелкового пути», к реализации которой привлекается и Шанхайская организация сотрудничества, аргументируется необходимость усиления дееспособности ШОС в обеспечении безопасности и стабильности на пространстве Организации. Разрабатываются некоторые рекомендации по повышению возможностей ШОС в этом направлении.

*Ключевые слова:* Россия, Китай, Экономический пояс Шелкового пути, Центрально-Азиатский регион, Шанхайская организация сотрудничества, исламский фундаментализм, оборона, безопасность.

### Введение

Во время работы Бюоского азиатского форума в марте 2015 г. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР опубликовал План действий «по совместному строительству Шелкового пояса и пути» (далее Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП)). Главные цели проекта — создать «инфраструктурную, фи-

нансовую и телекоммуникационную взаимосвязанность» стран-участниц, а также устранить торговые барьеры в их отношениях.

Географические направления Шелкового пути определены в нескольких вариантах. Часть из них (Китай — Центральная Азия (ЦА), Россия и страны Балтии; Китай — страны Персидского залива и Средиземноморья через Центральную и Западную Азию) включают в себя территории стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которую в Китае рассматривают в качестве активного участника проекта.

Китайский план ставится многими специалистами под сомнение в силу целого ряда факторов. Во-первых, его реализации может помешать периодически усиливающаяся нестабильность внутри республик Центральной Азии и в регионе в целом<sup>1</sup>. Во-вторых, для успешного функционирования пути через более чем десяток государственных границ надо унифицировать и предельно упростить таможенные и страховые нормы разных стран, а главное — обеспечить по всей трассе политическую стабильность и правопорядок. А этого сегодня не может гарантировать ни одна страна. Тем более, что обстановка внутренней нестабильности и непростые двусторонние отношения между государствами региона могут осложнить решение этих задач. И наконец, нельзя не учитывать и то, что Центральная Азия и весь Ближний и Средний Восток покрыты сетью террористических и радикальных экстремистских ячеек.

Последний фактор отметил на организованной Минобороны РФ в октябре 2015 г. (Москва) Международной конференции по Афганистану начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал армии В. Герасимов. По его словам, наряду с кризисом в Ближневосточном регионе, где значительная часть территорий Сирии и Ирака остается под контролем террористической организации «Исламское государство» (ИГ или ИГИЛ), особую озабоченность вызывает обстановка в Афганистане. Нарастающая террористическая активность тормозит развитие этой страны, а значительный приток наркотиков, оружия и подготовленных боевиков с ее территории несет угрозу соседям и, в первую очередь, странам Центральной Азии, являющимся, за исключением Туркмении, участниками ШОС. Поэтому, подчеркнул начальник Генштаба, «необходимо со-



вместно искать меры, реализация которых позволит восстановить мир и спокойствие в этой многострадальной стране, не допустить разрастание зоны нестабильности на соседние регионы»<sup>2</sup>.

Многие государства, которые, с точки зрения Китая, должны быть подключены к проекту «Экономического пояса Шелкового пути», входят и в ШОС. Не случайно уже в ноябре 2013 г., через полмесяца после презентации Си Цзиньпином проекта ЭПШП в Астане, конкретной проработкой «экономического пояса» на 13-м совещании глав правительств стран-участниц занялась и эта Организация. Тема была продолжена и на саммите ШОС в Уфе летом 2015 г. Причем на этом форуме поднимались не только экономические проблемы, но и вопросы обеспечения безопасности.

Примечательно, что до сих пор в рамках ШОС избегали говорить на эту тему. Но в условиях нестабильности в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), с учетом проблем Афганистана и угроз переноса деятельности Исламского государства на территорию Центральной Азии и Кавказа, будет логичным, если ШОС, как участник проекта ЭПШП, придет к выводу о необходимости создания какого-либо формата для нейтрализации угроз безопасности на пространстве Организации. При этом нельзя не учитывать и то, что некоторые из участников ШОС (например, Иран) непосредственно граничат с дестабилизированным Ближневосточным регионом и наряду с Россией являются участниками коалиционных сил, ведущих борьбу с ИГ в Сирии.

Всем этим и обусловлена актуальность настоящей статьи.

## 1. Отношение ШОС к программе «Экономического пояса Шелкового пути»

Представляя концепцию ЭППШ на лекции в «Назарбаев-Университете» в Астане (сентябрь 2013 г.), китайский лидер Си Цзиньпин сформулировал программу действий из пяти пунктов:

- усиление координации государств ЦАР в политической области;
- интенсификация строительства единой дорожной сети;

- развитие торговли путем ликвидации торговых барьеров, снижения издержек торговли и инвестиций, повышения скорости и качества экономических операций в регионе;
- увеличение валютных потоков за счет перехода на расчеты в национальных валютах;
- усиление роли народной дипломатии, расширение прямых связей между народами стран региона.

В программе можно выделить три составные части, «работающие»:

а) на региональную безопасность (пп. 1, 2);

б) на развитие торгово-экономических отношений (пп. 3, 4):

г) на углубление культурно-гуманитарных связей участников этого проекта.

В свою очередь А. Лукин в статье «Идея Экономического пояса Шелкового пути и евразийская интеграция» также выделил в китайском подходе несколько существенных моментов<sup>3</sup>.

Во-первых, углубление сотрудничества предлагается осуществлять за счет внутренних ресурсов государств региона, в том числе Китая и России.

Во-вторых, в проекте речь идет о сотрудничестве государств ЦА, прежде всего с Китаем и Россией и с другими государствами-участниками ШОС (говорится, например, об Индии, Пакистане и Иране).

В-третьих, Си Цзиньпин в первом же пункте, говоря о политической составляющей, отмечает необходимость политического взаимодействия как основы экономического сотрудничества.

В-четвертых, важнейшим фактором углубления сотрудничества в регионе китайский лидер называет взаимодействие функционирующих здесь международных организаций: ШОС и ЕАЭС. Это означает, что Китай не рассматривает евразийскую интеграцию, активно продвигаемую Россией, Казахстаном и Белоруссией, как противоречащую китайским интересам или составляющую конкуренцию ШОС, а напротив, считает ее полезной.

В.Я. Воробьев — первый российский национальный координатор по ШОС в связи с этим задает ряд вопросов: «Имеется ли в виду ориентировать начатую в ШОС подготовку среднесрочной страте-

гии развития на оказание всемерной поддержки китайскому проекту, иными словами, на практике вести дело к его инкорпорированию в стратегию ШОС? Или, может быть, наоборот — воплощение китайской идеи пойдет через действующие структуры ШОС? Наконец, не сведется ли роль китайской инициативы к тому, чтобы дополнительно стимулировать оживление экономической составляющей Организации, в чем действительно есть потребность?»<sup>4</sup>.

Ответ на эти вопросы был дан на Бишкекском экономическом форуме стран ШОС (23 июня 2014 г.), где уже конкретно обсуждалась предложенная Китаем инициатива создания экономического пояса в рамках Шелкового пути. Центральной темой форума были современные вызовы экономическому развитию региона ШОС и преодоление недостатка экономической кооперации государств-участников ШОС. Выступающие на форуме отметили, что суммарный финансово-экономический потенциал стран-участниц ШОС практически мало используется для формирования общерегионального экономического пространства. Поэтому проект по созданию Экономического пояса Шелкового пути, предложенный КНР, может стать одним из вариантов решения вопроса более тесного и интегрированного сотрудничества. Как заявил действовавший в то время генеральный секретарь ШОС Дмитрий Мезенцев — «Шанхайская организация сотрудничества принимает и поддерживает предложение Китая о создании Экономического пояса Великого шелкового пути... Экономический пояс должен добавить новые рабочие места, содействовать развитию национальных инфраструктур, активизировать национальные рынки, но при этом не должен стать фактором напряжения в конкурентной среде»<sup>5</sup>.

В связи с этим представляется, что:

во-первых, программа создания «Экономического пояса Шелкового пути» могла бы стать катализатором многостороннего экономического сотрудничества государств ШОС и проводиться под эгидой этой организации. Это позволило бы сконцентрировать наибольшее количество ресурсов, а также стимулировать экономическое развитие государств Центральной Азии без вмешательства внерегиональных сил;

во-вторых, программа во многом призвана обеспечить геополитические интересы ее участников. Не случайно к ней привлечены

участвующие в Шанхайской организации сотрудничества государства или состоящие в ней в качестве наблюдателей (Иран, Афганистан). Акценту на региональную координацию соответствует и взаимодействие нового китайского проекта с Евразийским экономическим союзом, что было подтверждено сначала на майской встрече лидеров России и Китая, а затем и на саммитах БРИКС и ШОС в Уфе. Заметим, что для ЕАЭС, ШОС и группы участников программы ЭПШП характерно перекрестное членство. И постоянными членами в этих структурах являются Россия и Китай, которые, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, значительно повышают политический вес каждого объединения своим участием.

Очевидно, с учетом всего этого на саммите в Уфе члены Шанхайской организации сотрудничества единогласно выступили с поддержкой инициативы Китая. Об этом говорится в сообщении по итогам заседания совета глав государств-участников ШОС. «Государства-члены поддерживают инициативу КНР о создании Экономического пояса Шелкового пути. Они считают важным наладить консультации и информационный обмен между соответствующими ведомствами государств-членов ШОС»<sup>6</sup>, — подчеркивается в сообщении. Это, по сути, дает старт конкретной работе по претворению в жизнь выдвинутой китайским лидером концепции построения ЭПШП.

Однако следует заметить, что таковой старт невозможен без создания соответствующей рабочей группы в рамках ШОС, которая занималась бы конкретной проработкой, а впоследствии и реализацией концепции построения ЭПШП в тесной увязке с программой Евразийского экономического союза.

Что же касается непосредственно России, то, как нам представляется, в ее интересах как можно активнее развивать трансевразийские коридоры, проходящие через ее территорию. Это, прежде всего, Транссиб, а в перспективе — Северный морской путь. Цель — последующая их интеграция в Экономический пояс Шелкового пути. В этом случае поводов для превращения конкуренции названных путей в конфронтацию с создаваемыми путями в рамках ЭПШП будет значительно меньше, а выигрыш — ощутимее.

Подводя краткий итог сказанному, отметим заинтересованность стран-участниц ШОС, в том числе и России, в реализации выгодного для них проекта ЭПШП. Но нельзя забывать и о тех вызовах и трудностях, которые могут серьезно осложнить эту реализацию.

## 2. Основные вызовы реализации программы ЭПШП на пространстве ШОС

***Исламский фундаментализм как основной фактор региональной нестабильности.*** По состоянию на конец 2015 г. состав Шанхайской организации сотрудничества существенно расширился. Ее участниками стали 16 стран, в том числе: постоянные члены — Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Индия и Пакистан; наблюдатели — Иран, Монголия и Беларусь; партнеры по диалогу — Азербайджан, Армения, Турция, Шри-Ланка, Камбоджа и Непал. Таким образом, пространство ШОС теперь уже охватывает большую часть Восточной Евразии. В составе Организации два постоянных члена Совета Безопасности ООН и четыре ядерные державы.

Из перечисленных выше начальником Генштаба РФ угроз для всех участников ШОС наибольшую опасность представляют фундаменталисты «Исламского государства» и активизирующиеся на территории Афганистана после ухода основных сил западной коалиции Талибан и другие исламистские организации. Рассмотрим исходящие от них угрозы более подробно.

С 2013 г. «Исламское государство» фактически определяют как непризнанное квазигосударство с шариатской формой правления. В июне 2014 г. оно провозгласило себя всемирным халифатом<sup>7</sup>. Контролируя значительные территории Ирака и Сирии, экстремисты планировали распространение активности на Россию, Центральную и Юго-Восточную Азию, тем более что в рядах военных формирований исламистов проходят идеологическую обработку и подготовку боевики из многих стран мира, включая европейские государства, Россию и многие другие страны, являющиеся в том или ином статусе участниками ШОС. Серьезным препятствием для этих планов стало активное участие России в отражении агрессии ИГ против Сирии.

Тем не менее, по нашему мнению, опасность, исходящая от экстремистов «Исламского государства», может реализоваться в двух наиболее вероятных вариантах, зависящих от итогов военных действий против ИГ.

Даже в случае, если военные формирования игиловских экстремистов потерпят поражение в Сирии и Ираке, это не будет означать, что их организация, или движение исчезнет окончательно, а ситуация на Ближнем Востоке стабилизируется. Сохранившиеся сетевые структуры ИГ могут перейти к партизанским действиям, организовав массовые террористические атаки не только в Ираке и Сирии. Вероятность реализации этого варианта обусловлена во многом желанием (или нежеланием) США и возглавляемой ими части антиигиловской коалиции покончить с ИГ. Не секрет, что к созданию «Исламского государства» приложили руку и Соединенные Штаты в лице своих спецслужб. Выгодна ли им стабилизация обстановки на Ближнем Востоке и в первую очередь в Сирии? Однозначного ответа здесь нет, даже несмотря на положительную динамику российско-американского взаимодействия в антитеррористической операции. Наши сомнения подтверждает и антироссийская информационная кампания, развернутая американцами и их союзниками после успешных действий против исламистов ИГ российских воздушно-космических сил (ВКС).

Следует заметить, что, действуя по заранее согласованным с сирийцами целям, российские ВКС добились серьезных результатов. Уничтожены десятки пунктов управления бандформирований ИГ, их складов с боеприпасами и других объектов инфраструктуры, сотни террористов и большое количество боевой техники, что позволило сирийской армии перейти в контрнаступление, а многие из антиправительственных формирований согласились на предложенное Россией перемирие и сложили оружие. При этом Россия неизменно выступает за формирование максимально широкой коалиции по противодействию экстремистам и террористам. Одновременно Россия призывает «все заинтересованные стороны подключиться к работе информационного центра в Багдаде»<sup>8</sup>.

По словам президента РФ В.В. Путина, России удалось установить деловые контакты с ближневосточными государствами. «Мы

находимся в переговорном процессе с Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом, Иорданией, Израилем и другими странами, предпринимаем попытки наладить взаимодействие с США и Турцией», — отметил он<sup>9</sup>. Однако не все эти попытки увенчались успехом. Все это свидетельствует в пользу того, что даже в случае военного поражения формирований ИГ граничащая с хаосом нестабильность в странах Ближнего Востока будет сохраняться еще длительное время. И вероятность реализации приведенного варианта развития обстановки в этом регионе довольно-таки высока.

Второй вариант связан с ситуацией в Афганистане и несет непосредственную опасность целому ряду государств-участников ШОС. Из различных источников известно, что на стороне ИГИЛ воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и стран СНГ. Потерпев поражение на Ближнем Востоке, они уже начинают просачиваться в нестабильный Афганистан, а также на территории центрально-азиатских и других государств-участников ШОС, чтобы применять там полученные в Сирии и Ираке практические навыки конспирации, минно-взрывной войны и ведения боевых действий в условиях города. По данным спецслужб, ИГ создаются автономные боевые ячейки, готовые к совершению террористических и диверсионных актов.

По оценке Генерального штаба ВС РФ, в Афганистане действует до 50 тыс. боевиков, объединенных более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности. Их основу составляет исламистское движение талибов численностью до 40 тыс. боевиков. Кроме того, там находятся от 2 до 3 тыс. боевиков «Исламского государства», и их численность постоянно растет<sup>10</sup>.

С началом операции российских ВКС в Сирии боевые действия в Афганистане активизировались. «Талибан» начал мощное наступление на города и провинции Северного Афганистана. Ими был взят город Кундуз, 300-тысячный провинциальный центр в 70 км от границы с Таджикистаном. Правда, афганской армии с помощью американской авиации удалось вытеснить исламистов из города. Но талибы ушли из Кундуза организованно и унесли с собой захваченное у афганской армии оружие, транспорт и миллионы долларов, награбленных в городских банках.

Кроме того, оставив Кундуз, талибы по-прежнему контролируют большинство уездов этой провинции, сосредотачиваясь на восточном и северном направлениях в сторону таджикской границы. Таким образом, этот факт имеет не только символическое значение. В политическом плане «Талибан» проявил себя окрепшей военной силой, претендующей на долю власти над территорией Афганистана. Геостратегическое же значение события состоит в том, что открывается дорога на Кабул и далее на север страны, к границам Таджикистана, чем обеспечивается выход в Центральную Азию.

Одновременно с захватом Кундуза талибы развязали бои с правительственными силами в соседних провинциях. Они нацелены на установление контроля стратегической дороги, ведущей через тоннель под перевалом Саланг на север Афганистана. Талибы уже несколько месяцев контролируют также ряд уездов афганского Бадахшана, что подтверждают и официальные власти в Кабуле. Этот район становится главным плацдармом исламистов для переправы через р. Пяндж в Таджикистан и объединения их с местными радикалами.

Ситуацию в Афганистане усугубляет недостаточная подготовка и оснащённость афганских силовых структур, что не позволяет им эффективно проводить операции против незаконных вооружённых формирований. В то же время активные и успешные действия экстремистов против правительственных войск не позволяют официальному Кабулу решить задачи по стабилизации политической и социально-экономической обстановки в стране, и это усиливает недоверие населения к центральной власти.

Совокупность приведенных факторов приводит к выводу о том, что проблему нестабильности в Афганистане в обозримый период времени решить не удастся. Эти факторы способствуют дальнейшему обострению ситуации в государстве, установлению контроля экстремистов над целыми провинциями, сращиванию террористических формирований с организованной преступностью и как следствие — увеличению производства опиатов и объемов наркотрафика, ухудшению социально-экономического положения простых афганцев, росту числа безработных, оттоку граждан из страны и усилению политических позиций экстремистских организаций.



*Другие факторы региональной нестабильности.* Оценивая ситуацию в Афганистане и Центрально-Азиатском регионе, нельзя не принимать во внимание «американский фактор», ибо признаки подрывной деятельности США на территории государств ЦАР не прекращаются. Более того, после активизации «евромайдана» на Украине резко увеличилось финансирование неправительственных организаций в Киргизии. Силами расположенных в этом государстве неправительственных организаций (НПО) спецслужбы США пытаются дестабилизировать Таджикистан. Международная общественная организация «Фидокор» проинформировала, что «совместно с Объединением юридических лиц «Ассоциация развития гражданского общества (АРГО)» объявляет о начале грантового конкурса для развития «Сетей некоммерческих организаций в Республике Таджикистан» в рамках программы «Развитие через региональное сотрудничество». Данная программа реализуется при финансовой поддержке Агентства США по Международному развитию в республиках Центральной Азии (USAID/CAR)<sup>11</sup>.

Как видим, НПО и радикальные исламисты финансируются из одного источника. В частности, один из главных спонсоров НПО — Национальное агентство международного развития (USAID) — финансирует новую международную исламскую организацию «Мусульманская интеграция в Центральной Азии», созданную в Душанбе и объединившую запрещенные в исламских странах экстремистские группировки «Хизб-ут-Тахрир», Исламское движение Узбекистана и движение «Акрамия»<sup>12</sup>. Таким образом, факторы нестабильности в Афганистане и в целом ряде центрально-азиатских участников ШОС тесно связаны между собой, а нити дестабилизации держит в руках Вашингтон.

На этом фоне крайне негативно выглядят очень непростые, порой переходящие во враждебные, отношения между отдельными государствами, входящими в ШОС. Например, Узбекистан и Киргизия, не могут договориться по вопросам водопользования. Так, президент Узбекистана И. Каримов даже не исключает, что проблемы с водой в Центрально-Азиатском регионе в скором будущем «могут усугубиться до такой степени, что вызовут не только серьезное противостояние, но даже войны»<sup>13</sup>. В регионе не решены пограничные

проблемы. Перманентные приграничные конфликты вспыхивают на границе Таджикистана с Киргизией, Киргизии с Узбекистаном. Узбекистана с Таджикистаном. Словом, у большинства центрально-азиатских стран есть друг к другу серьезные претензии.

Подтверждением тому, что целью политики США в Центральной Азии является создание хаоса в регионе, служит и препятствование ее экономическому развитию. По сообщению известного сайта WikiLeaks, в американском посольстве выражали озабоченность по поводу того, что Россия и другие государства используют политику привлекательности прямых экономических инвестиций, в то время как Госдепартамент США развивает сеть некоммерческих организаций, призванных со временем осуществить максимально возможный контроль над всеми сферами жизнедеятельности в государствах Центральной Азии<sup>14</sup>. В Вашингтоне откровенное раздражение вызывает вклад Китая, Индии, Ирана и России в мирное строительство и экономическое развитие Афганистана. Американцами движет боязнь того, что Кабул может окончательно войти в сферу влияния ШОС<sup>15</sup>, тем более что Афганистан, имея статус наблюдателя, претендует на полное членство в этой Организации.

В свою очередь НАТО отменило программу передачи афганцам российских транспортных вертолетов Ми-17, заблокирован еще ряд программ по безопасности, в числе которых — подготовка в России офицеров афганского и пакистанского наркоконтроля<sup>16</sup>. Их цель очевидна — сохранить у границ стран Центральной Азии источник террористической и наркотической угрозы. Можно приводить и другие аналогичные примеры, в частности — причастность ЦРУ к развитию афганского наркотрафика<sup>17</sup>. Но и так очевидно, что проблема обеспечения безопасности Центральной Азии не может быть эффективно решена без ликвидации основного дестабилизирующего фактора — деструктивности геополитического присутствия США в регионе.

В то же время, по сообщению РИА «Новости» от 15 октября 2015 г., президент США Б. Обама заявил, что войска США не будут выведены полностью из Афганистана в конце 2016 г. и что 5,5 тыс. военнослужащих будут по-прежнему находиться в стране после этой даты. Кроме того, США замедлят сокращение своего контингента,

который сейчас составляет 9,8 тыс. человек — на этом уровне военное присутствие США сохранится на протяжении «большой части» 2016 г.

Вполне очевидно, что США и в дальнейшем будут использовать незавершенность формирования ШОС и отсутствие в рамках Организации действенных практических механизмов обеспечения безопасности его участников. В связи с этим на повестку дня выходит необходимость уточнения статуса ШОС и повышения дееспособности Организации в деле обеспечения региональной безопасности и стабильности.

### 3. Некоторые подходы к повышению дееспособности ШОС по обеспечению региональной стабильности и безопасности проекта ЭПШП

В принципе, проблема повышения возможностей ШОС в плане обеспечения безопасности своих участников от различного рода военных угроз уже давно стоит в повестке дня. На различных форумах Институтом Дальнего Востока РАН неоднократно предлагались варианты решения этой проблемы<sup>18</sup>. Но всякий раз эти предложения не находили понимания у большинства как российских, так и китайских коллег. А главное — в министерствах иностранных дел обоих государств и среди бюрократического аппарата ШОС. Но в последнее время «лед тронулся».

Как положительный факт и частичное решение проблемы обеспечения коллективной безопасности участников ШОС можно рассматривать созданный при этой Организации институт антитеррористических учений «Мирная миссия». Благодаря регулярным маневрам были вскрыты и решены многие процедурно-нормативные вопросы пребывания войск и военной техники на территории других государств. Командиры, штабы и войска получили опыт совместных действий при решении различных боевых задач и осуществлении всех видов обеспечения боевых действий, ведущихся коалиционными группировками войск и сил. С принятием в состав ШОС

новых государств количество участников этих маневров, очевидно, расширится.

С другой стороны — осознание того, что военно-политическая обстановка в регионе и вокруг него осложняется, причем ее дальнейшая эскалация может происходить лавинообразно, привело к пониманию того, что все это требует постоянного мониторинга складывающейся ситуации и быстрого реагирования в масштабе времени, близком к реальному. Отсюда меняется и отношение во многих государствах-членах ШОС к способности (или неспособности) Организации давать адекватный ответ на вызовы безопасности ее участников. В качестве первоочередных задач ШОС в этом плане, по нашему мнению, можно выделить следующие:

- способствование трансформации Афганистана — нынешнего «экспортера» нестабильности, наркотиков и терроризма в качественно иное — единое и самодостаточное государство;
- воспрепятствование созданию в Центральной Азии внерегиональными акторами плацдарма для дестабилизации обстановки в странах региона методом подрывных действий и «цветных революций», а также для контроля ими уязвимых тыловых районов Китая, Ирана и России;
- недопущение прямой агрессии с чьей-либо стороны против государств-участников ШОС;
- организация системы безопасности единого экономического, транспортно-логистического пространства и других объектов инфраструктуры на всем пространстве ШОС;
- противодействие нетрадиционным угрозам, в первую очередь наркоторговле, незаконной миграции, контрабанде оружия и др.

**Свое видение усиления дееспособности ШОС в части решения задач безопасности** предложил министр иностранных дел РФ С. Лавров на заседании Совета министров иностранных дел Шанхайской организации в Душанбе в сентябре 2014 г. Для укрепления безопасности стран ШОС он предложил преобразовать Региональную анти-террористическую структуру в Центр по борьбе с новыми вызовами и угрозами, для начала распространив его деятельность на сферу борьбы с наркобизнесом. В целях противодействия распространению экстремизма в странах Центральной Азии российский министр

предложил странам ШОС подписать рамочное соглашение о взаимодействии по пограничным вопросам.

В свою очередь с инициативой создать при ШОС новый орган — аппарат национальных военных советников выступил министр обороны России генерал армии С.К. Шойгу на совещании глав оборонных ведомств стран — участниц ШОС в июне 2015 г. (Санкт-Петербург). По его словам, такой орган мог бы стать генератором идей для руководства Организации в плане подготовки рекомендаций по более активному использованию военных возможностей стран-участниц ШОС в интересах безопасности.

Заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник С. Истраков в своем выступлении на прошедшей в Москве Международной конференции по Афганистану развил эту мысль. По его мнению, аппарат национальных военных советников (или специальная рабочая группа) могут быть сформированы при секретариате ШОС (или при Совете министров обороны этой организации) соответственно. На данный орган предполагается возложить вопросы взаимодействия как с национальными вооруженными силами, так и с РАТС ШОС, ОДКБ, Антитеррористическим центром СНГ. Через этот аппарат (рабочую группу) будет вестись обмен данными об организациях экстремистов, незаконных вооруженных формированиях, способах и тактике их действий<sup>19</sup>.

Нельзя не заметить, что идеи, выдвинутые должностными лицами Минобороны России, во многом перекликаются с высказанными ранее предложениями Института Дальнего Востока РАН.

Практические предложения по повышению дееспособности ШОС в решении проблемы безопасности стала выдвигать и китайская сторона. Во время визита в Казахстан в 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил, что Шанхайская организация сотрудничества должна стать защитником Евразии. В ходе своего обращения на XIII саммите ШОС на уровне премьер-министров, он призвал к созданию в этой Организации нового центра, который займется работой над прогнозированием будущих проблем безопасности для Евразии. Он также призвал своих партнеров отработать механизмы, которые будут способствовать борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков наряду с киберпреступлениями. В Астане Ли

Кэцян также выделил Афганистан в качестве государства, которое нуждается в поддержке для сохранения «внутренней стабильности», достижения примирения и восстановления экономики страны<sup>20</sup>.

И, наконец, председатель КНР Си Цзиньпин на саммите в Уфе в ходе своего выступления на заседании Совета глав государств ШОС в расширенном составе высказал довольно-таки емкое и радикальное по содержанию предложение: *«Нужно укрепить дееспособность и создать крепкую защитную стену безопасности в регионе. Следует активизировать политические контакты и координацию, разработать меры реагирования и совместно защищать безопасность власти, политического строя, общественной стабильности во всех государствах-членах Организации. Необходимо укреплять сотрудничество с Афганистаном в области безопасности, помогать афганским силам безопасности в повышении боеспособности, играть большую роль в содействии национальному примирению Афганистана и восстановлению экономики этой страны»*<sup>21</sup>.

Нельзя не заметить, что идеи, выдвинутые должностными лицами Минобороны России, во многом перекликаются с высказанными ранее предложениями Института Дальнего Востока РАН<sup>22</sup>.

Заслуживают внимания и практические шаги наших китайских партнеров в сфере правового обеспечения прозвучавших выше предложений. По сообщению Агентства «Синьхуа» от 28 декабря 2015 г., на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва был принят Закон КНР о борьбе с терроризмом.

Официальный Пекин, комментируя применение нового закона, делает акцент не на возможности операций за рубежом, а на внутренних угрозах. В то же время этот Закон позволяет китайской армии вести антитеррористические операции за пределами КНР<sup>23</sup>. Принятый закон устанавливает, что борьба с терроризмом внесена государством в стратегию национальной безопасности. Предусмотрено наращивание возможностей по борьбе с терроризмом за счет комплексного применения политических, экономических, юридических, культурных, образовательных, внешнеполитических и военных методов для контртеррористической работы. Согласно закону, в стране будет создан руководящий орган по антитеррористической

деятельности, который будет одновременно руководить и управлять контртеррористической работой в общенациональном масштабе.

Таким образом, Народно-освободительная армия Китая теоретически получит право действовать так же, как российские ВКС в Сирии.

В целом, при всех непростых отношениях между имеющими отношение к ШОС государствами, на передний план начинает выходить их готовность действовать единым фронтом против общей угрозы. Это означает и их понимание того, что приоритетными проектами для ШОС являются не только стратегические программы экономического развития, но и развитие практического взаимодействия в сфере безопасности.

**В заключение** хотелось бы отметить, что можно изобретать и предлагать множество различных вариантов повышения дееспособности ШОС в деле обеспечения безопасности участников Организации. Но нужно предпринимать первые практические шаги в этом направлении — создать или в составе РАТС, или в структуре секретариата ШОС небольшую группу профессионалов (возможно, из числа предлагаемых министром обороны России С.К. Шойгу военных советников), которые непосредственно занялись бы разработкой и реализацией выдвигаемых Россией и Китаем предложений. То есть подготовить Концепцию региональной безопасности Шанхайской организации сотрудничества, в которой могли бы быть отражены следующие положения:

- состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа;
- жизненно важные общие и особые интересы членов ШОС;
- виды внешних и внутренних угроз этим интересам;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, ответственных непосредственно за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или отдельным ее участникам;

- порядок взаимодействия с ОДКБ и другими организациями по безопасности, а также некоторые иные вопросы<sup>24</sup>.

Целесообразно также определить порядок мониторинга источников угроз, обмена соответствующей информацией, установить процедуру принятия решений и порядок их исполнения соответствующими структурами Шанхайской организации сотрудничества.

Впоследствии упомянутая выше группа военных советников могла бы составить основу Комитета по координации военного сотрудничества или иного органа, обеспечивающего руководство выделяемыми в его распоряжение силами и средствами. Суть ведь не в названии, а в способности решать поставленные перед этим органом управления задачи.

Вместе с тем, чтобы региональные механизмы безопасности ШОС начали работать на практике, необходимо, на наш взгляд, обозначить четкие временные рамки реализации озвученных предложений по повышению дееспособности ШОС в сфере обеспечения региональной стабильности и выделить ресурсы для их осуществления. В этом случае ШОС имеет шанс стать влиятельным субъектом и наряду с ОДКБ — одной из основ архитектуры региональной безопасности, способной обеспечить в том числе успешную реализацию проектов ЭПШП. В противном случае будут напрасны ожидания от ШОС активности в сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности.

### Примечания

<sup>1</sup> См., в частности: *Сафронова Е.И.* К вопросу об объективной необходимости российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии // Китай: шансы и вызовы глобализации. Тезисы докладов XIV Международной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир». Ч. 2. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 36—40.

<sup>2</sup> *Герасимов В.* Доклад на Московской международной конференции по Афганистану // Военно-промышленный курьер. 2015. № 39 (605). 14—20 октября.

<sup>3</sup> *Лукин А.В.* Идея «Экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 84—98.

<sup>4</sup> *Воробьев В.Я.* О китайской идее построения «экономического пространства Великого Шелкового пути» // Россия в глобальной политике. 2014. № 3. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novyi-shelkovyi-kurs-16776>

<sup>5</sup> Экономический форум стран ШОС. Бишкек, 23 июня 2014 г.



<sup>6</sup> URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/LPPaehzsoTss5HmWzEzOAAz9HqAaTrgV.pdf>

<sup>7</sup> В России организация признана экстремистской. Ее деятельность на территории РФ запрещена.

<sup>8</sup> *Гаврилов Ю.* Боевики бегут с позиций // Российская газета — Федеральный выпуск. 2015. № 6807 (236). 2015. 20 октября.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> *Герасимов В.* Доклад...

<sup>11</sup> Таджикистан и его место в мире, по мнению «друзей демократии». URL: <http://www.belvpo.com/ru/36158.html>

<sup>12</sup> URL: [http://ukrsekta.info/2006/06/21/sekty\\_protiv\\_islama.html](http://ukrsekta.info/2006/06/21/sekty_protiv_islama.html)

<sup>13</sup> *Князев А.* «Талибан» обойдется без помощи ОДКБ в борьбе с «Исламским государством» // Независимая газета. 19.10.2015.

<sup>14</sup> *Шелкова О.* ШОС и насущные проблемы безопасности Центральной Азии // Евразийская интеграция — Ритм Евразии. 21.04.2014.

<sup>15</sup> *Сафронова Е.И.* К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС—Афганистан» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 280—293.

<sup>16</sup> *Шелкова О.* ШОС и насущные проблемы...

<sup>17</sup> Подробнее см.: *Клименко А.Ф.* Возможные шаги России во взаимодействии с Китаем по обеспечению безопасности на пространстве ШОС // Китай в мировой и региональной политике. Вып. XX. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 88—103.

<sup>18</sup> *Клименко А.Ф.* О налаживании взаимодействия ОДКБ и ШОС // Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства / под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 129—140.

<sup>19</sup> *Исраков С.* Выступление на Московской международной конференции по Афганистану // Военно-промышленный курьер. 2015. № 39 (605). 14—20 октября.

<sup>20</sup> India News, Latest Political News in India, National News. URL: <http://www.thehindu.com/news/international/world/china-says-new-silk-road-needs-sco-security>

<sup>21</sup> Стенограмма заседания Совета глав государств — участников ШОС в расширенном составе. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/351/events/49908>

<sup>22</sup> См.: *Клименко А.Ф.* Перспективы развития военно-политической обстановки в Центральной Азии. Взаимодействие ОДКБ и ШОС по обеспечению региональной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 30 (267). С. 39—47.

<sup>23</sup> *Богданов Ю.* Китай берет пример с России в борьбе с терроризмом // Взгляд. 28.12.2015. URL: <http://www.vz.ru/world/2015/12/28/786230.html>

<sup>24</sup> Подробно см.: *Клименко А.Ф.* Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009.

*А.Г. Ларин*

## К АНАЛИЗУ СУЩНОСТИ ПРОЕКТА ЭПШП И ЕГО СОПРЯЖЕНИЯ С ЕАЭС

*Аннотация.* Рассматриваются экономическое содержание проекта ЭПШП, его идеологические задачи, сущность сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, значение сопряжения для России.

*Ключевые слова:* экономика ЭПШП, идеология ЭПШП, сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, ЭПШП и Россия.

Проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) существует уже больше двух лет, концепции его сопряжения с ЕАЭС исполнен год. Обе эти инициативы сформулированы, что вполне естественно, в общих выражениях и содержат много неясных мест. За прошедшее время, однако, выявились более четко некоторые фундаментальные черты концепций, о которых и пойдет речь ниже.

### 1. Экономическое содержание концепции

Существует представление, что ЭПШП — это прежде всего транспортные магистрали из Китая в Европу, по которым Китай собирается экспортировать растущую массу своих товаров. По-видимому, оно возникло под влиянием многочисленных высказываний китайских руководителей, вроде: «Именно развитие транспортной

взаимосвязанности лежит в основе концепций Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века (Си Цзиньпин<sup>1</sup>).

Мне такое представление кажется по крайней мере неполным.

1. Создавать новую, гораздо более густую транспортную сеть просто ради перевозки товаров имеет смысл лишь в том случае, если товарную массу планируется увеличить в разы. Однако емкость мирового рынка не безгранична. К тому же в нынешнем веке темпы роста китайского экспорта стали снижаться, что связано с трудностями в мировой экономике, а главное, с исчерпанием основного преимущества Китая — низкой стоимости рабочей силы и ресурсов. В X пятилетке среднегодовой показатель роста экспорта достигал 25 %, в XI снизился, а в первые четыре года XII пятилетки (2011—2014) составил 12 %. Это тоже, конечно, не мало, но и снижение темпов — впечатляющее. Неизвестно, как отразится на уровне экспорта заложенный в новую модель экономики КНР переход от экспорта товаров к увеличению внутреннего потребления и переход от трудоемкого производства к инновационному. При этом не следует забывать, что мы говорим здесь о динамике стоимости экспорта, а как изменятся его физические объемы сегодня сказать вообще невозможно. Но тогда, может быть, для грядущего товарного обмена между Китаем и Европой (а также промежуточными странами) достаточно увеличить интенсивность движения транспорта по уже имеющимся магистралям, тем более, что наибольшая часть грузов из Китая идет в другие страны Евразии морем? Так, из всего китайского экспорта в Европу на железнодорожные перевозки, по данным китайских таможенных органов, приходится только 0,79 %<sup>2</sup>. По евразийской магистрали «Китай—Казахстан—Европа» в среднем проходит полтора контейнерного состава в день.

Как нам представляется, **транспортно-инфраструктурное строительство интересует Китай не только и не столько как средство доставки товаров, но и как объект приложения капитала (в том числе в виде технологий, оборудования, рабочей силы и т. д.), особенно в развивающихся странах, страдающих от дефицита путей сообщения.**

2. Строительство транспортных объектов является далеко не единственной и даже не главной сферой приложения китайских ин-

вестиций. Достаточно посмотреть на перечень сделок, заключенных Китаем в рамках концепции ЭПШП и за ее пределами, чтобы убедиться в этом. Отраслевая структура китайских зарубежных инвестиций включает в себя сырьевые отрасли, сферу услуг, обрабатывающую промышленность, телекоммуникации, связь, недвижимость. Пальма первенства принадлежит энергетике, транспорт же в сравнении с ней занимает скромное место. (По данным Heritage Foundation, на первую половину 2014 г. среди накопленных инвестиций Китая за рубежом вложения в энергетику, занимая первое место, достигли 395,9 млрд долл., тогда как капиталовложения в сферу транспорта составили лишь 134,7 млрд<sup>3</sup>).

Ряд факторов способствует экспорту китайского капитала: поощрительная политика правительства; рост стоимости рабочей силы и других элементов производства в самом Китае, побуждающий бизнес переносить трудоемкие производства в другие страны; избыток мощностей в базовых отраслях промышленности.

В этих условиях мощный поток инвестиций из Китая стремительно растет<sup>4</sup>, вопреки стагнации международного рынка прямых инвестиций (и даже благодаря ей, поскольку она используется Китаем для приобретения зарубежных активов). Еще в 2012 г. Китай стал третьим экспортером капитала после США и Японии. На Боаоском азиатском форуме 2013 г. Си Цзиньпин ознакомил общественность с прогнозом, согласно которому объем инвестиций Китая за рубеж за предстоящие пять лет может достичь 500 млрд долл.<sup>5</sup> В 2015 г. Ли Кэцян назвал уже вдвое большее число — 1 трлн долл.<sup>6</sup>

**Именно экспорт китайского капитала (в том числе в виде технологий, оборудования, рабочей силы и т. д. через связанные кредиты) и составляет экономическую суть концепции Шелкового пути. Концепция ШП предусматривает экономическое сотрудничество во многих видах и формах. Но уберите китайские инвестиции — и от ШП ничего не останется, международно-экономическая жизнь вернется в обычное русло.**

Такие выражения, как «подключиться к Шелковому пути», «принять участие в проекте «Шелковый путь»» являются не чем иным, как новомодным кодом, означающим заключение инвести-

ционных, кредитных и т. п. сделок с китайской стороной. Собственно говоря, именно Китай скрепляет в единое целое Экономический пояс Шелкового пути своими сделками.

Едва ли нужно доказывать, что вхождение зарубежного капитала в национальную экономику при определенных условиях становится фактором геополитики. Экономические расчеты авторов китайского проекта тесно переплетены с внешнеполитическими, с заявкой на превращение страны во вторую глобальную сверхдержаву.

## 2. Концепция ЭПШП как идеологическая платформа

Растущее могущество Китая, его энергичная экономическая экспансия служат источником обеспокоенности в других странах, поскольку сулят миру обострение конкуренции за ресурсы и рынки. Как предвестники грядущих столкновений вызывают беспокойство и известные конфликты в Южно-Китайском море. Часть элит и населения некоторых стран воспринимают действия Китая как разновидность «неоколониализма», «сырьевого грабежа».

Особенно заметны тревожные настроения в окружающих Китай странах. Насколько на самом деле значительны эти настроения, определить трудно, но их присутствие подтверждается многими фактами, в том числе социологическими исследованиями. В ЮВА и ЮА к Китаю относятся хуже, чем к Японии, давно уже восстановившей свою репутацию после развязанных ею агрессивных войн 1930—40-х годов.

(Впрочем, не стоит приуменьшать популярность Китая в мировом общественном мнении. По данным опросов известного агентства Pew, в 2015 г. доля положительных отзывов о Китае достигла или превысила 50 % от общего числа респондентов в 27 странах из 40, охваченных опросами, и не достигла 50 % в 8 странах. Для США количество таких стран оказалось 32 и 6 соответственно, т. е., Китай не так уж сильно отстает от США. Для России же эти показатели составляют соответственно 4 и 21<sup>7</sup>).

Отношение к Китаю за рубежом, том числе и в России, и в ЦА тщательно анализируется китайскими специалистами, хорошо известно им, и они прямо пишут о нем»<sup>8</sup>.

**Центральная идеологическая задача концепции «Путь и пояс» как раз в том и состоит, чтобы остановить или по крайней мере замедлить накопление недовольства и тревоги, убедить другие государства, что Китай, несмотря на его превосходство в национальной мощи, предлагает сотрудничество на основе принципов «общего выигрыша» («гун ин») для всех его участников, «совместного строительства и использования»; что развитие Китая несет благо всему человечеству.**

Важность этой задачи и обусловила огромные масштабы и интенсивность кампании по пропаганде концепции ЭПШП (точнее, «Пояс и путь»), которая объявлена главным направлением внешней политики КНР и к осуществлению которой подключены все регионы страны.

По большому счету эти положения адекватны и потому вполне работоспособны. Действительно, интересы Китая и многих других стран *на современном этапе развития мировой экономики* в значительной мере совпадают. Именно поэтому официальные и деловые круги многих стран, особенно в ЦА, восприняли китайскую концепцию с одобрением.

В странах ЦА прекрасно отдают себе отчет в том, что сближение с Китаем имеет и оборотную сторону: одностороннее развитие сырьевых отраслей, чреватое возникновением экономической зависимости от могущественного партнера, однако, никакого альтернативного варианта развития у них попросту нет. К тому же новая концепция Китая как будто бы дает им шансы и на более гармоничную индустриализацию. Так, в ходе визита Н. Назарбаева в Пекин в октябре 2015 г. стороны подписали соглашения о создании совместных объектов на общую сумму 23 млрд долл., преимущественно в обрабатывающих секторах, включая машиностроение и переработку ресурсов, информационные технологии. Назарбаев назвал визит «поворотным» в истории отношений двух стран<sup>9</sup>. (В начале 2016 г. стороны согласовали перечень уже из 52 проектов на общую сумму 24 млрд долл. В перечень вошли предприятия в сферах нефтехимии, машиностроения, электроэнергетики, инфраструктуры, обрабаты-

вающей промышленности, горно-металлургического и агропромышленного комплексов и т. д.)<sup>10</sup>.

Китаю такая форма сотрудничества позволяет экспортировать избыточные производственные мощности, созданные в ряде отраслей, в том числе базовых.

### 3. В чем смысл сопряжения?

Подход России к строительству нового Шелкового пути был зафиксирован в совместном заявлении РФ и КНР от 8 мая 2015 г.: стороны «будут предпринимать согласованные усилия по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути»<sup>11</sup>.

Общий посыл Заявления очевиден: это — углубление сотрудничества в продвижении евразийской интеграции, обусловленное известными экономическими и политическими интересами сторон. Кроме того — что особенно чувствительно для России как экономически более слабого партнера — в Заявлении РФ и Китай выступают как совершенно равноправные соучастники, параллельно ведущие строительство общего экономического пространства на Евразийском континенте.

Менее ясно, что означает «сопряжение ЕАЭС и ЭПШП» конкретно.

По моему мнению, замысел сопряжения включает в себе два компонента: условно говоря, реалистический и номинальный. Первый компонент — это углубление экономического взаимодействия с Китаем как единственным реальным представителем проекта ЭПШП, в двустороннем формате или в многостороннем.

На практике абсолютно преобладающим является двусторонний межстрановой формат: «Россия (или другой участник ЕАЭС) — Китай». Именно в его рамках осуществляется реальный экономический обмен, а сердцевину экономического обмена, в свою очередь, составляют совместные проекты с участием китайского капитала. Что же касается гораздо более сложного формата «ЕАЭС как целое — Китай», то освоение этого поля находится в зачаточном со-

стоянии. Продуктивность диалога в этом формате лимитируется главным образом противоположным подходом сторон к проблеме таможенных барьеров, образующих сердцевину ЕАЭС. Члены ЕАЭС охотно делегируют Москве свое право вести диалог с Пекином о проблемах будущих отношений между КНР и Евроазиатским союзом, оставляя за собой свободу развития двусторонних отношений с нею. Нельзя не заметить, что Заявление о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП от 8 мая 2015 г. было подписано со стороны ЕАЭС только Россией и только от собственного лица, хотя и было, без сомнения, согласовано с другими членами ЕАЭС по дипломатическим каналам, а после подписания было одобрено на саммите ШОС в 2015 г. в Уфе. Казахстан признал сопряжение российского и китайского проектов «крайне выгодным и стратегически важным», но одновременно сам договорился с Китаем о сопряжении собственной национальной программы развития «Нурлы жол» (Светлый путь) с «Шелковым путем».

В настоящее время поиск путей сопряжения двух региональных интеграционных процессов ведется и в двустороннем российско-китайском формате, и в формате «ЕАЭС—Китай». Так, в июне 2015 г. в Пекине в соответствии с Заявлением о сопряжении начала работать российско-китайская рабочая группа.

В этот же период Китай и ЕАЭС начали рассчитанные на несколько лет переговоры с целью заключения всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, охватывающем широкий круг вопросов (транспортные проблемы, технические стандарты, фитосанитарное регулирование, энергетика и т. д.).

Судя по характеру этих переговоров, в дальнейшем формат «ЕАЭС—Китай» будет играть более или менее значительную роль в совершенствовании правил экономического сотрудничества, развитии его правовой базы, институциональном строительстве, в то время как непосредственно торгово-инвестиционная деятельность останется прерогативой двусторонних отношений.

Второй, «номинальный», или декларативный компонент сопряжения сформулирован в Заявлении как «рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем»<sup>12</sup>. Идею открытия чужих границ, в том числе российских,



для экспорта своих товаров и услуг Китай пробивает уже полтора десятка лет, она записана в Хартии ШОС<sup>13</sup>, но никто из членов ЕАЭС не идет на это, понимая, чем это обернется для национальных рынков. И, надо думать, и не пойдет. В прошлом году в соответствии с Заявлением о сопряжении Китая и ЕАЭС начали переговоры с целью заключения всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Однако, как утверждают эксперты, переговоры, рассчитанные на несколько лет, априори не предполагают серьезных шагов к созданию зоны свободной торговли, таких как крупные сокращения импортных пошлин, а будут сосредоточены на инвестициях Китая в промышленность, инфраструктуру и сферу услуг стран-партнеров. По мнению экспертов, соглашение будет, скорее всего, носить декларативный характер<sup>14</sup>.

**Итак, ядерная часть сопряжения ЕАЭС и ЭПШП — это двусторонние договоренности о китайских инвестициях.** Но теперь они дополняются разного рода переговорами и консультациями: ЕАЭС с Китаем, России с Китаем (в том числе и по поводу сотрудничества ЕАЭС—Китай), внутри ЕАЭС, что позволяет координировать усилия сторон и придает им новое политическое звучание.

#### 4. Строительство ЭПШП и ее сопряжение с ЕАЭС: плюсы и минусы для России

Выигрышем для России стали, во-первых, внушительные соглашения в инвестиционной сфере, подписанные в ходе визитов Си Цзиньпина в Москву и В.В. Путина в Пекин в связи с празднованием Дней Победы 9 мая и 2 сентября, а также договоренности о сделках, достигнутые на первом Экономическом форуме во Владивостоке. В числе подписанных документов выделяется договоренность о совместном строительстве высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва—Казань, на которое Китай выделит 300 млрд руб. (Планируется использование китайских технологий и оборудования, а также опыта строительства и эксплуатации ВСМ, тогда как подвижной состав будет разрабатываться совместно<sup>15</sup>).

Далее, Россия уже самым активным образом участвует в качестве транзитера в функционировании транспортной инфраструктуры Шелкового пути. Последующее более интенсивное использование российской части магистрали Китай—Казахстан—Европа с ее соответствующей модернизацией может дать России, помимо увеличения прямых доходов от транзита, еще и оживление движения по внутренним маршрутам, и толчок к развитию прилегающих территорий.

Наконец, для России открывается перспектива создания на Дальнем Востоке общей с Китаем транспортной системы, которая позволила бы повысить транзитный потенциал Транссиба и БАМа в восточном направлении, используя российские морские порты. К этому настойчиво призывает президент В.В. Путин.

В более общем плане для России было бы чрезвычайно важно подключить к Шелковому пути Сибирь и Дальний Восток, создав там благоприятные условия для притока иностранного капитала.

## Минусы

(1). Увеличение могущества Китая, наращивание его экономического присутствия в Центрально-Азиатском регионе (в форме ли строительства Шелкового пути или в любой другой) должно существенно увеличить экономическое и геополитическое влияние КНР, тогда как относительное влияние России при этом неизбежно будет сокращаться. Это касается и ШОС, и ЕАЭС.

(2). Транссибирский евразийский коридор в силу своих дефектов (наличие узких мест, малая скорость, завышенные тарифы, громоздкость процедур оформления грузов, неурегулированные вопросы страховки грузов и ответственности перевозчиков) уже сегодня теряет очки в соревновании с маршрутом Китай—Казахстан—Россия—Европа и лишается своей транзитной роли. Эта тенденция чревата для России самыми серьезными негативными последствиями.

Строительство нового Шелкового пути превращается в одно из важнейших течений международной жизни. Как реагировать на него России?

С нашей точки зрения, в современной ситуации при сложившемся соотношении сил у России нет сколько-нибудь широкого пространства для маневра. Неясно, каким образом она могла бы нейтрализовать возникшие минусы. Ее стратегия должна быть направлена на то, чтобы использовать по максимуму открывающиеся шансы. При этом обязательными условиями остаются углубление всеобъемлющего партнерства с Китаем и укрепление ЕАЭС (хотя в известной мере эти два направления противоречат одно другому).

Из числа конкретных мер отметим необходимость модернизировать российский участок трансъевразийского коридора Китай—Европа, а также восточную оконечность Транссиба с примыкающей к нему транспортно-инфраструктурной сетью. При этом следует тщательно просчитывать все выдвигаемые проекты, не поддаваясь гигантомании и прожектерству, свойственному, как показывает опыт, госкорпорациям типа РЖД даже в кризисные периоды. ВСМ Пекин—Москва, например, в настоящее время явно не принадлежит к числу экономически оправданных проектов.

По крайней мере на названных участках Транссибирской магистрали стоило бы обеспечить «зеленую улицу» транзитным товарам, создать для их перевозки как можно более благоприятные условия. Тем более, что для этого в целом ряде случаев (например, при таможенном оформлении на транзитных маршрутах) требуются не новые капиталовложения, а более рациональные способы организации труда.

Пока же российская таможня отличается тем, что подвергает досмотру транзитные контейнеры, чего нет больше нигде в мире<sup>16</sup>, и задерживает транзитные грузы из КНР во Владивостокском порту на 100 и более часов<sup>17</sup>, отчего зачастую для китайской стороны оказывается невыгодным пользоваться услугами российских железнодорожников.

Если же Россия хочет кардинально упрочить свои позиции на Шелковом пути (как и вообще в мире) и не потерять оставшегося, ей следовало бы начать с глубокой модернизации собственной экономики — но эта тема уже выходит за рамки данной статьи.

### Примечания

<sup>1</sup> В Пекине завершилась 22-я неофициальная встреча лидеров АТЭС. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1112/c31521-8807796.html>

<sup>2</sup> Цит. по: *Summer Zhen*. China's 'One Belt' rail freight strategy off to slow start as return cargo lacking // The South China Morning Post. 15.11.2015. URL: <http://www.scmp.com/business/china-business/article/1878635/chinas-one-belt-rail-freight-strategy-slow-start-return>

<sup>3</sup> The Heritage Foundtion. China Global Investment Tracker Map. URL: <http://www.heritage.org/research/projects/china-global-investment-tracker-interactive-map/china-global-investment-tracker-interactive-map>

<sup>4</sup> Подробнее см.: *Гельбрас В.Г.* Геоэкономическая стратегия Китая (опыт реконструкции) // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 15—25.

<sup>5</sup> Синьхуа ван. Си Цзиньпин чжуси цзай Боао Ячжоу луньтань 2013 нянь нянь хуэй шан дэ чжучжи яньцзыан. Цюань вэнь. Гунтун чуанцзао Ячжоу хэ цюань шицзе дэ мэйхао вэйлай : [Установочное выступление Председателя Си Цзиньпина на ежегодном Боаоском азиатском форуме 2013 г. Полный текст. Вместе построим прекрасное будущее Азии и всего мира]. 17.04.2013. URL: [http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/07/c\\_115296408.htm](http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/07/c_115296408.htm)

<sup>6</sup> Хэсюнь. 10 вань и хэ 1 вань и! Ли Кэцян ти 2020 няньцян Чжунго цзинькоу, тоу цзы мубяо : [10 триллинов и один триллион! Ли КэЦян поставил задачу на 2020 г. по импорту и инвестициям]. 25.11. 2015. URL: <http://news.hexun.com/2015-11-25/180791247.html>

<sup>7</sup> URL: <http://www.pewglobal.org>

<sup>8</sup> См., например: *Жэнь Сяо*. Чжуаньцзя: чжунго цянда вэй би нэн цзецзюэ юй чжоубьянь гоцзя ицэ вэньти : [Специалист: Могущество Китая не всегда способно разрешить проблемы в отношениях с сопредельными странами] // Вэньхуэй бао. 28.10.2013. См. также: Чжунго синьвэнь ван. 28.10.2013. URL: <http://www.chinanews.com/gj/2013/10-28/5431091.shtml>

<sup>9</sup> Взгляд. Казахстан и Китай подписали соглашения на 23 млрд долларов. URL: <http://vz.ru/news/2015/9/1/764466.html>

<sup>10</sup> Жэньминь ван. 03.03.2016. Развитие нового Шелкового пути — залог экономического роста не только Китая, но и всего региона — посол Казахстана в Китае Ш. Нурышев.

URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0303/c31521-9024614.html>

<sup>11</sup> Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/4971>

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> ИнфоШОС. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (07.06.2002). URL: <http://www.infoshos.ru/?id=33>

<sup>14</sup> По дороге в союз свернули на Шелковый путь // Коммерсантъ. 12.05.2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2724437>

<sup>15</sup> С восточным акцентом // Гудок. 13.05.2015.

<sup>16</sup> См., например: *Романович А.Л.* О соответствии российского законодательства международным нормам в сфере международной торговли и таможенного дела предпосылки // Трансграничные транспортные коридоры «Восток—Запад»: вызовы для национальной безопасности / Российский институт стратегических исследований. М.: РИСИ, 2014. С. 26—27.

<sup>17</sup> *Галушка Александр.* Приморье проложит новый путь для Китая // Российская газета. 23.03.2016.

*А. Ч. Мокрецкий*

## СТРАНЫ ЗАКАВКАЗЬЯ В КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

*Аннотация.* Сотрудничество КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией успешно и стабильно развивается по различным направлениям. Закавказье становится одним из важных участков реализации стратегии «Один пояс, один путь», и Пекин продолжает проводить глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную» экспансию в регионе, активно используя ресурсы Экономического пояса Шелкового пути.

*Ключевые слова:* Китай, Азербайджан, Армения, Грузия, Экономический пояс Шелкового пути.

Последние годы характеризуются политической нестабильностью и экономической неопределенностью мировой обстановки. Страны Закавказья не являются исключением. Прокатилась волна беспорядков: митинги в Армении на проспекте Баграмяна (в связи с повышением тарифов на электроэнергию), религиозный экстремизм в Азербайджане (речь идет о не имеющей юридической регистрации структуре «Объединение мусульман». Шиитский богослов Т. Багирзаде и его сторонники обвиняются в попытке насильственного захвата власти, терроризме и создании незаконной вооруженной группы)<sup>1</sup>, акции против тайной слежки в Тбилиси. Слабое восстановление мировой экономики и постоянная турбулентность накладывают негативный отпечаток на положение в странах региона.

На фоне этих трендов успешно и стабильно развиваются их двусторонние отношения с Китайской Народной Республикой.

2016 г. — год 25-летия независимости Азербайджана, Армении и Грузии и установления их дипломатических отношений с КНР. Страны региона считают Китай одним из своих приоритетов во внешней политике и ведущим торговым партнером. Пекин предлагает широкий ассортимент услуг, продвигая свою глобальную *стратегию «Одного пояса, одного пути»*, не выдвигая никаких политических условий и не вмешиваясь во внутренние дела других государств.

## I. Политическое взаимодействие со странами Закавказья

Китай поддерживает партнерские связи разного уровня с теми, кто признает его коренные интересы, уважая государственный суверенитет и территориальную целостность КНР. Все рассматриваемые страны региона подтверждают свою приверженность политике «одного Китая» по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. В ответ на это КНР избегает вовлеченности в региональные конфликты (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), призывая к решению территориальных споров исключительно путем политических консультаций и дипломатических переговоров согласно Уставу ООН и международному праву. В частности, в совместной китайско-армянской декларации от 25 марта 2015 г. сказано, что «Китайская сторона выступает за мирное и справедливое урегулирование нагорно-карабахского конфликта согласно основным целям и принципам Устава ООН и общепризнанным нормам международного права»<sup>2</sup>. На вопрос журналиста о военном столкновении в пограничном Нагорном Карабахе между Азербайджаном и Арменией в начале апреля 2016 г. официальный представитель МИД КНР ответил, что китайская сторона надеется, что соответствующие стороны будут сохранять сдержанность и спокойствие, а также будут разрешать проблемы путем переговоров для поддержания регионального мира и стабильности<sup>3</sup>.

Наблюдается динамика *политических контактов* на высоком и высшем уровнях. 24—28 марта 2015 г. Пекин посетил президент Армении С. Саргсян, а в 8—11 декабря 2015 г. — президент Азербайджана И. Алиев. Состоялись официальные визиты премьер-министров Грузии И. Гарибашвили (8—13 сентября 2015 г.) и Армении

О. Абрамяна (21—24 сентября 2015 г.) в КНР. Кроме того, несколько визитов в Китай совершили министры Грузии.

Помимо Совместной декларации между КНР и Республикой Армения (РА), по итогам переговоров 25 марта 2015 г. было подписано более десятка документов, направленных на развитие и укрепление двустороннего сотрудничества между двумя странами в ряде областей. В частности, Рамочное соглашение между Правительством РА и Правительством КНР о предоставлении Республике Армения со стороны Китайской Народной Республики льготного кредита, Соглашение между Центральными банками о двустороннем SWAP-регулировании валютной пары «армянский драм/китайский юань», Кредитное соглашение «Программа модернизации технологий и оборудования таможенного контроля между Правительством РА в лице Министерства финансов как получателя кредита и Импортно-экспортным банком Китая как кредитором на льготных условиях Правительства», Меморандум о взаимопонимании между Министерством энергетики и природных ресурсов Республики Армения и Национальной энергетической организацией Китая о сотрудничестве в программах по атомной энергии<sup>4</sup>.

Государственный визит И. Алиева в КНР 8—11 декабря 2015 г. назвали «поворотным моментом во внешней политике Азербайджана»<sup>5</sup> и историческим «по форме, и по содержанию, и по статусу»<sup>6</sup>. В ходе его было подписано 10 документов, в том числе Меморандум о взаимопонимании между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Китайской Народной Республики по совместному поощрению создания «Экономического пояса Шелкового пути», соглашения о гражданском воздушном транспорте, о фитосанитарном сотрудничестве, о сотрудничестве в сфере железнодорожного транспорта, Договор о передаче осужденных и др.<sup>7</sup>

Страны изучаемого региона активно участвуют в региональных организациях. В частности, на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Уфе 10 июля 2015 г. было принято решение о расширении представительства: Азербайджан и Армения были приняты в ШОС в качестве новых партнеров по диалогу<sup>8</sup>.

Укрепляются *межпартийные и межпарламентские контакты*. Ведущие политические партии стран Закавказья наносят визиты в



китайские города. Делегация партии «Ени Азербайджан» с 30 марта по 6 апреля 2016 г. находилась в Китае. Заместитель председателя ВК НПКСК, заведующий Отделом международных связей ЦК КПК Ван Цзяжуй 26 июня 2015 г. в Пекине встретился с делегацией партии «Грузинская мечта — демократическая Грузия», возглавляемой заместителем премьер-министра, министром энергетики Грузии, генеральным секретарем партии К. Каладзе.

## II. Экономическая кооперация и стратегия «Один пояс, один путь»

Страны Закавказья становятся важным транспортно-логистическим узлом в стратегии «Один пояс, один путь»: китайская сторона активно присматривается к проектам строительства порта Алят в Азербайджане, железнодорожных магистралей Иран—Армения<sup>9</sup>, Баку—Тбилиси—Карс<sup>10</sup>, проекту «Шелковой железной дороги» с крайнего востока Китая в Европу через Казахстан, Азербайджан и Грузию<sup>11</sup>, автомобильным дорогам Север—Юг в Армении<sup>12</sup>. Как полагает директор ИРВЕЦА КАОН Ли Юнцюань, «осуществление нового проекта невозможно представить без участия Южного Кавказа, который может сыграть важную роль в обеспечении эффективности данной инициативы»<sup>13</sup>.

С марта 2015 г. начались переговоры о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) между КНР и Грузией. В частности, стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути. Согласно данному документу, в рамках Китайско-грузинского комитета по торгово-экономическому сотрудничеству стороны приложат совместные усилия к всестороннему повышению уровня двустороннего торгового, инвестиционного, технического и инфраструктурного сотрудничества<sup>14</sup>. Примечательно, что переговоры о ЗСТ, в которой Пекин заинтересован больше Тбилиси, начались сразу после того, как Китай выразил готовность осуществить в Грузии грандиозный проект строительства на Черноморском побережье глубоководного порта Анаклия с пропускной способностью в 100 млн т в год<sup>15</sup>. Согласно изданию «Грузия Online», Пекин приветствовал участие китайской частной компании

в строительстве глубоководного порта в Анаклия (Западная Грузия)<sup>16</sup>. Вместе с тем, поступила информация, что в итоге победу одержала американская компания Conti International<sup>17</sup>.

Предоставляются кредиты под конкретные проекты и гранты для реализации совместных программ. Правительство Китая поставит Армении оборудование для таможенного контроля на 25 млн долл.<sup>18</sup> Китайские компании проявляют интерес к проекту создания газоперерабатывающего и нефтехимического комплекса в Азербайджане<sup>19</sup>.

Пекин открывает международные выставки-ярмарки, например, «Китай—Евразия ЭКСПО» в Урумчи. Китайские власти уделяют серьезное внимание тому, чтобы СУАР становился важной платформой для политических и деловых обменов между Китаем и его западными и южными соседями. Страны Закавказья принимают активное участие в этих ежегодных ярмарках.

Увеличивается экспорт алкогольной продукции Грузии и Армении в КНР. Министерство сельского хозяйства Грузии активно работает в направлении диверсификации экспортных рынков, а китайский рынок для Грузии является стратегически важным. В частности, в 2015 г. экспорт грузинского вина в Китай возрос на 122 %: за 12 месяцев в КНР был экспортировано более 2,6 млн бутылок вина<sup>20</sup>.

Пекин системно проводит вывод собственного сельского хозяйства за рубеж и активно использует успехи других государств в *агропромышленной области*. В частности, Министерство сельского хозяйства Грузии и главная лаборатория биоинженерии саженцев Института лесного хозяйства Нинся (Китай) подписали меморандум о сотрудничестве. Этот меморандум предусматривает разработку совместных научно-исследовательских проектов в сельском хозяйстве по поиску и сбору генетической плазмы растений, их защите и развитию, а также воспроизводству лесных культур, интродукции генофонда лозы, селекции и производству здоровых посадочных материалов<sup>21</sup>. Кроме того, китайская сторона намерена поощрять собственные предприятия инвестировать в Грузию, развивать взаимовыгодное сотрудничество в области сельского хозяйства, чаеводства, торговли вином, инфраструктурного строительства и связи<sup>22</sup>.

Расширяется *финансовое сотрудничество*. В Тбилиси был подписан меморандум о намерениях по взаимному сотрудничеству между

Национальным банком Грузии и Народным банком КНР. В результате этого соглашения между национальными валютами Грузии (лари) и КНР (юань) начнется работа над свопами. В случае успешной реализации свопов, те бизнес-субъекты, которые имеют деловые контакты с КНР, будут иметь доступ к инвестиционным кредитам<sup>23</sup>.

Активизируется кооперация *в правовой области*. Происходят встречи между представителями судебной власти, подписываются меморандумы о сотрудничестве<sup>24</sup>.

Наблюдается наращивание *взаимодействия в области науки и технологий*. Пекин стремится стать инновационной державой. В этих целях продолжается активное заимствование положительного опыта государств изучаемого региона. В частности, Китай заинтересован в проекте создания и запуска армянского телекоммуникационного спутника<sup>25</sup>. В Азербайджане компания «Хуавэй» может начать совместное производство по производству смартфонов<sup>26</sup>. Международная компания «Алибаба» планирует создать в Грузии поисковую систему<sup>27</sup>. Китайская сторона заинтересована в проведении встреч с представителями грузинских компаний и обсуждении вопросов инвестиционного климата, ситуации в сфере телекоммуникаций. В связи с тем, что Грузии отводится роль регионального центра в прокладывании нового Шелкового пути в сфере технологий, китайские предприниматели планируют через Грузию наладить контакты с Азербайджаном, Арменией, Туркменистаном, Казахстаном и Ираном.

### III. Гуманитарное сотрудничество со странами региона

Активно расширяется *гуманитарное сотрудничество*, которое воспринимается как «третья ось» отношений после политики и экономики. Проводятся презентации книг «Китай глазами Азербайджанцев»<sup>28</sup>, «Китай глазами армян»<sup>29</sup>, «Китай глазами грузин»<sup>30</sup>. Устраиваются дни и недели национальных культур, поэзии, кино, живописи, скульптуры и др. Совместно проводятся встречи традиционных праздников, например, китайского Нового года по лунному календарю<sup>31</sup>. Открываются прямые авиационные рейсы между странами<sup>32</sup>. Упрощается процедура получения визы для туристиче-

ских групп<sup>33</sup>. Запускаются сайты на китайском языке, например АзерТадж<sup>34</sup>.

Подписываются соглашения о двустороннем взаимодействии в области культуры. В частности, министр культуры Грузии М. Гиоргадзе и его китайский коллега Ло Шуган подписали соглашение о сотрудничестве в сфере культуры на 2016—2019 гг. Договор подразумевает создание в Грузии Центра культуры Китая и в КНР — Центра грузинской культуры, а также организацию совместных фестивалей искусства, выставок-продаж, в том числе создание торговых рынков национального промысла<sup>35</sup>.

Популяризируется изучение китайского языка. Проводятся различные конкурсы, открываются летние лингвистические лагеря «Мост китайского языка и культуры — 2014»<sup>36</sup>. Китайские вузы выделяют квоты для студентов<sup>37</sup>. На территории Закавказья открываются Институты и классы Конфуция. По официальным данным Государственной канцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, в настоящее время в изучаемом регионе действуют четыре Института Конфуция, в том числе в Азербайджане — два Института, в Армении и Грузии — по одному<sup>38</sup>.

\* \* \*

Интересное мнение высказал азербайджанский экономист, заместитель главы отдела внешних связей Администрации президента страны А. Габиббейли в статье «Китай в новом миропорядке»: «В геополитической плоскости Китай проводит политику, ориентированную на Запад. Но этот Запад — не Запад в классическом смысле, а направление от Китая к Западу. В этом направлении в западной политике Китая предусматриваются и Центральная Азия, Кавказ и Турция, и даже в определенном смысле — Россия»<sup>39</sup>.

Стратегия ЭПШП воспринимается странами региона как альтернативная. В частности, директор Центра стратегических исследований при Президенте Азербайджана Ф. Мамедов подчеркнул отсутствие на сегодняшний день альтернативы предложенной Китаем концепции, так как с китайской стороны были заявлены конкретные цели, позволяющие внести ясность в реализацию данного

проекта. Кроме того, «каждая страна будет сама выбирать свою роль в данном проекте — в качестве производителя, потребителя или транзитного элемента»<sup>40</sup>.

Армянский экономист А. Егиазарян полагает, что реализация проекта «Новый Шелковый путь» в основном соответствует национальным интересам Армении, при этом членство Армении в ЕАЭС несколько ограничивает ее возможности по использованию преимуществ ЭПШП. Таким образом, в формировании отношений с Китаем Армения будет выступать не как отдельный субъект, а как член ЕАЭС, лишая себя выгод двусторонних отношений с Пекином<sup>41</sup>.

Министр экономики Грузии Г. Квирикашвили заявляет, что «идея Шелкового пути, который соединит Восток и Запад, имеет огромное экономическое значение не только для нашей страны, но и для всего Евразийского материка». А популярный эксперт Х. Лагазидзе связывает экономические ожидания с Китаем и называет их «естественным выбором» маленькой страны Грузии<sup>42</sup>.

Таким образом, сотрудничество КНР с Азербайджаном, Арменией и Грузией успешно и стабильно развивается по различным направлениям. Закавказье становится одним из важных участков реализации стратегии «Один пояс, один путь», и Пекин продолжает проводить глубоко эшелонированную, «хладнокровную и сдержанную» экспансию в регионе, активно используя ресурсы Экономического пояса Шелкового пути.

### Примечания

<sup>1</sup> Мамедов Сохбет. Азербайджанский богослов готовил госпереворот // Независимая газета. 08.02.2016. URL: [http://www.ng.ru/cis/2016-02-08/7\\_azerbaijan.html](http://www.ng.ru/cis/2016-02-08/7_azerbaijan.html)

<sup>2</sup> URL: <http://armenpress.am/rus/news/799109/> или ИА REGNUM, 25.03.2015.

<sup>3</sup> Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хун Лэя. 05.04.2016. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdt/t1354480.shtml>

<sup>4</sup> ИА REGNUM. 29.03.2015.

<sup>5</sup> lnews.az. 14.12.2015. URL: <http://www.lnews.az/authors/editorial/20151214124104421.html>

<sup>6</sup> Жэньминь жибао. 14.12.2015.

- <sup>7</sup> Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. 10.12.2015. URL: <http://ru.president.az/articles/17137>
- <sup>8</sup> Жэньминь жибао. 11.07.2015.
- <sup>9</sup> Информационное агентство АРКА. 19.02.2016.
- <sup>10</sup> Жэньминь жибао. 17.10.2014.
- <sup>11</sup> Грузия Online. 13.12.2015.
- <sup>12</sup> Жэньминь жибао. 09.12.2015.
- <sup>13</sup> Inews.az. 15.05.2015.
- <sup>14</sup> Жэньминь жибао. 11.03.2015.
- <sup>15</sup> Вести Кавказа. 04.01.2016.
- <sup>16</sup> Грузия Online. 10.12.2015.
- <sup>17</sup> Грузия Online. 08.02.2016.
- <sup>18</sup> Информационное агентство АРКА. 13.11.2015.
- <sup>19</sup> Жэньминь жибао. 15.03.2016.
- <sup>20</sup> URL: <http://bizzone.info/wine/2016/1452041638.php>
- <sup>21</sup> Грузия Online. 23.06.2015.
- <sup>22</sup> Жэньминь жибао. 02.09.2014.
- <sup>23</sup> Жэньминь жибао. 29.09.2015.
- <sup>24</sup> Inews.az. 18.03.2016.
- <sup>25</sup> ИА АРКА. 18.06.2014.
- <sup>26</sup> Вестник Кавказа. 02.12.2015.
- <sup>27</sup> Жэньминь жибао. 03.10.2014.
- <sup>28</sup> URL: <http://Inews.az/society/20130624113839004.html>
- <sup>29</sup> Еркрамас. 01.07.2013.
- <sup>30</sup> Грузия Online. 28.16.2013.
- <sup>31</sup> АМИ Новости Армении. 19.02.2016.
- <sup>32</sup> Грузия Online. 25.03.2016.
- <sup>33</sup> Информационное агентство АРКА. 22.04.2015.
- <sup>34</sup> Жэньминь жибао. 17.12.2014.
- <sup>35</sup> Грузия Online. 05.11.2015.
- <sup>36</sup> Жэньминь жибао. 17.06.2014.
- <sup>37</sup> Вестник Кавказа. 29.07.2015.
- <sup>38</sup> URL: [http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node\\_10961.htm](http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm)
- <sup>39</sup> URL: <http://newtimes.az/ru/relations/3385/>
- <sup>40</sup> Обсуждения в Центре стратегических исследований: экономический пояс Шелкового пути — выгоды и вызовы. URL: <http://www.Inews.az/politics/20150507053110444.html>
- <sup>41</sup> ИА АРКА. 16.07.2015.
- <sup>42</sup> *Кэйко Ёсиока*. Шелковый путь в столице Грузии // Асахи Симбун. 30.06.2015. URL: <http://inosmi.ru/caucasus/20150701/228889465.html>

*Е.И. Сафронова*

## ПРОЕКТ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» В КОНТЕКСТЕ СТРАН АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

*Аннотация.* В статье анализируется значение государств Африки и Латинской Америки для китайского мегапроекта «Один пояс, один путь». Автор характеризует существующие и перспективные направления участия стран двух регионов в соответствующих планах Пекина и условия, уже созданные для укоренения названной китайской инициативы на африканской и латиноамериканской почве. Также рассматриваются факторы, затрудняющие реализацию проекта в Африке и Латинской Америке.

Сделан вывод о том, что финансово состоятельный Китай, демонстрирующий высокую адаптивность к рискованным условиям работы, имеет немалые шансы провести корабль «Большого проекта» между рифами непростой конъюнктуры развивающегося мира.

*Ключевые слова:* Китай, проект «Один пояс, один путь», Морской Шелковый путь XXI века, развивающиеся страны, Африка, Латинская Америка, инфраструктура, экономическое сотрудничество, Никарагуанский канал, межконтинентальная железная дорога.

Дабы проиллюстрировать значение развивающегося мира (PM) для проекта «Один пояс, один путь» достаточно отметить одно обстоятельство: большинство уже вовлекаемых и/или перспективных участников данного начинания — это развивающиеся страны в Азии, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и даже в Латинской Америке.

По сути, проект «Один пояс, один путь» (для краткости будем называть его «Пояс и Путь» и «Большой проект») представляет собой план развития КНР на основе внешних факторов: потенциала экономического сотрудничества и взаимозависимости/взаимосвязанности с другими, главным образом «незападными» государствами. РМ не просто нашел свое место в проекте «Пояса и Пути», но является его главным объектом и ареалом.

В развивающемся мире «Большой проект» призван обеспечить Китаю реализацию целого ряда интересов.

*В сфере экономики* ближайшей задачей является смягчение проблем, связанных с замедлением темпов роста китайской экономики. Для ее достижения, а главное — для обеспечения долгосрочных интересов КНР проект нацелен на выполнения следующих задач.

- *Ускорение поставок импортного сырья, а также содействие формированию китайской «ресурсной базы за рубежом».* Здесь надо отметить, что именно развивающаяся зона, в том числе Африка — это тот сектор мира, где Китай на настоящий момент приобрел подавляющее большинство своих зарубежных добычных объектов, месторождений и земельных площадей.

- *Облегчение транспортировки сырья и продукции не только к производственным точкам в Китае, но и «на местах» — к принадлежащим ему предприятиям в странах-партнерах.*

Например, Китай энергично закупает в Африке местные сельскохозяйственные угодья: им уже приобретено 0,5 млн га. По некоторым данным, эта цифра занижена и китайцы владеют уже 10 млн га<sup>1</sup>. Конечно, эти земли надо мелиорировать, транспортировать произведенную на них продукцию, ввозить необходимое оборудование, семена, химикалии, а главное — людей, требующих снабжения питанием и предметами первой и второй необходимости. Поэтому купленные Китаем сельскохозяйственные угодья пополняют «перечень» новых направлений, требующих сооружения адекватной инфраструктуры.

- *Обеспечение производственной нагрузки строительно-подрядной индустрии Китая и занятости ее рабочей силы за пределами КНР.* Так, в Африке к началу текущего десятилетия работало свыше 800 китайских компаний, в основном занятых в строительстве и других ин-



фраструктурных проектах. (Китайская сторона практически всегда обуславливает выполнение ею подрядных работ привлечением именно китайского персонала). Численность китайских работников в Африке достигла 1 млн человек и это, если исходить из установок миграционно-демографической политики Пекина, — не предел<sup>2</sup>.

Реализуя строительные проекты в развивающемся мире, КНР «ненавязчивым» образом получает доступ и к освоению его ресурсов, находящихся на территориях, прилегающих к объектам строительства.

- *Подготовка необходимой инфраструктуры для производств, предполагаемых к переносу за рубеж* (главным образом в развивающиеся страны из-за меньшей стоимости там целого ряда факторов производства). Так, крупнейший производитель обуви Huajian уже открыл свой первый завод в Эфиопии и несколько других китайских компаний приняли решение о частичном переносе производств на «Черный континент»<sup>3</sup>. В немалой степени это обстоятельство стало для Китая стимулом к сооружению сети новых дорог в Эфиопии, а также в других государствах региона (о чем подробнее будет сказано ниже).

Что касается стран Латинской Америки (ЛА), то существуют планы по перемещению из Китая переработки медной руды (медь — ключевая статья экспорта Чили в Поднебесную) и изделий из этого металла обратно в Чили. Это, в частности, вызвано тем, что КНР стремится ввести так называемые новые нормы в экономике, снижая долю продукции тяжелой промышленности в структуре внутреннего производства. Чилийская сторона ожидает, что вместе с китайскими технологиями в Чили будут направлены и китайские высокопрофессиональные инженеры<sup>4</sup>.

Перенос производств за рубеж — вообще распространенный ныне курс в мировой экономической жизни, призванный помимо соображений экономии обеспечить удаление экологически рискованных предприятий с территорий стран-трансферентов.

#### *В политической сфере*

- *Создание материальной базы для формирования прокитайской ориентации внешнеполитического курса стран, вовлеченных в «шелковую» инициативу*. Пекин уже достиг успеха в том, что центральноазиатские страны и государства «Черной» Африки никак не проявля-

ют поддержку антикитайской линии Вашингтона. В случае успеха «Пояса и Пути» интерес стран-партнеров к сотрудничеству с КНР резко возрастет и проект станет механизмом несилового размывания позиций Запада изнутри развивающегося мира. Да и задача окончательной ликвидации дипломатического присутствия Тайваня на международной арене (конкретно — в ряде стран Африки, Латинской Америки и Океании) здесь тоже имеет явный контекст.

• *Продвижение китайской модели социально-экономического развития (МСЭР)*. В настоящее время китайская МСЭР модифицируется ввиду необходимости преодолеть зависимость экономического роста КНР от успеха ее внешней торговли, особенно экспорта. Обновленная МСЭР, по замыслам, опирается на стимулирование внутреннего потребления/внутреннего рынка, на перенос мощностей в другие страны (в основном ввиду удорожания стоимости рабочей силы и других факторов производства в Китае) и на другие элементы стратегии «выхода вовне».

Однако какие бы изменения не претерпевала китайская МСЭР, она еще долго будет сохранять характеристики, привлекательные именно для развивающихся стран. Это: государственный капитализм, при котором государство выполняет центральную роль в экономической системе путем удержания командных высот госпредприятиями в ключевых отраслях экономики и прямых массивных госинвестиций; постепенный характер социально-политических реформ (в отличие от «обвальных» преобразований в Восточной Европе в 1990-е годы), уважение национальной специфики, внешне-экономическая открытость, политический авторитаризм, обеспечивающий эффективность контроля над экономическими преобразованиями, высокая адаптируемость к новым условиям, которая порой называется ключевым фактором экономического успеха азиатского гиганта<sup>5</sup>.

К настоящему времени целый ряд известных политических деятелей не только в Африке, но и Азии и Латинской Америке отметили полезность опыта МСЭР Китая. Так, бывший премьер-министр Индии Манмохан Сингх заявил, что китайская модель развития — та, которой он хотел бы следовать. А экс-президент Бразилии И. Лула да Сильва в свое время командировал в КНР экспертов для изучения

китайского опыта развития<sup>6</sup>. Стоит подчеркнуть, что МСЭР Китая продемонстрировала высокую жизнеспособность перед лицом тяжелого мирового экономического кризиса 2008—2009 гг.

Развивающийся мир уже выполняет заметную роль в проекте «Один пояс, один путь»: на настоящий момент КНР инвестировала миллиарды долларов в «подгонку» его инфраструктуры под цели соединения железнодорожными и судоходными путями рынков Европы, Ближнего Востока, Центральной Азии и Африки. Семнадцать из 19 государственных разовых кредитов (loans), предоставленных Китаем за три квартала 2015 г., были направлены в страны, расположенные вдоль «Пояса и Пути». По объему они составили примерно 90 % всех выделенных Китаем кредитов за тот же период. Получатели шести из них (на сумму 3,5 млрд долл.) — это африканские страны<sup>7</sup>.

Африка обретает все более значимое место во внешнеполитической стратегии Пекина. Показательно, что КНР открыла действующие посольства во всех африканских государствах, с которыми она установила официальные отношения<sup>8</sup>. Этого не сделали даже США и Россия, в ряде случаев назначая послов по совместительству на две-три страны.

Ожидается, что в **Африке** от участия в проекте больше всех выиграют *Египет, Кения, а также Джибути*.

*Египет* является ключевым пунктом на Морском Шелковом пути XXI века (МШП-XXI) как субпроекта «Пояса и Пути»: Суэцкий канал обеспечивает основной транзит между Индийским океаном и Средиземным морем. В нынешнем его виде инициатива «Пояс и Путь» в принципе не может быть реализована без Суэца.

Симптоматично, что во время визита в Египет (январь 2016 г.) Си Цзиньпин предложил президенту А.-Ф. аль-Сиси *согласовать стратегии развития* двух стран, дабы превратить Египет в «стержневой элемент» проекта «Пояс и Путь». Это нашло понимание египетской стороны, заявившей к тому же о ее заинтересованности в инвестициях от АБИИ. Китай предоставит финансирование на 1 млрд долл. Центральному банку и выделит заем на 700 млн Национальному банку этой арабской страны<sup>9</sup>.

В 2015 г. КНР и Африканский союз подписали меморандум о взаимопонимании в сфере объединения 54 африканских стран внут-

риконтинентальными транспортными и другими инфраструктурными коммуникациями, включая железнодорожные магистрали, аэропорты и шоссе. Определенный задел уже создан: в Нигерии строится прибрежная железная дорога «Лагос—Калабар» и реконструируется путь «Лагос—Кано» (стоимостью 12 млрд и 8,3 млрд долл. соответственно); сооружаются железные дороги «Чад—Судан» (5,8 млрд долл.) и «Найроби—Момбаса» (3,8 млрд) в Кении; железная дорога «Хартум—Порт-Судан (Судан)» (1,38 млрд долл.), а также железные дороги в Эфиопии<sup>10</sup>.

Ввиду того, что Пекин инициировал многие масштабные инфраструктурные проекты в Африке еще в прошлом десятилетии, перечисленные выше начинания формально не всегда обозначаются как части «Пояса и Пути». Есть мнение, что даже если бы «Большого проекта» не существовало, то это не изменило бы африканскую политику Пекина, нацеленную на «инфраструктуризацию» континента. Однако ныне связь между более ранними проектами и «Поясом и Путем» вырисовывается все более четко. В любом случае, подведение вышеназванных инициатив под сень «Большого проекта» повысит к ним внимание на официальном уровне, а главное — создаст перспективу для новых финансовых вливаний с китайской стороны<sup>11</sup>. Такова специфика китайского политического менталитета.

Значимость роли *Кении* для Морского Шелкового пути XXI века связана с тем, что КНР намерена подключить к нему порты кенийского побережья. Планируется, что МШП проляжет от китайского Цюаньчжоу (городской округ в провинции Фуцзянь на «стыке» Восточно- и Южно-китайского морей), продлится через Куала-Лумпур (Малайзия) до Малаккского пролива, затем пересечет Индийский океан с заходом в порты Индии, Шри-Ланки, Мальдивов и, наконец, выйдет на кенийские порты Момбаса и Ламу. (Порт Момбаса — самый загруженный в Восточной Африке: он обслуживает не только Кению, но и Уганду, Руанду, Южный Судан и ДРК. Строящийся порт Ламу — это звено протяженного транспортного коридора между Кенией, Эфиопией, Южным Суданом и Угандой). От Кении путь пройдет по Красному морю с заходом в Джибути и через Суэцкий канал — до стран Средиземноморья, где получит сухопутное продолжение.

В свете интересов МШП Пекин намерен обновить и уже существующую инфраструктуру портов Могадишо (Сомали) и Дар-эс-Салама (Танзания), тоже рассматриваемых в качестве немаловажных узлов морского субпроекта «Пояса и Пути»<sup>12</sup>.

Понятно, что огромные капиталовложения и материальные активы «Большого проекта» требуют защиты. МШП-XXI — именно тот объект, чья безопасность станет чуть ли ни главным фактором рентабельности всей инициативы «Пояс и Путь». Поэтому заключение Китаем контракта с *Джибути* на строительство «пункта материально-технического обеспечения ВМС» (ноябрь 2015 г.) можно обоснованно назвать мерой по созданию механизмов охранения «Большого проекта». Это будет первая военная база КНР за рубежом, и работы по ее возведению уже начались. Выбор ее местоположения обусловлен перспективностью контролирования международного трафика из Европы в арабские страны. База расширит влияние Китая за пределами АТР, усилив его позиции в Африке.

Формирование джибутийского «пункта снабжения» согласуется с планами КНР по созданию цепи из 20 военно-морских баз вдоль побережья Индийского океана под общим названием «Жемчужная нить», призванной обеспечить защиту морских путей в этом сегменте мира. Среди потенциальных «жемчужин» этой нити назывались еще и Ангола, Кения, Мозамбик, Намибия, Нигерия и Танзания. И кто знает, может, Джибути стала первой «бусинкой» в этом африканском «ожерелье». Для поддержки базы и ввиду размещения в Джибути 10 тыс. китайского персонала Пекин строит железную дорогу «Джибути—Аддис-Абеба» стоимостью 3 млрд долл.

Официально эта морская база предназначается для борьбы с сомалийскими пиратами. Однако никто не скрывает, что ее ключевой задачей будет обеспечение безопасности МШП-XXI.

В цену разрешения на базу вошли не только капиталовложения в строительство железной дороги «Джибути—Аддис-Абеба», но и 400 млн долл. на модернизацию портовой инфраструктуры Джибути. Взамен китайские банки получают допуск к работе в этой стране, а китайские компании — некоторые торговые привилегии<sup>13</sup>.

Китай нарабатывает опыт военизированных акций в Африке. Так, весной 2015 г. китайские ВМС эвакуировали из Йемена 600

граждан КНР и более 200 граждан других стран. Эвакуация проводилась двумя фрегатами из состава китайских ВМС, ведущих антипиратское патрулирование у берегов Сомали. Для обеспечения эвакуации были также задействованы силы спецназа.

Китай впервые применил за рубежом вооруженные силы, в том числе боевой фрегат, для эвакуации своих граждан из зоны конфликта в 2011 г. в Ливии. Ранее флот Китая не предпринимал подобных операций вне зоны своего постоянного патрулирования<sup>14</sup>.

В свете указанной выше оборонной задачи размещение в ряде стран Африки китайского миротворческого контингента можно назвать акцией «двойного назначения». На саммите ООН по миротворчеству (сентябрь 2015 г.) Си Цзиньпин объявил о предстоящих шагах Китая по развитию этой формы международной деятельности, чрезвычайно актуальной в условиях «Черного континента». Среди мер — выделение контингента полицейских подразделений и миротворческих сил постоянной готовности в составе 8 тыс. военнослужащих; возможная отправка большего числа инженерных, транспортных и медицинских работников для участия в миротворческих операциях; предоставление Африканскому союзу в следующие 5 лет безвозмездной военной помощи в размере 100 млн долл. на цели формирования и подготовки постоянного контингента полицейских и воинских подразделений быстрого реагирования; командирование вертолетного подразделения для участия в миротворческих операциях ООН в Африке. После событий в Мали (ноябрь 2015 г.), когда в Бамако были убиты представители китайских корпораций, эти действия КНР обрели особое, в том числе и антитеррористическое звучание<sup>15</sup>.

Здесь следует добавить, что безопасность МШП-XXI находится в прямой зависимости от ситуации с террористической активностью в регионах Восточной и Северной Африки. В китайском экспертном сообществе звучали прямые призывы к тому, чтобы КНР и Африка укрепляли сотрудничество по проблеме безопасности и «коллективно противостояли терроризму»<sup>16</sup>.

Несмотря на удаленность от официально объявленных маршрутов «Большого проекта», **Латинская Америка** не игнорируется китайскими планами.

Так, в июле 2014 г. во время своего визита в пять стран континента Си Цзиньпин выдвинул предложение по сооружению статусного объекта стоимостью более 10 млрд долл. — железной дороги в 5 тыс. км (по другим данным — 8 тыс. км) между атлантическим побережьем Бразилии и тихоокеанским в Перу. В случае успеха, маршрут из китайского порта Тяньцзинь через Тихий океан пойдет к перуанскому порту Байовар и далее — по планируемой ныне железной дороге — к побережью Атлантического океана (в порт Сантос в Бразилии).

В ноябре 2014 г. между Министерством транспорта и коммуникаций Перу, Министерством транспорта Бразилии и Национальной комиссией развития реформ КНР был подписан соответствующий меморандум. Ныне стороны вступили в стадию изучения «межокеанического проекта»<sup>17</sup>.

Латинская Америка нуждается в железных дорогах для стабильного подъема ее малоосвоенных внутренних пространств. До сих пор по примеру США акцент в регионе делался на автомобильной транспортировке грузов и людей, но при этом качество автодорог во многих странах ЛА оставляет желать лучшего.

В конце 2014 г. стартовали подготовительные работы по реализации еще одного грандиозного начинания (стоимостью 60 млрд долл.) по «смычке» Атлантического и Тихого океанов — строительству Никарагуанского канала, осуществляемого согласно концессии правительства Никарагуа, предоставленной сянганской компании «НК Nicaragua Canal Development Investment Co Ltd» (НКНД). Несмотря на то, что в конце 2015 г. НКНД отложила реализацию проекта (видимо, из-за нестабильности фондового рынка Китая<sup>18</sup>), все же маловероятно, что Поднебесная полностью откажется от начинания столь высокой стратегической важности.

В случае успеха эти две инициативы резко увеличат протяженность и географический охват «Пояса и Пути».

\* \* \*

Отношения Китая с развивающимся миром в свете «Большого проекта» не свободны от целого ряда *трудностей и рисков*. Помимо серьезнейших технических и финансовых сложностей, проект мо-

жет быть чреват обострением таких проблем, как конкуренция с местным бизнесом и промышленностью, «чрезмерное привлечение» китайской рабочей силы в ущерб национальному персоналу (проще говоря, безработица среди последнего), нежелание делиться передовыми технологиями и упор на поставки готового оборудования, нанесение экологического ущерба, эксплуатация ресурсов принимающих стран, участие в коррупционных схемах и т. д.

По некоторым данным, до половины африканского персонала недоволен условиями труда на китайских предприятиях. В 2014—2015 гг. в Нигере был пересмотрен кабальный нефтяной контракт, заключенный правительством, смещенным в 2010 г. военной хунтой; в Габоне права на разработку перспективного месторождения были изъяты у китайской стороны и отданы государственной компании; в Чаде китайская фирма лишилась прав на добычу нефти из-за нарушений правил безопасности, там же были случаи отказа пролонгировать коммерческие соглашения с китайскими партнерами. В Замбии альтернативные силы приходили к власти в частности под лозунгами пересмотра торговых договоров с КНР<sup>19</sup>.

Аналогичные явления наблюдаются и в Латинской Америке. Так, в 2015 г. из-за низкой заработной платы и нарушений техники безопасности одна из крупнейших китайских автомобильных компаний Chery была вынуждена закрыть свой завод в Уругвае, а в Сан-Паулу (Бразилия) ее деятельность вызвала волну забастовочно-го движения. В перуанском городе Сан-Хуан-де-Маркона прошла забастовка местных работников китайской горнодобывающей госкомпании Shougang, протестовавших против тяжелейших условий труда. В результате столкновений с полицией один из бастовавших погиб и еще один был ранен<sup>20</sup>.

В Латинской Америке сталкиваются два мнения по поводу китайской активности на континенте. Часть политиков и экспертов акцентируют то обстоятельство, что торговля с Китаем ведет к увеличению валютной выручки от продажи ему сырьевых ресурсов, притоку инвестиций в инфраструктурное строительство и снижению зависимости от североамериканского рынка. Им также импонирует то, что КНР вряд ли настроена на подрыв политического порядка в странах региона.



Оппоненты же утверждают, что экономические проекты с Поднебесной провоцируют упадок местной малой промышленности из-за конкуренции с китайской рабочей силой и продукцией, ограничивают возможность диверсификации экспорта ЛА, ускоряют процессы внутренней «деиндустриализации», обостряют проблемы чрезмерной экспортоориентированной специализации региона, а также задолженности Китаю по кредитам. Кроме того, они чреваты большим уроном окружающей среде из-за вырубки лесов и расточительного использования водных ресурсов. Звучат опасения и по поводу расширения практики культивирования генномодифицированных продуктов китайского образца<sup>21</sup>.

Говорится даже о том, что присутствие Китая в ЛА сопровождается «репрессиями» со стороны заинтересованных латиноамериканских правительств против собственного населения, недовольного условиями проектов в сфере добывающей промышленности (Перу) и перспективами сооружения межокеанического канала (Никарагуа)<sup>22</sup>.

В Африке и в Латинской Америке по-прежнему звучат опасения по поводу вероятности «неоколониалистских» настроений Китая. Видимо, чтобы демпфировать подобные обвинения, в 2015 г. Пекин огласил новую стратегию «помощи развитию» зарубежным странам, 52 % которой<sup>23</sup> предназначены Африке южнее Сахары. Помощь будет состоять из реализации конкретных медицинских, сельскохозяйственных и инфраструктурных инициатив. Было заявлено, что КНР стремится к уменьшению доли природных ресурсов в китайско-африканских ВЭС и намерена сконцентрироваться на сотрудничестве по вопросам развития, включая инфраструктуру, обрабатывающую промышленность и медицину<sup>24</sup>.

В Латинской Америке Си Цзиньпин на церемонии открытия 1-го министерского форума «Китай—СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна)» в январе 2015 г. объявил о готовности КНР вложить в ближайшие десять лет 250 млрд долл. в латиноамериканскую экономику при возможности удвоения объемов торговли с регионом до 500 млрд долл.<sup>25</sup>

В целом, надо отдать должное Китаю, старающемуся учитывать настроения партнеров и соответственно оптимизировать свой курс, меняя практику и акцентируя риторику. По словам премьера Госсосо-

вета КНР Ли Кэцзяна, Китай не пытается «действовать империалистическим образом, как некоторые страны делали до сих пор. Колониализм должен принадлежать прошлому»<sup>26</sup>.

Для самого Китая тоже не все складывается гладко: как известно, риски политической дестабилизации и молниеносных смен режимов в Африке довольно высоки, да и инвестиционный климат на континенте не всегда отличается постоянством: порой он просто не снабжен юридически четкой базой. Все это повышает вероятность неудачи иностранных планов в регионе.

Еще одна сложность заключается в том, что «Большой проект» пока «не заточен» на устранение «поведенческих ошибок» китайского менеджмента в отношении населения стран Африки и ЛА, не объясняет алгоритм погашения задолженности Китаю многих из них, не учитывает сомнительную способность ряда «малых» партнеров КНР хотя бы чисто в техническом плане воплотить грандиозные замыслы великого контрагента.

Однако Поднебесная славится своим умением вести дела в условиях нестабильности. Предприниматели из КНР готовы дерзнуть, учитывая, что в случае успеха именно высокие риски многократно окупаются, награждая смелых контрагентов повышенной прибылью. Пекину удается извлекать пользу из тех сложных ситуаций, где другой актер просто ушел бы в тень. Так, Китай удачно воспользовался международной изоляцией Зимбабве, инспирированной Западом по причине нарушений прав человека в этой стране. Он не просто стал ее крупнейшим торговым партнером, но и провел успешный переговорный маневр по расширению обращения там китайского юаня. В итоге в мире может появиться первое независимое государство, которое придаст юаню функции национальной валюты (Зимбабве не имеет своей валюты и использует в этих целях американский доллар и южно-африканский ранд)<sup>27</sup>.

Пекин в принципе поощряет циркуляцию юаня во взаимных транзакциях с развивающимся миром: к настоящему времени объем расчетов в юанях между Китаем и странами Африки достиг 4,3 млрд<sup>28</sup>. А в Латинской Америке появилась первая страна — Чили, заявившая о своем согласии стать региональной платформой для осуществления расчетов в юанях. (Соответствующее предложе-

ние было озвучено Ли Кэцяном во время его визита в эту страну в мае 2015 г.). Чили и Китай подписали меморандум о взаимных расчетах по юаневому валютному свопу. Строительный банк Китая станет клиринговым банком и членом расчетной палаты для юаневых транзакций в Латинской Америке<sup>29</sup>.

Все вышеперечисленное дает основание полагать, что Китай, демонстрирующий высокую адаптивность к рискованным условиям работы, имеет немалые шансы провести корабль «Большого проекта» между рифами непростой конъюнктуры развивающегося мира.

Несмотря на то, что Россия предпринимает энергичные шаги по «возвращению» в Африку и Латинскую Америку<sup>30</sup>, пока у нее нет возможности составить альтернативу Китаю в РМ в плане реализации экономических мегапроектов. Единственное, что Россия здесь может сделать — это на базе грамотного мониторинга проводить оценку и прогноз поведения КНР в зоне вероятной инфраструктурной конкуренции. Оптимальным — малозатратным, но рентабельным путем осуществления подобного мониторинга видится создание общей информационно-аналитической службы в рамках БРИКС, членами которой являются страны-лидеры Африки и Латинской Америки — ЮАР и Бразилия. Содействуя формированию такой службы, Россия не только обретет юридически и этически безупречную возможность напрямую получать достоверную информацию об активности Китая в РМ, но и внесет вклад в дело дальнейшего развития БРИКС как таковой. А это позитивно скажется на имидже РФ и в БРИКС в целом, и в ее государствах-членах.

### Примечания

<sup>1</sup> URL: <http://sputnikipogrom.com/asia/china/17889/red-dragons-of-the-black-continent/#.V2Bfgh9Hwwg>

<sup>2</sup> URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/40464/>

<sup>3</sup> URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/12/25/china-in-africa/>; Тодоров В. Китай поможет африканцам. URL: <http://www.gazeta.ru/business/2014/05/11/6025945.shtml>

<sup>4</sup> URL: <http://russian.cri.cn/841/2015/08/04/1s556229.htm>

<sup>5</sup> *Rodriguez Aranda, Isabel y Van de Maele, Diego Leiva.* El soft power en la política exterior de China: consecuencias para América Latina. URL: <https://polis.revues.org/9179>.

<sup>6</sup> *Trontin, Christophe.* El poder blando al estilo chino. URL: [http://www.china.today.mx/pol/content/2015-05/28/content\\_689922.htm](http://www.china.today.mx/pol/content/2015-05/28/content_689922.htm)

<sup>7</sup> *Bermingham, Finbarr.* Chinese investment along One Belt One Road revealed. URL: <http://www.gtreview.com/news/asia/chinese-investment-along-one-belt-one-road-revealed>

<sup>8</sup> China and the Developing World. URL: <https://www.strausscenter.org/events/event/442-china-and-the-developing-world>

<sup>9</sup> Сайт ИА Синьхуа. URL: [http://news.xinhuanet.com/english/2016-01/21/c\\_135032693.htm](http://news.xinhuanet.com/english/2016-01/21/c_135032693.htm); *Tiezzi, Shannon.* Xi's Visit Cements Egypt's Place on the 'Belt and Road'. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/xis-visit-cements-egypts-place-on-the-belt-and-road/>

<sup>10</sup> URL: [http://www.bbc.com/russian/business/2015/12/151130\\_china\\_africa\\_smmmit\\_preview](http://www.bbc.com/russian/business/2015/12/151130_china_africa_smmmit_preview); *Савельева Д.* Что такое новый Шелковый путь и хочет ли Китай с его помощью захватить мир? URL: <http://www.rb.ru/article/chto-takoe-novyy-sheikovyu-put-i-hochet-li-kitay-s-ego-pomoshhyu-zahvatit-mir/7492917.html>

<sup>11</sup> См.: *Yun Sun.* Inserting Africa into China's One Belt, One Road strategy: A new opportunity for jobs and infrastructure? URL: <http://www.brookings.edu/blogs/africa-in-focus/posts/2015/03/02-africa-china-jobs-infrastructure-sun>

<sup>12</sup> URL: <https://www.trademarka.com/news/kenya-china-targets-kenyas-ports-in-trade/>

<sup>13</sup> *Плеханов И.* Военные новости: китайское военное проникновение в Африку. URL: <http://inosmi.ru/military/20160312/235691301.html>

<sup>14</sup> URL: <http://bmpd.livejournal.com/1245985.html>; URL: <http://www.voltairenet.org/article190556.html>; URL: [http://www.gazeta.ru/social/news/2015/04/03/n\\_7077713.shtml](http://www.gazeta.ru/social/news/2015/04/03/n_7077713.shtml).

<sup>15</sup> URL: [http://russian.news.cn/2015-11/28/c\\_134864640.htm](http://russian.news.cn/2015-11/28/c_134864640.htm); URL: <http://south-insight.com/A?language=ru>

<sup>16</sup> *Waheeda Peters, Mxolisi Ntanzji and Sihle Ndebele.* The Road Ahead For Africa & China through OBOR. URL: <http://www.dut.ac.za/the-road-ahead-for-africa-china-through-obor/>

<sup>17</sup> La Ruta de la Seda se extiende a Sudamérica // El Comercio 16.05.2015. URL: <http://elcomercio.pe/blog/viachina/2015/05/la-ruta-de-la-seda-se-extiende-a-sudamerica>

<sup>18</sup> URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/107152>

<sup>19</sup> URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/12/25/china-in-africa/>; URL: <http://sputnikpogrom.com/asia/china/17889/red-dragons-of-the-black-continent/#>

<sup>20</sup> *Araujo, Heriberto y Cardenal, Juan Pablo.* Latinoamérica mira a China. Pekín ha recorrido la región anunciando inversiones a bombo y platillo. URL: [http://elpais.com/elpais/2015/05/26/opinion/1432653248\\_643966.html](http://elpais.com/elpais/2015/05/26/opinion/1432653248_643966.html)

<sup>21</sup> *Pereira, Luis Nieto*. La Ruta de la Seda en América Latina. URL: <http://www.lamarea.com/2015/06/05/la-ruta-de-la-seda-en-america-latina/>

<sup>22</sup> Ibidem.

<sup>23</sup> China and the Developing World. URL: <https://www.strausscenter.org/events/event/442-china-and-the-developing-world>

<sup>24</sup> *Ирисова О.* Гуманный империализм: как Китай завоевывает Африку. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/283713-gumannyi-imperializm-kak-kitai-zavoevuyet-afriku>

<sup>25</sup> Портал «Китай—Россия». URL: <http://chinaroslogistics.com/~pnigl>

<sup>26</sup> Цит. по: URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/12/25/china-in-africa/>.

<sup>27</sup> URL: [http://ru.coinmill.com/USD\\_ZWD.html](http://ru.coinmill.com/USD_ZWD.html); URL: <http://south-insight.com/node/217852?language=ru>

<sup>28</sup> URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/reports/view/71523/>

<sup>29</sup> *Higuera, Georgina*. China monta América Latina en tren. URL: <http://www.publico.es/internacional/china-monta-america-latina-tren.html>; Интернационализация юаня: Чили стремится стать финансовым центром Латинской Америки. URL: <http://russian.cri.cn/841/2015/08/04/1s556229.htm>

<sup>30</sup> Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Россия, Китай и «третий мир» на рубеже веков: возможно ли «второе дыхание» отношений? // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы / науч. рук. проекта М.Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 204—228. См. также: *Маслов Андрей*. Что нужно России в Африке. URL: [http://sr.fondedin.ru/new/fullnews\\_arch\\_to.php?subaction=showfull&id=1175072204&archive=1175072874&st](http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1175072204&archive=1175072874&st); *Ивченко Ю.* Перспективы развития стран Латинской Америки и России. URL: <http://www.geopolitics.ru/2012/12/perspekti-vy-razvitiya-stran-latinskoj-ameriki-i-rossii/>

*Л.Е. Васильев*

## О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*Аннотация.* Статья посвящена оценке современного состояния межгосударственного сотрудничества Китая и государств Центральной Азии. В ней дана общая характеристика политики КНР в Центрально-Азиатском регионе, а также приведены особенности межгосударственных отношений Китая с каждой конкретной страной в регионе. В статье исследованы основные проблемы этих отношений, а также приведены возможные направления их развития в ближайшей перспективе.

*Ключевые слова:* Китайская Народная Республика, Центральная Азия, центрально-азиатские государства, экономическое сотрудничество, Экономический пояс Шелкового пути, энергоресурсы, межгосударственные отношения.

### 1. Основные направления политики Китая в Центральной Азии

В своей внешней политике на западном направлении Китай исходит из того, что Центральная Азия (ЦА) играет стратегически важную роль как в обеспечении его национальной безопасности, так и в его становлении в качестве великой мировой державы.

Важность этого региона для Китая определяется следующими обстоятельствами:

1. Центрально-Азиатский регион (далее — ЦАР) имеет и, скорее всего, будет иметь на длительную перспективу существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности Китая.

2. Энергетическая составляющая в отношениях с государствами Центральной Азии в условиях быстрорастущей китайской экономики также крайне важна для КНР.

3. В ситуации, когда военное присутствие США и НАТО в Центральной Азии и Афганистане приняло долгосрочный характер, Китай должен учитывать, что в случае обострения обстановки в других близлежащих регионах мира, таких как Тайвань, Юго-Восточная Азия, Тибет и т. п., ЦАР может стать плацдармом для нанесения ударов по территории КНР.

В сентябре 2013 г. китайским руководством была озвучена новая программа радикальной активизации всей внешнеэкономической деятельности Китая в Евразии под названием «Экономический пояс Шелкового пути». В китайской экспертной трактовке этот проект является попыткой соединить Центральную, Восточную, Южную и Западную Азию различными узлами экономического сотрудничества<sup>1</sup>. При этом, в соответствии с проектом, КНР предполагает вести свою экономическую экспансию в регионе по следующим направлениям:

- продвижение региональной экономической интеграции;
- ускорение строительства единой транспортной сети, которая включала бы в себя сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря и трасс, соединяющих восточную, западную и южную Азию;
- увеличение объемов торгового и инвестиционного сотрудничества;
- снижение и ликвидация торговых барьеров, сокращение издержек, упрощение бюрократических процедур;
- увеличение доли расчетов в национальных валютах;
- расширение «народных связей» с целью «подкрепить региональное сотрудничество прочной социальной и общественной базой»<sup>2</sup>.

Таким образом, с началом реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути» экономическое присутствие КНР в ЦАР, скорее всего, будет идти за счет наращивания проектно-инвестиционной активности, в первую очередь в сырьевых секторах, развития транспортных и трубопроводных проектов, увеличения поставок готовой продукции, а также соответствующего финансового сопровождения этих усилий. Более того, в 2014 г. в отдельных областях отношений между Китаем и странами Центральной Азии был совершен новый прорыв и намечились новые примечательные моменты в политической, экономической, культурной областях, а также в сфере безопасности. Это обусловлено следующим:

**Во-первых**, новое руководство Китая установило благоприятные «дружеские отношения личного характера» с лидерами стран Центрально-Азиатского региона. В течение года китайские государственные лидеры провели несколько встреч с лидерами практически всех стран ЦАР.

**Во-вторых**, продолжает укрепляться фундамент «отношений стратегического партнерства», установленный в сотрудничестве КНР со всеми странами Центральной Азии. Поддерживается высокая степень координации и сотрудничества по основным региональным и международным вопросам, предоставляется взаимная мощная поддержка.

**В-третьих**, международный финансовый кризис продолжает влиять на ситуацию экономического развития региона. Однако Китай и страны Центральной Азии уверенно движутся в направлении развития совместного партнерства, чтобы посредством взаимовыгодного сотрудничества преодолеть многочисленные вызовы международного финансового кризиса и достигнуть положительных результатов. Так, например, в 2014 г. общий объем торговли между Китаем и странами Центральной Азии превысил 40 млрд долл<sup>3</sup>.

Более того, согласно статистическим данным, Китай уже стал крупнейшим торговым партнером для Казахстана и Туркменистана, вторым торговым партнером для Узбекистана и Кыргызстана. Кроме того, КНР также является крупнейшим инвестором для Узбекистана и вторым по величине инвестором в экономики Кыргызстана и Таджикистана<sup>4</sup>.



## 2. Сотрудничество Китая с государствами Центральной Азии

*Казахстан* является одним из важнейших объектов экономической «экспансии» Китая в Центральной Азии. Достаточно сказать, что 91,5 % всей суммы прямых инвестиций КНР в страны Евразийского союза (22,57 млрд долл. из 24,67 млрд долл.), вложенных Китаем в 2009—2013 гг., приходится на Казахстан<sup>5</sup>.

Отношения Китая и Республики Казахстан (РК) постоянно укреплялись в изменчивой международной обстановке и сохранили благоприятную тенденцию здорового и стабильного развития. Они могут считаться образцом добрососедства, дружбы и совместного развития в Центральной Азии и даже во всем мире. Можно сказать, что значение китайско-казахстанских отношений в определенном смысле уже преодолело двусторонние рамки и обрело важный стратегический характер.

Политическое взаимодоверие является базой двусторонних отношений. Китай и Казахстан не имеют неразрешенных проблем в политической области. Стороны решили проблему пограничной линии, подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан (23.12.2002 г.), «Стратегию сотрудничества Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в 21 веке» (20.12.2006 г.) и еще более 200 документов.

Кроме того, основой успешного развития отношений Китая и Казахстана стали следующие факторы.

Во-первых, две страны граничат друг с другом (протяженностью совместной границы более 1780 км) и отличаются большой экономической взаимодополняемостью. Казахстан обладает богатыми природными ресурсами, обширной территорией и транспортными преимуществами, он также создал благоприятный инвестиционный климат для внешних контрагентов. Китай же располагает финансовыми средствами, технологиями, высококвалифицированными профильными специалистами и рабочей силой.

Во-вторых, Китай и Казахстан переживают ключевой период реформ и открытости. Государственные стратегии двух стран имеют много общего и благоприятствуют дальнейшему углублению китай-

ско-казахстанских отношений всестороннего стратегического партнерства.

В-третьих, Казахстан стремится к активному привлечению инвестиций. Это, несомненно, расширяет возможности для китайских предприятий по проникновению на казахстанский рынок.

Сотрудничество Китая и РК развивается по нескольким направлениям. В сфере энергетики предприятия двух стран совместно осваивают и разрабатывают нефтяные, газовые, урановые и другие ресурсы: построены китайско-казахстанский нефтепровод, газохимический комплекс, реконструированы и модернизированы Атырауский и Шымкентский НПЗ. Что касается неэнергетического сектора, двустороннее взаимодействие здесь также заслуживает пристального внимания: можно отметить такие проекты, как Мойнакская ГЭС, Павлодарский алюминиевый завод, асфальтный завод в Актау и другие проекты.

Если заглядывать в будущее, то следует отметить, что сотрудничество Китая и РК будет и дальше расширяться. На наш взгляд, для более эффективного его развития необходимы следующие условия.

Во-первых, расширение торговли и инвестирования. Стороны разработали план сотрудничества на средне- и долгосрочную перспективу, чтобы поэтапно достигнуть целей торгово-экономического сотрудничества. Согласно этому плану, стороны должны постоянно продвигать торговые услуги, совершенствовать торговую среду, создавать благоприятные условия для доступа товаров, инвестиций и услуг партнера к своим рынкам. Кроме того, Китай обязался поддерживать китайские предприятия в деле инвестирования и открытия бизнеса в Казахстане.

Во-вторых, синхронизация развития энергетического и нересурсного сотрудничества. Расширяя кооперацию в области экологически чистой и новой энергетики, необходимо активно реализовывать план сотрудничества двух стран в нересурсной сфере и принимать соответствующие меры, чтобы способствовать всестороннему и равномерному продвижению делового сотрудничества двух стран. Стороны должны постепенно расширять кооперацию в сфере строительства высокоскоростных железных дорог, глубокой переработки ядерного топлива, космической промышленности и т. д., на-

рашивать научно-технический компонент двустороннего сотрудничества.

В-третьих, эффективная совместная реализация соглашения о валютном обмене, постепенное внедрение внешнеторговых расчетов в национальных валютах двух стран, оказание финансовой поддержки крупным проектам сотрудничества, которые интересуют обе стороны.

В-четвертых, активизация усилий в сфере взаимного объединения и обменов. Стороны должны совершенствовать строительство основных объектов инфраструктуры в пограничных городах, завершить строительство автодороги «Запад Китая—Запад Европы», максимально возможным образом использовать транзитный потенциал Казахстана, активно продвигая взаимодействие в сфере транзитных грузовых перевозок.

В-пятых, Китаю и РК следует интенсифицировать гуманитарные контакты, укреплять взаимодействие в культурной, образовательной и туристической сферах, постоянно содействовать углублению взаимопонимания и традиционной дружбы между народами двух стран, заложить прочную общественную базу для осуществления экономического сотрудничества.

Отношения между *Узбекистаном и Китаем* также динамично развиваются в духе стратегического партнерства. Взаимовыгодное сотрудничество сторон охватывает все сферы политики, экономики, торговли, промышленности, финансов, строительства, науки, образования, культуры. Взаимосвязи между странами последовательно развиваются на основе ряда таких важных документов, как Совместная декларация об установлении стратегического партнерства (06.06.2012 г.), Договор о дружбе и сотрудничестве (09.09.2013 г.), Совместная декларация о дальнейшем развитии и углублении двусторонних отношений стратегического партнерства (09.09.2013 г.).

Китай является одним из крупнейших торгово-экономических и инвестиционных партнеров Узбекистана: объемы торговли между двумя странами постепенно растут. За последние шесть лет этот показатель увеличился в три раза и составил 4,7 млрд долл. в 2014 г. и, по оценкам, 5 млрд долл. в 2015 г. В Узбекистане действуют 582 совместных китайско-узбекских предприятия, из них более 80 созданы

на базе только китайских инвестиций. Кроме того, свыше 70 китайских компаний открыли свои представительства в Узбекистане<sup>6</sup>.

Среди примеров успешной реализации крупных инвестиционных проектов в Узбекистане — газопровод «Центральная Азия — Китай», электрифицированная железная дорога «Ангрен—Пап», а также производственные мощности, размещенные в индустриальных зонах «Навои», «Джизак» и «Ангрен». В 2016 г. при помощи китайских партнеров завершается строительство железнодорожного туннеля на перевале «Камчик», что позволит соединить железнодорожным сообщением основную часть Узбекистана с Ферганской долиной.

Как полагают эксперты, китайский вектор в обозримой перспективе станет одним из главных для Узбекистана, заполнив часть той ниши в его внешней политике, которую ранее занимали США. При этом Китай, в отличие от США, способен быть инвестором в реальной экономике, а не радетелем абстрактных «прав человека» или «демократических ценностей». Ташкент в меньшей степени опасается демографической китайской экспансии, а свои интересы в экономике распределяет осторожно, балансируя между Москвой и Пекином<sup>7</sup>.

Положительная динамика развития отношений между *Китаем и Кыргызской Республикой (КР)* всегда была свойственна двустороннему диалогу. Она характеризует как торгово-экономические отношения, так и политический диалог в двустороннем и многостороннем форматах в рамках международных организаций. И в целом, по ключевым проблемам международных отношений Кыргызстан и КНР всегда находили понимание и оказывали взаимную поддержку.

Конечно, вопрос политической стабильности Кыргызстана и его способность сохранять преемственность общего политического курса на добрососедство с КНР — безусловно, важный фактор, который оказывает влияние на отношение самого Китая к Кыргызстану. Две произошедшие в Кыргызстане революции были восприняты в КНР весьма настороженно.

Однако следует отметить, что Кыргызстан, с населением всего лишь в 5,5 млн человек, имеет большие запасы угля, редкоземельных элементов и другие ценные ресурсы. Согласно информационному агентству «Кабар», например, запасы угля в Кыргызстане составляют более 1 млрд т. Китай намерен импортировать уголь из КР

в целях снижения более чем в два раза дополнительных расходов по перевозке угля из других провинций КНР в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Причем СУАР заинтересован стать основным потребителем угля из Кыргызстана.

С другой стороны, в пятилетней «Стратегии созидания Кыргызстана — 2017» изложены планы руководства КР по продаже коксующегося угля в Китай в больших объемах. Но их осуществление возможно только в случае запуска железной дороги из Кыргызстана в Китай, поэтому стороны уже начали реализацию соответствующего транспортного проекта<sup>8</sup>.

Кроме того, Китай и КР подписали соглашение, по которому Пекинская строительная корпорация BUGC вложит около 1 млрд долл. в сооружение непосредственно в аэропорту Манас (23 км от Бишкека) международного торгового терминала оптовых и розничных продаж, а также реконструирует международные аэропорты в Баткене и Тамчи. Следует заметить, что ранее интерес к этим аэропортам проявляла российская компания «Роснефть»<sup>9</sup>.

Исторически сложилось так, что, по мнению китайских экспертов, Кыргызстан всегда воспринимался в Китае как 4-й по значимости партнер среди центрально-азиатских государств (вслед за Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном), поскольку всегда предполагалось, что отношения и уровень взаимодействия с Кыргызстаном должен быть выше, чем с *Таджикистаном*. Однако примерно в период с 2007 по 2015 гг. Таджикистан значительно активизировал свою деятельность на китайском направлении. Руководство Республики Таджикистан (РТ) и посольство Таджикистана в Китае чрезвычайно активно налаживали тесные связи с государственными учреждениями, институтами и бизнес структурами Китая. В результате успехи РТ на китайском направлении получили свое материальное воплощение в заключении многомиллиардных контрактов и предоставлении грантов<sup>10</sup>.

На сегодня между государствами подписано около 200 документов в таких сферах, как экономика, торговля, техника, инвестиции, энергетика, промышленность, здравоохранение, культура, образование, наука, сельское хозяйство, коммуникации и т. д. Основа двусторонних отношений заложена в Совместной декларации об осно-

вах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и КНР (09.03.1993 г.), а также в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (15.01.2007 г.).

Товарооборот между Китаем и Таджикистаном вырос с 2,75 млн долл. на момент установления дипломатических отношений в 1992 г. до 1,5 млрд долл. в 2014 г.<sup>11</sup> Основными видами товаров, экспортируемых из Китая в Таджикистан, являются электротехника, оборудование и машины, текстильные изделия, технологическая, продукция для отраслей связи, мебель, товары бытового потребления и др. Таджикистан экспортирует в Китай алюминий и изделия из него, хлопок, кожевенное сырье, шелк и т. д.

Стороны реализуют более 50 крупных и средних проектов сотрудничества. Так, китайские компании построили автодорогу «Таджикистан—Кыргызстан» и строят шоссе «Китай—Таджикистан». Они готовы осваивать полезные ископаемые в РТ. Успешно реализуются проекты по добыче золота, цинка и свинца китайскими компаниями «Цзыцзинькуанье» и «Гоцзи Тачэн».

В последние годы стороны успешно осуществляют сельскохозяйственное сотрудничество. Многие предприятия СУАР арендовали земли в Таджикистане, применяя передовые технологии земледелия и высевая высокосортные семена риса и хлопка. Они стали высокоприбыльными.

Китай — важный партнер Таджикистана и в сфере коммуникаций. Компании «Хуавэй» и «ZTE» наладили выгодное партнерство в Таджикистане с местными операторами и стали главными поставщиками оборудования и услуг в сфере коммуникаций.

Растущий интерес Китай проявляет к проектам таджикской электроэнергетики. Пекин рассматривает Таджикистан как поставщика электроэнергии в СУАР. Участия в достройке Рогунской ГЭС Китай пока не принимает — по-видимому, из-за нежелания ухудшить отношения с Узбекистаном, через территорию которого проходит газопровод из Туркменистана в Китай. Однако КНР принимает участие в обсуждении проектов ГЭС средней мощности и строительства ТЭЦ-2 в Душанбе.

Кроме этих отраслей, интересы Китая распространяются и на другие сферы экономики Таджикистана. Участие КНР заметно в

финансовой сфере, геологоразведке, в химической промышленности, в индустрии стройматериалов (производство цемента) и в переработке нефтепродуктов<sup>12</sup>.

Положительно решен сложный пограничный вопрос, унаследованный исторически. Важность урегулирования вопроса о линии прохождения границы обусловлена тем фактом, что Таджикистан впервые за всю историю своего существования обрел юридически оформленную государственную границу с Китаем.

Энергетическое сотрудничество *Китая и Туркменистана* — самый важный компонент китайско-туркменских отношений. Начиная с 2009 г., когда был пущен в эксплуатацию газопровод «Китай—Центральная Азия», по настоящее время Туркменистан уже поставил КНР природный газ в объемах, позволивших стабилизировать ситуацию на рынке природного газа в Китае. Кроме того, в 2013 г. стороны заключили соглашение о поставке из Туркменистана в КНР природного газа в объеме 65 млрд м<sup>3</sup> в год. Этот проект должен быть завершен в 2020 г. Таким образом, Туркменистан за считанные годы превратился в основного поставщика природного газа в КНР. В настоящее время на его долю приходится больше половины китайского импорта «голубого топлива».

Однако здесь нужно отметить немаловажный факт, вызывающий у экспертов и специалистов серьезные вопросы. Так, в середине декабря 2015 г. Ашхабад принимал лидеров стран-участниц газопроводного проекта ТАПИ («Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия»). Согласно проекту, длина маршрута ТАПИ составит 1800 км, 200 из которых будут проложены по территории Туркменистана и далее пройдут через афганские города Герат и Кандагар и пакистанские Кветту и Мултан до индийского населенного пункта Фазилка на пакистано-индийской границе. Проектная мощность газопровода — 33 млрд м<sup>3</sup> в год.

Кроме того, в середине декабря 2015 г. Туркменистан завершил строительство газопровода «Восток—Запад». Протяженность этой магистрали составляет 770 км, а пропускная мощность — 30 млрд м<sup>3</sup> в год. Этот трубопровод связал месторождение Галкыныш и другие восточные месторождения страны с каспийским побережьем.

На недоуменные вопросы экспертов, откуда у Туркмении столько газа — на газопровод ТАПИ, на магистраль в Китай и на Транскаспийский маршрут в Европу, официальный Ашхабад отвечает: к 2030 г. страна планирует увеличить добычу газа до 230 млрд м<sup>3</sup> в год за счет дальнейшего обустройства месторождения «Галкыныш» и начала разработки еще около 30 месторождений, расположенных на территории страны<sup>13</sup>.

Следует также отметить, что в последние годы деловое сотрудничество Китая и Туркменистана интенсивно продвигается и по другим направлениям. 37 китайских предприятий зарегистрированы в Туркменистане. Реализуется 66 совместных инвестиционных проектов. Китай стал первым крупным торговым партнером Туркменистана. Кроме сфер нефти и природного газа стороны активно работают в области коммуникаций, транспорта и текстильной промышленности.

Огромные перспективы открывает Международный морской порт в городе Туркменбаши, строительство которого идет усиленными темпами. Его использование поднимет торговые отношения между Азией и Европой на новый уровень и облегчит Европе доступ на азиатские рынки. С реализацией данного проекта появится возможность через международный порт Туркменбаши направлять грузы, поступающие из Китая, Японии, Кореи, а также из стран Центральной Азии в иранский порт Бендер-Аббас или в азербайджанский Баку, а оттуда — в грузинский порт Поти.

### 3. Проблемы и перспективы развития межгосударственных отношений Китая со странами Центральной Азии

Оценивая сотрудничество Китая с центрально-азиатскими государствами при всем их успешном развитии, нельзя не отметить некоторые их особенности и проблемы, которые уже наблюдаются или могут проявиться в ближайшем будущем.

Главным фактором в выстраивании отношений с государствами Центральной Азии является прагматизм Китая. Наличие пояса дружественных государств вокруг своих границ дает возможность сохранения стабильности и неучастия в пограничных конфликтах. Ки-



тай, который является одной из ведущих торговых держав, в этом заинтересован как никто другой.

Экономический компонент сотрудничества также прост: Китай нуждается в энергоресурсах и готов покупать их везде. Очевидно, что чем ближе энергоресурсы, тем ниже издержки их транспортировки, а значит, цены доступнее.

Геополитический компонент заключается в необходимости создать безопасные пути для получения энергоресурсов. Из Ближнего Востока КНР получает нефть танкерами, идущими через Малаккский пролив, который легко может перекрыть геополитический конкурент Китая — США. Но даже без учета «Малаккских рисков» морской транспорт может стать небезопасным в случае жесткого обострения геополитической обстановки. Поэтому Китай активно инвестирует в центрально-азиатские месторождения, нефте- и газопроводы, а также транспортные проекты, которые помогут ему получить доступ к азербайджанской и иранской нефти через Центральную Азию.

Главная особенность внешнеэкономической тактики Китая состоит в предоставлении центрально-азиатским государствам льготных кредитов на крупные проекты, причем их основная часть осваивается на территории ЦА китайскими же компаниями. Причем Китай предпочитает применять схему «центральноазиатские ресурсы за китайские кредиты»: предоставляя крупный кредит на реализацию проекта, Китай оговаривает необходимый объем долгосрочных поставок сырья, с учетом которых и будет погашаться китайский заем.

Эта тактика успешно испытана Китаем в беднейших странах Африки. По некоторым данным, с 2000 по 2012 г. торговый оборот Китая с африканскими странами вырос в 20 раз и достиг 200 млрд долл. Инфраструктура на африканском континенте создается почти исключительно силами китайских специалистов. Когда бедные страны оказываются не в состоянии погасить долги, то требовать активы, имущество, предприятия и получать доступ к их недрам становится просто. То же самое может произойти и с государствами Центральной Азии<sup>14</sup>.

Кроме того, зачастую при предоставлении долгосрочного крупного кредита или инвестиций, Китай ставит условие, что стра-

ной-реципиентом будут предоставлены преференции по привлечению китайского рабочего персонала, беспрошленной поставке китайских материалов и продукции для реализации проектов с китайским участием. В случае отказа Китай теряет экономический интерес к проекту, но он всегда рад поторгаться.

Вместе с тем, географическая близость государств обуславливает ряд проблем. Одной из таких самых болевых точек является проблема трансграничных рек, которая наиболее остро стоит в отношениях Китая с Казахстаном. Прежде всего, это вопрос использования китайской стороной притоков рек Иртыш и Или<sup>15</sup>. Бурное развитие СУАР, увеличение численности его населения, промышленных и сельскохозяйственных объектов, естественно, вызывают потребность в воде. Но проблема в том, что в Казахстане в бассейне только реки Иртыш проживает порядка 2,5 млн человек и находится ряд крупных городов, таких как Павлодар, Усть-Каменогорск, и Семипалатинск.

Поэтому любые планы Китая по сооружению гидротехнических сооружений или отвода воды для мелиорации сельскохозяйственных угодий вызывают справедливые опасения в Казахстане по поводу обмеления рек и водоемов, которые они питают.

Но помимо снижения уровня воды, также стоит вопрос о ее качестве. А точнее — о загрязнении трансграничных рек. Не секрет, что в Китае в силу бурного развития промышленности возникли серьезные проблемы с экологией. А техногенные катастрофы могут стать угрозой для экологии трансграничных рек. Наиболее показательный случай в ноябре 2005 г., когда вследствие аварии на химическом заводе в северо-восточной китайской провинции Цзилинь, приток Амура река Сунгари была загрязнена бензолными веществами, что породило угрозу экологической безопасности населенных пунктов не только Китая, но и России. Неудивительно, что Астана поднимает вопрос о воде на самом высшем уровне<sup>16</sup>.

Подводя итоги, с большой долей вероятности можно сказать, что основными направлениями политики Китая в Центральной Азии в ближайшей перспективе, скорее всего, станут следующие:

1. Реализация проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Китай будет прилагать основные усилия к развитию и расши-

рению сотрудничества с центрально-азиатскими государствами в деле строительства ЭПШП, к переводу межстрановой кооперации на новый, более качественный уровень.

2. Китай активизирует усилия по согласованию политических вопросов, повышению степени координации стратегий развития КНР и государств Центральной Азии; будет оказывать политическую поддержку реализации крупных проектов сотрудничества, совместно создавать благоприятный деловой и инвестиционный климат.

3. КНР продолжит выступать за ликвидацию всех торговых барьеров, ориентацию коммерции на сбалансированное развитие, увеличение объемов торговли и ее ассортимента и за улучшение торговой структуры.

4. Китай будет интенсивно развивать транспортное сообщение, совместно строить коммуникационную и транспортную инфраструктуру, связывающую его с государствами Центральной Азии, стремиться повысить пропускную способность КПП на границах.

5. КНР будет стимулировать денежное обращение, энергично развивать взаимовыгодное сотрудничество между национальными банками и между коммерческими банками Китая и центрально-азиатских государств, расширять практику использования национальных валют в торговле и инвестировании, предоставлять друг другу условия для успешного ведения банковских операций.

6. Кроме того, КНР активизирует людские контакты, будет содействовать дружественным связям между образовательными и научно-исследовательскими институтами, СМИ, народными обществами дружбы, художественными коллективами и молодежными организациями.

## Примечания

<sup>1</sup> Голишиников О. Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. URL: <http://www.globalaffairs.ru/studconf/Tcentralnaya-Aziya-na-pritcele-Kitaya-posledstviya-dlya-Rossii-16693>

<sup>2</sup> Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 8.

<sup>3</sup> Ян Цзинь. Примечательных моментов в отношениях между Китаем и странами Центральной Азии в 2014 году стало больше. URL: [http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-01/10/content\\_34524994.htm](http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-01/10/content_34524994.htm)

<sup>4</sup> Материалы Агентства «Синьхуа». 26.01.2015.

<sup>5</sup> Китай предпочитает Казахстан // Известия. 19.02.2015.

<sup>6</sup> International Centre for Trade and Sustainable Development. URL: <http://ru.ictsd.org/> 07.09.2015.

<sup>7</sup> Панфилова В. Китай занимает в Узбекистане нишу США // Независимая газета. 20.08.2014.

<sup>8</sup> Черное золото Кыргызстана и Китая. URL: <http://stanradar.com/news/full/3902-черное-золото-kyrgyzstana-i-kitaj.html>

<sup>9</sup> Топалов А. Китай прибрал к рукам киргизские аэропорты // Газета.ру. 03.07.2014.

<sup>10</sup> Усубалиев Э. Некоторые проблемы двусторонних отношений между Кыргызстаном и Китаем. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:18974>

<sup>11</sup> Информационный сайт TopTJ.com. URL: <http://www.toptj.com/> (07.11.2014).

<sup>12</sup> Захватов А. Сотрудничество Таджикистана и Китая развивается по китайскому сценарию. URL: <http://www.dialog.tj/news/news20614>

<sup>13</sup> Мехтиев А. Почему «Газпром» пошел на разрыв отношений с Туркменией? URL: <http://mediafax.ru/?act=show&newsid=24598>

<sup>14</sup> Захватов А. Сотрудничество Таджикистана...

<sup>15</sup> Подробнее см.: Сафронова Е.И. «Водная проблема» в Центральной Азии и ее влияние на имидж России и Китая в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIV. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 94—114; Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Дефицит воды — глобальный вызов КНР—РФ—Казахстан. Как распорядиться водой // Азия и Африка сегодня. 2010. № 9. С. 34—38.

<sup>16</sup> Кауженов А. Взаимоотношения Китая и Казахстана в новых геополитических условиях. URL: <http://vof.kg/?p=18700>

*О.А. Тимофеев*

## СТРУКТУРА И МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКО-ФРАНЦУЗСКОГО ПАРТНЕРСТВА: УРОКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

*Аннотация.* Франция является одним из старейших и наиболее важных партнеров КНР в Европе. Последние международные инициативы Китая, традиционная роль Франции как одного из лидеров западного мира в целом и в особенности — в ЕС привели к значительному развитию политического диалога в двусторонних отношениях. Экономические связи значительно уступают уровню политического взаимодействия и характеризуются особой ролью крупных проектов. Подобная структура характерна и для российско-китайских отношений, что делает актуальной возможность трехстороннего взаимодействия между Пекином, Москвой и Парижем.

*Ключевые слова:* Китай, Франция, Россия, стратегическое партнерство, политический диалог.

В последние годы наблюдается явный рост взаимного интереса Китая и европейских государств. Он подкрепляется активизацией политического диалога, экономических связей, контактов в научно-образовательной и культурной сферах. В 1975 г. были установлены официальные отношения между КНР и ЕЭС. В 2003 г. отношения между Китаем и Европейским Союзом стали характеризоваться как «всеобъемлющее стратегическое партнерство». По мнению одного из руководителей китайского МИДа, формула всестороннего

стратегического партнерства зиждется на трех равноценных составляющих: политическом партнерстве, экономическом взаимодействии и гуманитарных связях<sup>1</sup>.

Последние инициативы китайского руководства, связанные со стратегиями создания Экономического пояса Шелкового пути и сопряжения концепции «интернационализации производственных возможностей» (*чань нэн*) с рядом европейских экономических инициатив ЕС (прежде всего «Планом Юнкера»), а также планами по доведению к 2020 г. взаимного товарооборота до 1 трлн долл. способны придать этим отношениям дополнительный импульс.

Франция традиционно занимала первые позиции в развитии отношений с Китаем сразу в нескольких сферах:

1) 27 января 1964 г. Франция стала первой западной страной, установившей с КНР дипломатические отношения на уровне посольств. Политики обоих государств как в то время, так и спустя полвека рассматривают данный, казалось бы, рутинный акт в качестве события всемирно-исторического значения. На состоявшейся 31 января 1964 г. пресс-конференции Шарль де Голль подробно изложил «очевидный и рациональный характер» данного шага (*l'evidence et de la raison*)<sup>2</sup>, а министр иностранных дел Китая Ван И в статье, посвященной 50-летию установления дипломатических отношений, объясняет это сближение обоюдным недовольством американско-советским контролем и разделением мира на восточный и западный лагеря<sup>3</sup>;

2) в 1997 г. Франция первой из западных стран установила с КНР отношения всеобъемлющего партнерства;

3) в 2003 г. на правах хозяина саммита G-8 французский президент Жак Ширак впервые в истории этого международного клуба пригласил председателя КНР Ху Цзиньтао принять участие во встрече в верхах в качестве партнера по диалогу;

4) в подписанном в январе 2004 г. китайско-французском Совместном заявлении по итогам визита Ху Цзиньтао во Францию впервые был зафиксирован принцип мультилатерализма (*добянь чжуи*) как основы внешней политики КНР<sup>4</sup>;

5) министр обороны Франции Мишель Аллио-Мари в 2003 г. впервые среди официальных лиц стран Запада предложила отменить

эмбарго, введенное на поставки вооружений в КНР после событий 1989 г. Впоследствии эта идея получила поддержку со стороны президента Ширака, а также некоторых других европейских лидеров;

6) в марте 2004 г. Китай провел с Францией первые международные военно-морские учения у своих берегов — в акватории Желтого моря<sup>5</sup>;

7) Китай впервые именно с Францией заключил в 1982 г. соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии;

8) в 2003—2005 гг. Франция первой из западных стран провела с Китаем перекрестные годы культуры;

9) в 2015 г. Франция первой подписала с КНР совместное заявление о сотрудничестве по экономическому освоению рынков третьих стран, что является фундаментом стратегии «интернационализации производственных возможностей».

Основой франко-китайских отношений остается политический диалог. В известном смысле эти отношения можно охарактеризовать с помощью известной китайской формулы «в политике горячо, в экономике холодно» (*чжэн жэ цзин лэн*).

После того, как в 1964 г. между Францией и Китаем были установлены дипломатические отношения, обе страны прошли через несколько этапов их охлаждения и нормализации (схема 1). Уже спустя два года Пекин попытался включить Францию в сферу своей «дипломатии хунвэйбинов», что привело к почти полному замораживанию официальных контактов.

1970-е — 1980-е годы охарактеризовались заметным потеплением китайско-французских отношений, связанным с установлением официальных контактов между КНР и ЕЭС и в особенности — с началом проведения курса реформ и открытости в 1978 г. Событиями, повлиявшими на них негативно, стали подавление студенческих демонстраций на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., участие Парижа в эмбарго на продажу Пекину вооружений и предоставление Францией политического убежища китайским диссидентам. Одним из последних был, к примеру, получивший в 1997 г. французское гражданство китайский писатель Гао Синцзянь. Присуждение ему в 2000 г. Нобелевской премии по литературе первоначально вызвало крайне негативную реакцию в КНР.

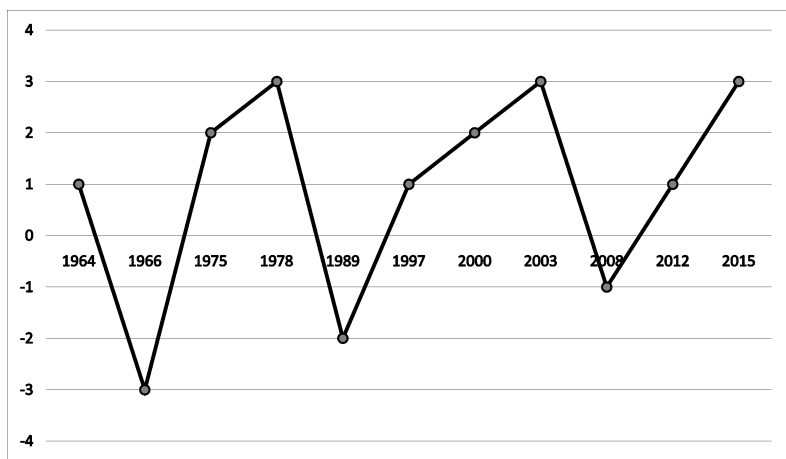


Схема 1. Этапы нормализации и охлаждения франко-китайских отношений по шкале: 1 — двусторонний уровень; 2 — уровень китайско-европейских отношений; 3 — глобальный уровень

В течение нескольких десятилетий серьезным раздражителем в двусторонних отношениях являлась позиция Франции по проблеме Тайваня:

- при установлении дипломатических отношений в 1964 г. французская сторона настояла на демонстрации особой позиции по вопросу суверенитета КНР над Тайванем. В подписанном сторонами Совместном коммюнике был лишь зафиксирован тот факт, что Париж принимает во внимание точку зрения правительства Китая, считающего Тайвань неотъемлемой частью территории КНР;
- Франция не стала формальным инициатором разрыва дипломатических отношений с Тайванем. 10 февраля этот шаг был предпринят правительством Чан Кайши, с самого начала демонстрировавшим нежелание идти на какой-либо компромисс при разрешении вновь возникшей дипломатической коллизии;
- в 1989 г. на волне негативной реакции западных стран на пекинские события Париж создал так называемый Французский институт в Тайбэе, что рассматривается французскими исследова-



дователями в качестве начала нормализации франко-тайваньских неофициальных связей<sup>6</sup>;

- Франция вплоть до 1998 г. продолжала периодически продавать Тайваню крупные партии современного оружия. В частности, в 1992 г. был подписан контракт на продажу Тайбэю 60 истребителей «Мираж» на сумму 4,5 млрд долл.

Нормализация двусторонних отношений произошла во второй половине 1990-х гг. В 1994 г. была достигнута договоренность о том, что правительство Франции рекомендует предприятиям военной промышленности не заключать новых контрактов на продажу вооружений на Тайвань.

В мае 1997 г. Китай и Франция подписали Заявление о всеобъемлющем партнерстве. В данном документе, как и в подписанной годом ранее Российско-китайской декларации о стратегическом взаимодействии<sup>7</sup>, отмечались тектонические сдвиги, происходящие в мире, подчеркивалась важность тенденции многополярности в мире, выделялась особая роль двух стран как постоянных членов СБ ООН в международных делах. Как отмечалось нами в предыдущих публикациях, принцип уважения разнообразия социально-экономических систем и моделей политического развития прочно вошел в методологический и стратегический арсенал внешней политики КНР еще с 1990-х годов<sup>8</sup>.

Признание во второй половине 1990-х гг. обеими сторонами многополярности и глобализации как основных политической и экономической тенденций современного мирового развития в значительной степени позволило форсировать переговоры о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию. Именно в период председательства Франции в ЕС во второй половине 2000 г. были достигнуты договоренности между Брюсселем и Пекином об условиях вступления КНР в ВТО.

Еще больше оживились двусторонние отношения после того, как в начале 2003 г. к власти в КНР пришел новый лидер Ху Цзиньтао, выдвинувший в качестве одной из основных внешнеполитических стратегий активизацию связей на европейском направлении. Менее чем за год после избрания председателем КНР он дважды побывал во Франции, а 27 января 2004 г. первым из китайских лидеров

выступил в Национальном собрании Республики. В подписанном по итогам визита совместном заявлении двусторонние отношения были охарактеризованы как всеобъемлющее стратегическое партнерство. Франция наряду с Германией стала инициатором планировавшейся отмены введенного в 1989 г. европейского эмбарго на поставку вооружений Китаю (в Париже на официальном уровне обсуждались перспективы продажи более 200 истребителей Дассо «Мираж» 2000, а китайские летчики планировали начать тренировки летом 2005 г.).

Не снизил стратегический уровень политического взаимодействия и кратковременный кризис в двусторонних отношениях, связанный со встречей президента Н. Саркози с Далай-ламой в декабре 2008 г. Уже в начале апреля 2009 г. в ходе личной встречи Ху Цзиньтао с Саркози на полях лондонского саммита G-20 состоялась окончательная нормализация. В подписанном двумя лидерами совместном заявлении подтверждалась приверженность Франции концепции «одного Китая», декларирующей Тибет неотъемлемой частью КНР. Со своей стороны и Пекин не желал длительного разрыва со страной, чей международный авторитет существенно возрос благодаря посредничеству в разрешении российско-грузинского конфликта. В ноябре 2010 г. состоялся визит Ху Цзиньтао во Францию, в ходе которого были подписаны многомиллиардные контракты и принято решение о проведении перекрестных годов китайского и французского языков.

Избранный в 2012 г. президентом Франции от социалистической партии Ф. Олланд объявил о преемственности курса на стратегическое партнерство с Китаем, несмотря на традиционно острую критику Пекина со стороны французских левых: например, перед началом выступления Ху Цзиньтао в Национальном собрании в 2004 г. депутаты-социалисты покинули зал заседаний. На второй день после победы на президентских выборах Олланд провел встречу с послом КНР во Франции Кун Цюанем и выразил готовность содействовать дружественным обменов и сотрудничеству с Китаем. После вступления в должность президента страны он многократно заявлял, что усиление французско-китайских отношений всестороннего стратегического партнерства является приоритетным направлением дипломатии Франции. По мнению бывшего китайского посла во

Франции Чжао Цзиньцзюня, «все это показывает, что французская сторона высоко оценивает китайско-французские отношения»<sup>9</sup>.

С тех пор двустороннее политическое взаимодействие развивается по нарастающей. В 2014 г. стороны отметили 50-летие установления дипломатических отношений, ознаменованное проведением нескольких десятков совместных мероприятий (табл. 1)<sup>10</sup>. В марте состоялся государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина во Францию, а 18 сентября, несмотря на разногласия сторон по вопросу о соблюдении прав человека в КНР, был запущен механизм высокого диалога по гуманитарному сотрудничеству.

**Таблица 1. Программа франко-китайских мероприятий, посвященных 50-летию установления дипломатических отношений**

Дата	Название
27.01.2014 г.	Запуск программы поощрения туризма «Виза за 48 часов»
27.01.2014 г.	Концерт оркестра французской республиканской гвардии в Национальном музее, Пекин
27.01.2014 г.	«Nuit de Chine» (фестиваль китайской культуры и искусства) в Grand Palais, Париж
Апрель 2014 г.	Выставки шедевров французского искусства в музеях КНР
Март—июнь 2014 г.	Ретроспектива работ Клода Моне в музеях КНР
Октябрь 2014 г.	Ретроспектива работ Огюста Родена в музеях КНР
Май—июнь 2014 г.	Выставка работ художника Янь Пэймина китайского происхождения в Пекине
Май—июнь 2014 г.	Выставка-дегустация вина и чая в Пекине, резиденции МИД Франции Château de La Celle-Saint-Cloud и Париже
Осень 2014 г.	Выставка артефактов династии Хань в Musee Guimet, Париж
Февраль—июнь 2014 г.	Выставка китайских лаковых изделий в Музее декоративного искусства, Париж

*Источник:* МИД Франции.

Не снизились темпы и в 2015 г., что связано, прежде всего, со стратегическими инициативами обеих сторон: реализацией китайской стратегии «Один пояс, один путь» (*и дай и лу*) и проведением глобального экологического саммита в Париже в ноябре-декабре. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в рамках европейского турне с 29 июня по 2 июля 2015 г. нанес визит во Францию, в ходе которого Франция стала одним из учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Также было подписано совместное заявление о сотрудничестве по экономическому освоению рынков третьих стран. Еще в 2014 г. в рамках мероприятий, связанных с 50-летием установления дипломатических отношений, было заключено соглашение о создании экогорода на территории китайского мегаполиса Ухань. В целях обеспечения успеха Парижского экологического саммита, в ноябре 2015 г. главы Франции и Китая обменялись взаимными визитами — 2—3 ноября Ф. Олланд побывал в Китае, а 30 ноября Си Цзиньпин вновь встретился с ним в Париже.

Несколько хуже обстоят дела в сфере торгово-экономического сотрудничества сторон. Среди стран ЕС по объему товарооборота с КНР Франция традиционно занимает лишь 4-е место, уступая не только Германии, но и Нидерландам и Великобритании. В отличие от динамично растущего товарооборота между ЕС и Китаем, объем франко-китайской торговли в последние годы пребывает в стагнирующем состоянии.

Крайне острой для Франции проблемой является значительный дефицит во внешней торговле с Китаем. В 2015 г., например, он составил 16,3 % общенационального показателя (табл. 2).

Большие надежды стороны возлагают на перспективы сопряжения китайской стратегии «Один пояс, один путь» с «Планом Юнкера», а также предложенной министром экономики, промышленности и информационных технологий Франции Эмманюэлем Макроном стратегией реиндустриализации «Экономика будущего» (*Industrie du Futur*)<sup>11</sup> в целях освоения рынков третьих стран. Заместитель директора департамента Европы Министерства коммерции КНР Ма Шэ при этом отмечает, что у принятого в 2015 г. первого десятилетнего плана действий, нацеленных на модернизацию

**Таблица 2. Объемы товарооборота, экспорта и импорта в двусторонней торговле Франции и Китая, млрд долл.**

	Объем торговли с ЕС	Объем торговли с Францией	Экспорт Китая во Францию	Экспорт Франции в Китай
2010	479,7	45,2	30,7	14,5
2011	567,2	53	34,3	18,7
2012	546,1	52,6	32,6	20
2013	559,1	52,3	32,7	19,6
2014	615,1	55	33,7	21,3
2015	564,9	50,5	30,7	19,8

*Источник:* Министерство коммерции КНР.

**Таблица 3. Основные отраслевые направления китайской и французской стратегий**

Китайская стратегия «Сделано в Китае — 2025»	Французская стратегия «Экономика будущего»
<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Высокотехнологичная индустрия нового поколения.</li> <li>2. Станки с цифровым управлением и новое поколение роботов.</li> <li>3. Аэрокосмическое оборудование.</li> <li>4. Морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда.</li> <li>5. Передовое оборудование для рельсового транспорта.</li> <li>6. Энергосбережение и автомобили, работающие на новых источниках энергии.</li> <li>7. Электроэнергетическое оборудование.</li> <li>8. Сельскохозяйственное машиностроение.</li> <li>9. Новые материалы.</li> <li>10. Биофармацевтика и высокотехнологичная медицинская техника</li> </ol>	<ol style="list-style-type: none"> <li>1. Новые материалы.</li> <li>2. «Умные» города.</li> <li>3. Экомобильность населения.</li> <li>4. Транспорт будущего, более конкурентоспособный на международных рынках.</li> <li>5. Медицина будущего.</li> <li>6. Информационная экономика.</li> <li>7. Робототехника и «умные» приборы.</li> <li>8. Создание дружественной к инновациям экономической среды.</li> <li>9. Выбор «умного» питания</li> </ol>

*Источник:* Госсовет КНР, МИД Франции.

национальной промышленности «Сделано в Китае — 2025» (*Чжунго чжицзао — 2025*)<sup>12</sup>, гораздо большие кооперационные перспективы с французской стратегией по сравнению с аналогичным германским планом Industrie 4.0<sup>13</sup> (табл. 3).

В обеих странах особое значение придают сотрудничеству в области крупных контрактов, прежде всего в таких сферах, как атомная энергетика и гражданское авиастроение.

История китайско-французского сотрудничества в области атомной энергетике насчитывает уже почти 30 лет. В 1987 г. началось строительство одной из первых китайских АЭС «Дая Вань», осуществлявшееся при содействии французской Electricite de France. В ходе визита во Францию премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна в июне 2015 г. было подписано совместное заявление об углублении сотрудничества в области мирного атома. Оно, в частности, предусматривает, строительство трех ядерных реакторов в Великобритании с участием Китайской национальной ядерной корпорации, а также французских компаний EDF и Areva<sup>14</sup>.

Успешно развивается также франко-китайское сотрудничество в аэрокосмической сфере и в области транспорта. Продукция данной отрасли в 2014 г. составила 32,4 % стоимости французского экспорта в КНР (энергетическое оборудование и технологии — 25,7 %). Редкий визит китайских лидеров во Францию обходится без посещения завода в Тулузе — центра европейского авиастроения. Первый самолет A320 был закуплен еще в 1995 г., а в 2011 г. в КНР был поставлен первый аэробус A380. По состоянию на 2013 г., в стране эксплуатировались 876 европейских пассажирских самолетов, что составляет около половины парка гражданской авиации. Кроме того, в июне 2008 г. началась сборка самолетов A320 на совместном китайско-европейском предприятии в Тяньцзине. В 2015 г. были подписаны контракты на приобретение 100 самолетов A320 и 105 — A330.

Таким образом, несмотря на трудности в деле активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества и периодически возникающие кратковременные политические кризисы, Китай и Франция остаются друг для друга привилегированными партнерами. Структура их отношений в целом соответствует определению всеобъемлющего стратегического сотрудничества, что позволяет

ожидать устойчивого развития китайско-французского партнерства в будущем.

Характер и модель развития китайско-французских отношений представляют исключительный интерес для России по следующим причинам:

*во-первых*, они наглядно демонстрируют возможность развития полноценного стратегического партнерства даже без значительного развития торгово-экономических связей. Жизнеспособность существующей структуры китайско-французских отношений на более высоком, глобальном уровне подтверждает правоту неоднократно высказываемой директором Института Дальнего Востока РАН С.Г. Лузяниным мысли о том, что стратегическое партнерство с Россией имеет для Пекина большее значение, чем основанное прежде всего на экономической взаимозависимости сотрудничество с США<sup>15</sup>;

*во-вторых*, значительные перспективы открываются перед Россией благодаря сопряжению экономических и инновационных стратегий Китая и Франции (а также ЕС в целом) и их планами совместно выходить на рынки третьих стран. Со своей стороны Россия и ее евразийские интеграционные инициативы (прежде всего, ЕАЭС) являются ключевым звеном в реализации китайской стратегии «Экономического пояса Шелкового пути», одна из основных целей которой — дальнейшее наращивание экономических связей с Европой. В связи с этим далеко не случайным выглядит январский визит в Россию автора французской стратегии «Экономика будущего» Э. Макрона и официальное открытие французского технологического хаба в Сколково<sup>16</sup>. В сочетании с новейшими элементами институционализации российско-китайского сотрудничества в области инноваций (например, подписанием Соглашения о сотрудничестве электронных торговых площадок в январе и проведением первого Российско-китайского форума по вопросам развития и безопасности информационно-коммуникационных технологий в апреле 2016 г.) эти шаги вполне способны привести к формированию единого **Евразийского пояса взаимозависимости**, что в перспективе может позволить России преодолеть основную экзистенциальную трудность ее международного развития — дилемму перманентного выбора между Востоком и Западом.

*Примечание*

<sup>1</sup> Выступление заместителя министра иностранных дел КНР Сун Тао на конференции «Ситуация в Европе и китайско-европейские отношения». 16.08.2012. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/ce/cgmb/chn/wjbxw/t961113.htm>

<sup>2</sup> URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/pages/1-homme/dossiers-thematiques/de-gaulle-et-le-monde/de-gaulle-et-la-reconnaissance-de-la-chine/analyses/charles-de-gaulle-et-la-reconnaissance-de-la-chine-populaire.php>

<sup>3</sup> URL: [http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-02/13/content\\_6666897.htm](http://www.ciis.org.cn/chinese/2014-02/13/content_6666897.htm)

<sup>4</sup> URL: [http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content\\_63114.htm](http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_63114.htm)

<sup>5</sup> *Gill B., Murphy M.* China-Europe Relations: Implications and Policy Responses for the United States. Washington: CSIS, 2008. P. 18.

<sup>6</sup> URL: <http://www.sciencespo.fr/cei/sites/sciencespo.fr/cei/files/jpcabest.pdf>

<sup>7</sup> Совместная российско-китайская декларация. 25.04.1996. URL: <http://www.mid.ru/documents/10180/2258943/1996.pdf/fa07b8a9-dc15-4d4e-be4d-7cdc850ff9b>

<sup>8</sup> *Тимофеев О.А.* Модели интеграции в Восточной Азии: влияние США и позиция КНР // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 49.

<sup>9</sup> URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8218216.html>

<sup>10</sup> URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/china/france-and-china/50th-anniversary-of-diplomatic/article/programme-of-commemorative-events>

<sup>11</sup> См.: URL: <http://www.economie.gouv.fr/lancement-seconde-phase-nouvelle-france-industrielle>

<sup>12</sup> См.: URL: [http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content\\_9784.htm](http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm)

<sup>13</sup> URL: <http://www.tradetree.cn/content/4785/4.html>

<sup>14</sup> URL: [http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2015-07/17/content\\_21307221.htm](http://europe.chinadaily.com.cn/epaper/2015-07/17/content_21307221.htm)

<sup>15</sup> *Лузянин С.Г.* Как достичь «взаимной выгоды»? // Российская газета. 01.04.2013.

<sup>16</sup> URL: <http://www.skoltech.ru/2016/01/bolshoj-den-frantsii-v-skolkovo>



*А.К. Криворотов, А.О. Виноградов*

## ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НОРМАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКО-НОРВЕЖСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Аннотация.* В статье рассматривается развитие отношений КНР и Норвегии в условиях двустороннего дипломатического кризиса, вызванного присуждением Нобелевской премии мира китайскому диссиденту в 2010 г. Объективно Норвегия намного больше заинтересована в возобновлении политического диалога, но в скором будущем это маловероятно, поскольку с обеих сторон затронуты интересы национального престижа, а экономическое сотрудничество продолжается и в текущих условиях.

*Ключевые слова:* Норвегия, КНР, дипломатический кризис, экономическое сотрудничество, Арктика, перспективы урегулирования.

В общей картине связей КНР и Западной Европы Норвегия — малая северная страна с населением всего 5 млн человек, расположенная в противоположном «углу» Евразии — занимает скромное место. Норвегия не входит в ЕС и не принадлежит к числу приоритетных партнеров Китая в Европе. Тем не менее, на ее примере можно проследить изменения в отношении Пекина к континенту в целом — после мирового экономического кризиса, затронувшего Европу, пожалуй, в наибольшей степени. Китай занимает активную позицию, прекрасно понимая, что сегодня европейские страны все

больше зависят от наличия хороших отношений с ним, прежде всего в экономической области<sup>1</sup>. И ведет себя соответствующим образом, жестко реагируя на любые попытки со стороны европейцев каким-либо образом ущемить его национальные интересы. В качестве одного из первых примеров можно привести отмену Пекином саммита КНР — ЕС в декабре 2008 г. в связи с визитом в Европу Далай-ламы и его встречей с тогдашним президентом Франции Николя Саркози (Франция в тот момент председательствовала в Евросоюзе). Именно в этом контексте стоит рассматривать и дипломатический кризис в отношениях КНР с Норвегией, разразившийся осенью 2010 г. и продолжающийся по сей день.

В первое десятилетие XXI в. двусторонние связи развивались вполне успешно. Китайцев в Норвегии интересуют технологии нефтегазодобычи на шельфе, возможности проникновения в Арктику, опыт эффективной социальной политики в условиях рыночной экономики. Со своей стороны, Китай привлекает норвежцев как колоссальный и динамично растущий рынок, все более важный внешнеполитический партнер и один из ключевых «игроков» в деле глобальной борьбы с парниковыми газами, занимающей в политике Норвегии особо значимое место. В августе 2007 г. в Осло была даже обнародована Стратегия правительства в отношении Китая, определившая пять приоритетов: экономические связи с упором на доступ норвежских производителей на рынок КНР, устойчивое развитие, демократия и права человека, распределение общественных благ и международные проблемы<sup>2</sup>.

Однако, в октябре 2010 г. двусторонние отношения были моментально испорчены после присуждения Нобелевской премии мира китайскому правозащитнику Лю Сяобо. Официальный представитель МИД Китая Ма Чжаосюй заявил тогда, что, награждая человека, осужденного по уголовной статье, норвежцы пособничают преступности<sup>3</sup>. При этом власти КНР, впервые в истории премии, обратили свой гнев не на присудивший ее Норвежский Нобелевский комитет, а на Норвегию как государство, потребовав официальных извинений.

Реакция Китая была жесткой, но вполне прагматичной и избирательной. Политический диалог двух стран свернут, однако посоль-

ства продолжают достаточно активно работать. Так, 14 апреля 2016 г. верительные грамоты норвежскому королю вручил новый посол Китая Ван Минь — опытный дипломат, перед этим шесть лет прослуживший заместителем постоянного представителя КНР при ООН в Нью-Йорке<sup>4</sup>. Норвегия держит в Пекине одно из своих крупнейших посольств (54 сотрудника), плюс еще по два генеральных и почетных консульства. В то же время с политическим руководством стран пребывания послы не общаются. Норвегия стала единственным государством Западной Европы, которому Китай в конце 2012 г. не облегчил въездного режима.

С 2010 г. заморожены переговоры о создании двусторонней зоны свободной торговли. Экономические, научные и культурные связи двух стран развиваются, судя по всему, в той степени, насколько это выгодно Китаю. Власти КНР не вводили против Норвегии четко определенных торговых санкций, но, например, весьма осложнили доступ на свой рынок «визитной карточки» норвежцев — атлантического лосося (семги). Сразу после присуждения Нобелевской премии китайская сторона прервала переговоры с министром рыболовства Норвегии Лисбет Берг-Хансен о снижении соответствующих ввозных пошлин<sup>5</sup>. В дальнейшем, ссылаясь на санитарные нормы, китайские власти периодически пресекали закупки то из одной, то из другой норвежской губернии, втягивая экспортеров в изнурительные переговоры. Если до кризиса норвежские поставщики удерживали 92 % китайского рынка лосося, то спустя два с половиной года эта доля упала до 29 %<sup>6</sup>.

Были приторможены некоторые инвестиционные проекты. В частности, канадская нефтяная компания Nexen, приобретенная в 2013 г. китайской China National Offshore Oil Corporation (CNOOC), не стала, вопреки прогнозам наблюдателей, принимать участия в проходящем сейчас 23-м раунде лицензирования недр на шельфе Норвегии, хотя имеет для этого необходимый допуск. Эксцентричный китайский миллиардер Хуан Нюйбо, которому в 2011 г. не удалось приобрести большой участок земли в Исландии<sup>7</sup>, в начале 2015 г. был вынужден в последний момент отказаться и от покупки 100 га земельных и лесных угодий в идиллическом уголке Северной Норвегии, т.н. Люнговых Альпах близ г. Тромсё. Причем, если в

первом случае отказ поступил от профильного исландского министерства, то во втором Хуан Нюйбо, по всей видимости, действовал под давлением Пекина: и норвежский собственник, и местные власти, и даже посол КНР в Осло поддерживали сделку<sup>8</sup>.

В восстановлении двустороннего диалога Норвегия объективно заинтересована много больше: экономические потенциалы и международное влияние двух стран несопоставимы. По данным норвежских СМИ, левоцентристский кабинет Йенса Столтенберга, правивший в стране до октября 2013 г., вел на сей счет закрытые переговоры с китайцами. Однако выдвинутые ими условия — в частности, принесение Норвегией непубличных, но официальных письменных извинений — счел неприемлемыми<sup>9</sup>.

Приход к власти нынешней праволиберальной коалиции пришелся на череду острых международных кризисов, в результате которых гораздо отчетливее обозначились главные «силовые линии» мировой политики. Для официального Осло это, безусловно, ориентация на союзнические отношения с США и в целом с Североатлантическим блоком (тем более, что сам Й. Столтенберг стал генсеком НАТО).

Норвегия также планирует вступить в созданное по инициативе Б. Обамы Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, в то время как в аналогичное (и, по общему мнению, более перспективное) Транстихоокеанское партнерство Китай приглашен не был.

Тем не менее, норвежцы и в таких условиях не скрывают интереса к воссозданию полномасштабных двусторонних отношений. Выступая 1 марта 2016 г. в Стортинге (парламенте) с традиционным докладом по внешней политике, министр иностранных дел Норвегии Берге Бренде отметил: «Экономический рост Азии сдвигает геополитический маятник. Кризис в Бразилии и проблемы роста Китая показывают, что процесс этот нелинеен, но сила по-прежнему смещается на восток и юг. Мы движемся в сторону более фрагментированного и многополярного мира». Поэтому, вновь заявив о лидирующей роли США в мировой политике и в обеспечении безопасности самой Норвегии, министр подчеркнул, что «перемещение центра тяжести мировой экономики и политики — процесс естест-

венный и закономерный... В интересах Норвегии — нормализовать двусторонние отношения с Китаем»<sup>10</sup>.

Руководствуясь такими соображениями, норвежцы предприняли ряд политических шагов, демонстрирующих добрую волю в отношении КНР и намерения улучшить отношения. В частности, в 2013 г. Норвегия поддержала заявку Китая на статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете (несмотря на громкие публичные угрозы ее заблокировать). В 2014 г. норвежские министры и депутаты, вызвав волну жесткой критики внутри страны и за ее пределами, отказались встречаться с посетившим Осло Далай-ламой — тоже, кстати, лауреатом Нобелевской премии мира за 1989 г.<sup>11</sup> Следуя примеру Великобритании и ФРГ, в 2015 г. Норвегия вошла, несмотря на критическое отношение США, в число учредителей созданного по китайской инициативе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Внося соответствующий договор на ратификацию в Стортинг, правительство подчеркнуло, что вступление в ААБИ призвано, помимо прочего, послужить сигналом о желании Норвегии иметь хорошие отношения и сотрудничать с Китаем<sup>12</sup>. Для участия в учредительном заседании совета управляющих банка, состоявшемся в январе 2016 г., Пекин посетила статс-секретарь норвежского МИД Туне Скуген<sup>13</sup>.

Правда, пока эти шаги не имели большого эффекта. Так, в связи с заявкой Норвегии на присоединение к АБИИ посольство КНР в Осло заявило: «Наша позиция по китайско-норвежским отношениям остается неизменной. Мы надеемся, что с норвежской стороны будет сделано больше для восстановления взаимного политического доверия между нашими двумя странами и предприняты позитивные усилия по улучшению двусторонних связей»<sup>14</sup>.

Выжидательную позицию китайской стороны можно понять, поскольку жесты доброй воли норвежцев чередовались с довольно чувствительными уколами. Инициатором их обычно выступала норвежская контрразведка — Служба безопасности полиции (СБП). В январе 2015 г., чуть ли не впервые в истории страны, за ее пределы были выдворены двое ученых — китаец и гражданин неназванного европейского государства, научные сотрудники Университета Агдера на юге Норвегии, занимавшиеся проблемами ветровой энергети-

ки. По неофициальным комментариям, высылку устроила СБП, нашедшая в работе ученых угрозу государственной безопасности: полученные ими знания якобы могли использоваться в ракетостроении, поскольку оба исследователя были связаны с китайским университетом, активно обслуживающим оборонный комплекс. Интересно, что китаец к тому времени уже три года проработал в Норвегии, причем его научным руководителем был сам ректор университета<sup>15</sup>.

Вскоре после этого в своем открытом анализе внешних угроз СБП впервые назвала Китай (наряду с «традиционной» Россией) в числе несоюзных Норвегии стран, обладающих наибольшими возможностями по ведению против нее разведывательной деятельности<sup>16</sup>.

Со стороны трудно судить, насколько внутренне скоординированными были действия норвежских властей — исполняла ли спецслужба отведенную ей роль «злого следователя» либо же проявляла инициативу, не согласованную с другими ведомствами. В годы холодной войны в истории СБП, как и других контрразведок, имелись прецеденты, когда она самостоятельно действовала на обострение, руководствуясь собственными представлениями об угрозах национальной безопасности или, возможно, для поднятия своего аппаратного «веса» внутри страны<sup>17</sup>. Так или иначе, китайская сторона в обоих случаях отреагировала резко отрицательно и достаточно эмоционально, обвиняя Осло в сохранении менталитета холодной войны. После высылки ученых советник по политическим вопросам Посольства КНР в Осло Ма Цян вынес МИДу Норвегии официальный протест и заявил прессе, что инцидент «будет иметь серьезные последствия для двусторонних отношений»<sup>18</sup>.

У Осло также остается элемент недоверия к планам КНР в отношении норвежского арктического архипелага Шпицберген, где с октября 2003 г. уже действует китайская научная исследовательская станция «Жёлтая река». Согласно Парижскому договору о Шпицбергене 1920 г., граждане любой страны-участницы договора, включая КНР, имеют право туда беспрепятственно въезжать и заниматься любой научной и коммерческой деятельностью. Власти Норвегии воспринимают это ограничение суверенитета весьма болезненно. Поэтому, когда весной 2014 г. прошел слух, что упомянутый Хуан

Ньюбо может еще и купить у частных владельцев объявленный к продаже крупный земельный участок в центре Шпицбергена (что сам он отрицал), норвежские политики и эксперты однозначно расценили это как признак стремления КНР создать плацдарм для экспансии в Арктике. «Норвегия не может пойти на такой риск, для нас это вопрос стратегической важности», — заявила тогда лидер одной из парламентских партий и бывшая член правительства Лив Сигне Наварсете, добавив, что в условиях столь жесткого давления со стороны Пекина нет смысла идти навстречу китайскому инвестору. В итоге действующее правительство Норвегии озаботилось тем, чтобы выкупить эту землю в государственную собственность за счет бюджета<sup>19</sup>.

Тогда же, в сентябре 2014 г., профильное норвежское министерство «после всестороннего рассмотрения вопроса» отказало китайской стороне в строительстве на Шпицбергене третьей мощной антенны в рамках многостороннего проекта ЭЙСКАТ (EISCAT) по изучению космоса и верхних слоев атмосферы, переговоры о чем велись с 2010 г. Аналитики не скрывали, что у отказа были и политические причины, особенно с учетом возможностей использования получаемой информации в военных целях<sup>20</sup>.

Отметим, что при этом сотрудничество двух стран в сфере полярных НИОКР продолжается. В декабре 2013 г. два ведущих норвежских института вошли в число соучредителей Китайско-северо-европейского центра изучения Арктики, созданного на базе Китайского центра полярных исследований (г. Шанхай)<sup>21</sup>.

Влиятельной силой, заинтересованной в нормализации двусторонних отношений, остаются норвежские бизнесмены. В 2012 г. они уже создали для этого координационную структуру и инициировали особое совещание у тогдашнего министра экономики Тронда Гиске. По сообщениям авторитетной норвежской газеты «Афтенпостен», в 2014 г. китайцы даже наняли консалтинговую компанию «Ферст хаус», известную тесными связями с Союзом судовладельцев и другими предпринимательскими кругами Норвегии, для лоббирования своих интересов и проведения кампании по дискредитации Нобелевского комитета (сама «Ферст хаус», впрочем, официально это опровергала)<sup>22</sup>.

В то же время, по нашим оценкам, хозяйственные интересы сейчас уже не столь политически значимы, как в предыдущие годы. Прежде всего потому, что за минувшее пятилетие, невзирая на известные трудности вроде того же лосося, экспортеры в целом адаптировались к политическому кризису и наращивают поставки. Товарооборот двух стран, за 2000—2009 гг. выросший более чем в 6 раз, за период кризиса в целом удержал позиции. При этом самым высоким (и по экспорту, и по импорту) он оказался в 2014 г., отмеченном шпионскими скандалами (табл. 1). Норвежцы с успехом продают в Китай продукцию металлургии и большой химии (особенно органической), центробежные насосы, буровое и электрическое оборудование, судовые лебедки, научно-технические приборы. При этом, несмотря на проблемы с КНР и полную потерю некогда важного российского рынка (в результате введенных нашей страной продовольственных санкций), Норвегия в 2015 г. побила рекорд по экспорту семги как по объему — свыше 1 млн т — так и по ценам<sup>23</sup>. Таким образом, благодаря эффективному маркетингу на рынках других стран интересы норвежских рыбоводов в целом не пострадали.

*Таблица 1. Экспорт Норвегии в КНР (фоб) и импорт из КНР (сиф) (млн долл.)*

Годы	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Экспорт Норвегии	2421,32	2236,39	2920,05	2387,87	2766,02	3267,71	2954,23
Импорт Норвегии	5313,56	6562,61	8283,99	8067,74	8259,63	8431,23	7923,45

Составлено и рассчитано на основе материалов внешнеторговой статистики из банка данных Центрального статистического бюро Норвегии (URL: <https://www.ssb.no/statistikkbanken>) и обменных курсов норвежской кроны к доллару с сайта Центрального банка Норвегии (URL: <http://www.norges-bank.no/Statistikk/Valutakurser/valuta/USD/>)

Развивается двустороннее инвестиционное сотрудничество. В КНР работает около 200 компаний из Норвегии, в том числе высокотехнологичных. Так, крупнейший производитель стационарных шельфовых платформ, компания «Квэрнер» (Kværner), в апреле



2013 г. подписала 10-летнее соглашение о стратегическом сотрудничестве с China Offshore Oil Engineering Co. Ltd. (COOEC). В развитие его стороны учредили крупное СП в портовом городе Циньдао, а китайская компания получила заказ в Норвегии<sup>24</sup>. В Пекине, Шанхае и Гонконге активно действуют норвежско-китайские деловые ассоциации.

В свою очередь китайские инвестиции в Норвегии на конец 2015 г. составляли 5,45 млрд долл. — больше, чем в других скандинавских странах. В частности, в 2008 г. китайскими инвесторами был приобретен шельфовый буровой подрядчик Awilco Offshore ASA, а в 2011 г. — ведущий мировой производитель кремния и ферросиликоновых сплавов Elkem, в 2015 г. также купивший REC Group, которая выпускает кремниевые солнечные батареи. Китайская «Хуавей», «раскрутившись» в Норвегии с нуля, проложила целый ряд волоконно-оптических линий компьютерной связи. В октябре 2015 г. норвежские госструктуры провели в Пекине уже вторую конференцию с целью привлечь в страну новые китайские инвестиции<sup>25</sup>.

Анализируя успешную динамику торговых связей, исследователи Норвежского внешнеполитического института Марк Лантейн и Бьорнар Свердруп-Тюгесон сделали вывод: «По иронии судьбы, отсутствие острых экономических проблем может способствовать затягиванию политического похолодания в отношениях КНР и Норвегии, поскольку хозяйствующие субъекты не слишком активно добиваются скорейшего разрешения дипломатических затруднений»<sup>26</sup>. От себя добавим, что, хотя Китай и стал крупнейшей экономикой мира, расширение связей с ним сейчас вызывает в Норвегии и растущее беспокойство.

Во-первых, норвежцы (в том числе в официальных документах правительства и Центробанка) с нескрываемым опасением ожидают «жесткой посадки» китайской экономики, воспринимая ее как значимый фактор риска для себя. «Если [экономический] рост в Китае будет и далее ослабляться, то проблемы возникнут не только у китайцев. Норвегия как нефтяная страна может ощутить это острее многих других», — предупреждала в 2015 г. «Афтенпостен» в редакционной статье<sup>27</sup>.

Во-вторых, в 2015 г. из-за резкого падения цен на нефть произошла мощная, примерно на треть, девальвация норвежской кроны против доллара США и китайского юаня. Это обстоятельство, наряду с роботизацией производства на многих китайских фабриках, лишает КНР одного из главных инвестиционных преимуществ — дешевой рабочей силы. В результате производственные мощности, в начале века «переброшенные» норвежцами в Китай (а также Восточную Европу), сейчас нередко возвращаются в страну. Так, машиностроительная компания Raufoss Technology переносит обратно в Норвегию производство автозапчастей для европейских заводов автоконцерна «Вольво» (поставки на азиатские автозаводы будут, как и прежде, идти из Китая)<sup>28</sup>.

Ярким примером может служить главный экспортный товар Северной Норвегии — треска, продажи которой в Китай за 2007—2014 гг. выросли по весовому показателю в 10,5 раз. Дело в том, что собственники крупных траулеров с Юга Норвегии, на рубеже веков бесплатно приватизировавшие большую часть тресковых ресурсов, наладили их поставки на переработку в КНР. При этом внутри страны было резко сокращено традиционное производство вяленой и сушеной трески, весьма популярной в Южной Европе, Северной Америке и Бразилии.

По оценкам, рентабельность производства рыбного филе в КНР была на 10 % выше, чем в Норвегии, что уже оправдывало столь далекую перевозку<sup>29</sup>. В итоге Китай стал вторым по значимости импортером норвежской трески, в 2014 г. закупив 49 тыс. т, или 19 % ее общего объема. В то же время цена килограмма трески, поставляемой в КНР, была на 40 % ниже средней и в несколько раз уступала вырученной на премиальных рынках. Причина этого заключается в структуре экспорта в КНР: 99 % его составляет примитивно обработанная и замороженная рыба, которую по прибытии в Китай размораживают на местных фабриках и выпускают из нее стандартные рыбные палочки<sup>30</sup>. Таким образом, под воздействием торговли с КНР структура северонорвежского рыбного экспорта упрощалась, а сам регион все более становился, как ни парадоксально, сырьевым придатком китайской рыбопереработки. Но в 2015 г. тенденция переменялась. Норвежские рыбаки сократили поставки трески в КНР

более чем вдвое — до 22,5 тыс. т<sup>31</sup>, резко расширив переработку внутри страны, и министр рыболовства Пер Сандберг обещал им в этом помочь<sup>32</sup>.

В-третьих, пока не оправдываются надежды на Китай как мощного транзитера по Северному морскому пути (СМП). На это весьма рассчитывали в норвежском Заполярье и особенно в приграничном с Россией порту Киркенес, который позиционируется как отправная точка для плаваний по СМП. Кроме того, промышленно-судоходная группа киркенесского миллионера Феликса Чуди, ориентируясь на китайский рынок, в 2009 г. возродила в городе железорудную шахту, некогда закрытую государством за убыточность. Первым иностранным коммерческим рейсом по трассе СМП стал переход в Китай в 2010 г. сухогруза с 40 тыс. т руды с этого рудника, организованный «Чуди Групп» (Tchudi Group) с помощью Росатомфлота<sup>33</sup>.

Однако в условиях кризиса сквозной транзит по Севморпути практически прекратился, за 2013—2015 гг. упав с 1,4 млн т до 36 тыс. т (хотя внутрироссийские перевозки выросли более чем на 40 %). Шахта Чуди обанкротилась. Сам Ф. Чуди не исключает ее повторного открытия, но уже в куда меньших масштабах. Норвежские специалисты отмечают, что китайцы по-прежнему проявляют интерес к СМП (как к средству устранить свою одностороннюю транспортную зависимость от Малаккского пролива), но будут готовы всерьез им пользоваться лишь при условии разрешения сохраняющихся проблем административного и инфраструктурного характера. Но сейчас норвежских северян это беспокоит в меньшей степени: регион активно растет на экспорте рыбы, рыбопродуктов и минерального сырья в страны Запада, получившем мощный импульс от девальвации.

\* \* \*

Норвежские журналисты Х. Эgrim и К.А. Нильсен в 2015 г. выпустили в Осло интересную книгу «Китай против Норвегии. Неизвестная история: от отказа Мао и до сегодняшнего кризиса». Они показали, что текущее обострение двусторонних отношений — далеко не первое за минувшие полвека (правда, раньше они часто не становились достоянием широкой общественности). Так, в 1950 г.

китайская сторона обиделась на карикатуру на Мао Цзэдуна в одной из крупнейших норвежских газет, из-за чего двусторонние дипотношения на уровне посольств были установлены лишь пять лет спустя. Исходы таких противостояний бывали разными: в одних случаях норвежцы «шли на попятный», в других — твердо стояли на своем<sup>34</sup>.

На сей раз кризис явно затянулся, и перспективы его урегулирования неясны. За это время в КНР пришло к власти новое поколение руководителей, в Норвегии сменилось правительство, но напряженность сохраняется, поскольку с обеих сторон, помимо прочего, задеты эмоционально значимые соображения национального престижа.

Норвежцы, всячески подчеркивая независимость своего Нобелевского комитета (что, впрочем, никогда не препятствовало высокой политизированности его решений), не могут, «не потеряв лица», извиниться перед Китаем от имени государства. Тем более, что и официальной политике, и в общественном мнении страны традиционно присутствуют мощные нотки морализаторства, самоощущения безупречного и стойкого защитника попираемых прав и свобод человека. Здесь сказываются и традиции строгой протестантской этики, и «чистое прошлое» страны, которая подарила миру выдающихся ученых, путешественников и деятелей искусств, но не имела колониального прошлого и не вела (со времен викингов) захватнических войн.

Китайское же руководство со своей стороны не способно «молча проглотить» решения Нобелевского комитета, воспринимаемого как сугубо недружественный шаг и попытку давления извне. Хорошую картину взаимного непонимания нарисовал Лейв Люнде, директор Института Фритьофа Нансена — ведущего в Норвегии центра по изучению мировой (особенно арктической и дальневосточной) экономики и политики. Он отмечал, что за период кризиса добрый десяток раз посещал КНР, где общался с коллегами-учеными, политиками и бизнесменами. Многие из них критически относились к Норвегии, считая ее заносчивой малой страной с европейской периферии. Большинство китайских собеседников, однако, с уважением отзывались о достижениях норвежцев в сфере добычи нефти, судо-

ходства, освоения Арктики, охраны природы, социальной ответственности компаний и др. Они искренне надеются на восстановление добрых отношений и ищут пути к этому. Но «и они удивляются неготовности и неспособности Норвегии понять сложное общественное устройство и модель развития Китая. Масштабы этой страны, ее историю, национальную гордость, стратегию развития, основополагающую значимость политической стабильности и поэтапности изменений, необходимость вводить правовые и политические реформы постепенно, по мере экономического развития, заручаясь пониманием таких взвешенных шагов со стороны широкого населения. И нежелание принимать на веру готовые решения от миссионеров-легковесов из других частей света»<sup>35</sup>.

Еще жестче реакция на поведение норвежской стороны в китайском сегменте Интернета. Так, например, в феврале 2015 г. известный китайский блогер, пишущий под псевдонимом «Саньшань» («три пихты»), реагируя на высылку из Норвегии китайского ученого, припомнил норвежцам и награждение Нобелевской премией мира Далай-ламы, и вручение той же премии Лю Сяобо, подчеркнув, что все эти действия, также как и обвинения в адрес Китая в «создании угрозы» для Норвегии, объясняются тем, что Норвегия является членом НАТО и «пешкой США» на северном фланге Европы. «Уколы» в адрес Китая со стороны Норвегии — часть глобальной стратегии США<sup>36</sup>. Автор комментария подчеркивает, что норвежцы уже понесли убытки из-за скандала 2010 г. А сегодня Норвегия, несмотря на прохладные отношения, является одним из популярных туристических маршрутов для китайцев. Так что в случае, если норвежская сторона будет и дальше предпринимать по отношению к КНР недружественные действия (например, откажется от поддержки Китая в Арктическом совете), пострадает и туристический бизнес королевства.

Другие комментарии в китайской сети отличает даже более критическая, а зачастую и пренебрежительная тональность. В отличие от официальных пекинских властей, старающихся проявлять дипломатическую сдержанность, китайские рядовые пользователи Интернета не скрывают своих чувств, указывая на несопоставимость маленькой Норвегии и великого Китая, разность их потенциалов и

роли в мире. И подобное отношение вполне укладывается в сложившиеся в последнее время в Китае настроения.

С учетом изложенного, нормализация политического диалога между Норвегией и КНР в близкой перспективе представляется маловероятной. Такие же прогнозы в статьях и частных беседах высказывают и норвежские эксперты.

Гипотетически «примирить» две страны могло бы появление (или осознание) некоего взаимного жизненного интереса, как вариант — новой и общей для обеих угрозы безопасности. Но пока такие сценарии не просматриваются, особенно если учитывать, что Норвегия сейчас довольно четко следует в русле американской политики, а Китай намеренно избегает как лишних обострений, так и слишком глубокой «увязки» с США.

В связи с этим нельзя не отметить, что единственной страной, граничащей и с Норвегией, и с КНР, является Россия. Играть роль посредника в данном конфликте РФ пока едва ли сможет: действующее норвежское правительство заняло жестко критические позиции по вопросу Крыма, наш двусторонний диалог по многим направлениям практически свернут. Будем, однако, надеяться, что на перспективу китайские и норвежские политики станут рассматривать Россию как потенциальное связующее звено (и в политических контактах, и в транспортных цепочках) и воздержатся от соблазна рисовать из нее «образ общей угрозы».

### Примечания

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Виноградов А.О.* Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 132—140; *Виноградов А.О.* Китай и страны Европейского Союза во втором десятилетии XXI века // КНР: политика, экономика, культура, 2013—2014 г., М.: ИДВ РАН, 2014; *Виноградов А.О.* Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5 и др.

<sup>2</sup> Regjeringens Kina-strategi. Oslo, 2007. 19 pp.

<sup>3</sup> Norge oppmuntret til kriminalitet. URL: [http://www.nrk.no/nobel/\\_-norge-oppmuntret-til-kriminalitet-1.7335650](http://www.nrk.no/nobel/_-norge-oppmuntret-til-kriminalitet-1.7335650)

<sup>4</sup> Biographical Note of Ambassador WANG Min. URL: <http://www.chinese-embassy.no/eng/zjsg/dsjl>; Nye ambassadører fra Sri Lanka, Kina, Laos og Qatar. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/nye-ambassadors/id2484088>

<sup>5</sup> Тулунов Д. Членство Китая в Арктическом совете. URL: [http://russiancouncil.ru/inner/?id\\_4=1986#top-content](http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1986#top-content)

<sup>6</sup> «Китайская стена» перед норвежской семгой. URL: <http://norginfo.com/biznes/moreprodukti/1317-kitayskaya-stena-pered-norvezhskoy-semgoy>; Baker B.D. Soul or Salmon? Norway's Chinese Dilemma // The Diplomat. May 09, 2014; Kina innfører nye restriksjoner på import av norsk laks. URL: [http://www.mattilsynet.no/matt\\_og\\_vann/eksport\\_av\\_mat/eksport\\_av\\_fisk\\_av\\_sjomat/kina\\_innfoerer\\_nye\\_restriksjoner\\_paa\\_import\\_av\\_norsk\\_laks.18546](http://www.mattilsynet.no/matt_og_vann/eksport_av_mat/eksport_av_fisk_av_sjomat/kina_innfoerer_nye_restriksjoner_paa_import_av_norsk_laks.18546)

<sup>7</sup> Подробнее см.: Криворотов А.К. Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 163, 170—171.

<sup>8</sup> Chinese tycoon buys 100 hectares from Norway. URL: <http://www.norwaynews.com/en/~view.php?735ykD58dboic672R87353Jwab84bhS64544Qcu084dRPO88ePjC28>; Solstad S. Giæver solgte 1.000 mål tomt til kineser — salget ble ikke noe av. URL: <http://www.nord24.no/giaver-solgte-1-000-mal-tomt-til-kineser-salget-ble-ikke-noe-av/s/5-32-12561>

<sup>9</sup> Skard K. Stanset hemmelig Kina-løsning // Dagens Næringsliv, 2. september 2014; Norge møter knallharde Kina-krav i hemmelige forhandlinger i Oslo. URL: <http://www.nrk.no/norge/kina-med-knallharde-krav-1.11680018>

<sup>10</sup> Brende B. Utenrikspolitisk redegjørelse. Stortinget, 1. mars 2016. URL: [https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/redegjoerelse\\_160301/id2477557](https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/redegjoerelse_160301/id2477557)

<sup>11</sup> Stone Fish I. Blame Norway. Why is Oslo kowtowing to Beijing and stiff-arming the Dalai Lama? URL: <http://foreignpolicy.com/2014/05/06/blame-norway>; Stanghelle H. Feighetens hus // Aftenposten. 22.april 2014.

<sup>12</sup> Prop. 3 S (2015—2016). Samtykke til ratifikasjon av avtale av 29. juni 2015 om opprettelse av Den asiatiske investeringsbanken. Oslo: Det Kgl. Utenriksdepartement, 2015. S. 3, 9.

<sup>13</sup> Statssekretær Skogen deltek på møte i AIB i Beijing. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/aib/id2469858>

<sup>14</sup> McDonald J. Norway signals wish to join China-led Asian investment bank. URL: <http://www.dailymail.co.uk/wires/ap/article-3019783/Norway-signals-wish-join-China-led-Asian-investment-bank.html>

<sup>15</sup> UiA-forskere utvist på grunn av fare for rikets sikkerhet. URL: <http://www.nrk.no/sorlandet/forskere-ved-uia-utvist-av-norge-1.12177709>

<sup>16</sup> Åpen trusselvurdering 2015. Oslo, Politiets sikkerhetstjeneste, 2015. S. 3, 18.

<sup>17</sup> Самый известный такой пример — арест в 1984 г. высокопоставленного норвежского дипломата Арне Трехолта, впоследствии осужденного к 20 годам

тюрьмы за шпионаж в пользу СССР и... Ирака на основании весьма шатких улики, вполне вероятно, сфальсифицированных СБП (см.: *Трехолт А.* Серые зоны. Шпион, которого не было. М.: Международные отношения, 2005).

<sup>18</sup> Kina advarer Norge etter utvisning av kinesisk forsker // *Dagbladet*. 4. februar 2015; *Baker B.D.* From China With Love: China, Norway and Espionage // *The Diplomat*. February 14, 2015.

<sup>19</sup> *Higgins A.* A Rare Arctic Land Sale Stokes Worry in Norway // *New York Times*. September 27, 2014; *Nygård O.* Ingen trenger å tvile på at milliardæren Huang Nubo er en stråmann for det kinesiske kommunistpartiet og landets myndigheter. URL: <http://nordnorskdebatt.no/article/ingen-trenger-tvile-pa>

<sup>20</sup> *Baker B.D.* Sino-Norwegian Relations, 5 Years After Liu Xiaobo's Nobel Peace Prize // *The Diplomat*. January 04, 2016; Norsk nei til Kina-radar på Svalbard. URL: <http://www.nrk.no/troms/nekter-kina-radar-pa-svalbard-1.11927625>

<sup>21</sup> China-Nordic Arctic Research Center. URL: <http://www.npolar.no/no/nyheter/2013/2013-12-11-china-nordic-arctic-research-center.html>

<sup>22</sup> *Stanghelle H.* På svertetokt for kineserne? // *Aftenposten*. 20. mai 2014; *Westerveld J.* First House avviser at de jobber for Kina// *Aftenposten*. 21. mai 2014; *Glomnes L.M., Bakke Foss A., Staveland L.I., Aspunvik S.G., Kage G.* First House og næringslivstopper i møter om Kina // *Aftenposten*. 22. mai 2014.

<sup>23</sup> Laks og ørret for 50 milliarder i 2015. URL: <http://www.seafood.no/Nyheter-og-media/Nyhetsarkiv/Pressemeldinger/Laks-og-ørret-for-50-milliarder-i-2015>

<sup>24</sup> Kvaerner ASA: Kvaerner and COOEC establish Engineering Joint Venture in China for projects globally. URL: [www.kvaerner.com/toolsmenu/Media/Press-releases/2014/Kvarner-ASA-Kvaerner-and-COOEC-establish-Engineering-Joint-Venture-in-China-for-projects-globally/](http://www.kvaerner.com/toolsmenu/Media/Press-releases/2014/Kvarner-ASA-Kvaerner-and-COOEC-establish-Engineering-Joint-Venture-in-China-for-projects-globally/)

<sup>25</sup> *Chazan G., Carew R.* China-Led Group in Talks to Buy Awilco // *Wall Street Journal*. June 21, 2008; *Sørli K.* Welcome To Chinese Investments // *Norwegian Links*. 2015. Issue 4. P. 6; Invest in Norway in China. URL: <https://investinnorway.wordpress.com/>; сайты компаний.

<sup>26</sup> *Lanteigne M., Sverdrup-Thygeson B.* Towards the Thaw: Seeking Clarity in China-Norway Relations // *The Diplomat*. January 16, 2016.

<sup>27</sup> Kina kan gi verden økonomisk hodepine // *Aftenposten*. 30. juli 2015.

<sup>28</sup> *Finstad Ø.* Fra Kina til Norge // *Dagens Næringsliv*. 18. desember 2015.

<sup>29</sup> *Nilsen G.B.* Røkke ryster Nord-Norge // *Næringsrapport*. 2011. Nr. 6. S. 6.

<sup>30</sup> *Криворотов А.К.* Политика государства как фактор конкурентоспособности арктических регионов: методология исследования, опыт Норвегии и уроки для России // отв. ред. Ф.Д. Ларичкин. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. С. 136—137; *Christensen P.* Den norsk-arktiske torsken og verden. Torskefiskets historie. Oslo, 2009. S. 35.



<sup>31</sup> Рассчитано по материалам внешнеторговой статистики из банка данных Центрального статистического бюро Норвегии. URL: <https://www.ssb.no/statistik/kbanken>.

<sup>32</sup> *Sandberg P.* [Tale på] NNN landsstyremøte 15.02.2016. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/nnn-landsstyremote/id2475855>; *Sandberg P.* Sjømatnærings rammebetingelser. Tale på årsmøte Fiskebåt, Hotel Bristol, Oslo, 17.02.2016. URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/sjomatnaringens-rammebetingelser/id2476132>

<sup>33</sup> Historic sea route opens through the Arctic to China. URL: [http://www.tschudiarctic.com/page/208/Northern\\_Sea\\_Route\\_Project\\_2010](http://www.tschudiarctic.com/page/208/Northern_Sea_Route_Project_2010)

<sup>34</sup> *Øgrim H., Nilsen K.A.* Kina vs. Norge. Den ukjente historien fra Maos nei til dagens krise. Oslo: Kagge Forlag, 2015. 304 s.

<sup>35</sup> *Lunde L.* Klok utenrikspolitikk // Dagens Næringsliv. 11. Mai 2014.

<sup>36</sup> Чжунго юй новэй гуаньси вэйхэ лэнмо : [В чем причины охлаждения китайско-норвежских отношений?]. URL: <http://blog.ifeng.com/article/34984495.html>

А.С. Исаев

## ИНСТИТУТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КНР И ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СМИ РОССИИ И КИТАЯ

*Аннотация.* В статье прослеживаются основные направления реформирования и реструктуризации институтов формирования общественного сознания в современном Китае, в первую очередь — средств массовой информации. Автор анализирует место и роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в мультимедийной информационной работе, их применение для воздействия на социум и продвижения имиджа страны на международной арене. Рассматриваются отношения КНР с зарубежными партнерами в области масс-медиа, анализируются проблемы и перспективы сотрудничества СМИ КНР и РФ.

*Ключевые слова:* Китай, СМИ, Россия, информационная работа, влияние на общественное сознание, информационные технологии, медийное сотрудничество, манипулирование общественным мнением, информационная безопасность.

В 2000-х годах в Китае были проведены структурные реформы средств массовой информации (СМИ), других институтов формирования общественного сознания. Они были адаптированы к новым условиям в Китае, сложившимся к началу текущего столетия. Социально-политическое и экономическое развитие страны вплотную приблизило социум к формированию информационного общества.

Реструктурированные СМИ сохранили свою роль важнейшего механизма, влияющего на массовое сознание и реализующего задачи всей системы идеологической работы с населением. Видоизменились лишь инструменты этой работы. Появились акционерные медиа-холдинги с решающим участием ведущих партийно-правительственных печатных органов, которые объединили периодические издания, другие виды информационных продуктов на центральном и провинциальном уровнях и были сориентированы на мультимедийную информационную деятельность. Сформировались новые медиа на базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), началось вторжение новых СМИ в игровой и шоу-бизнес, кинематограф, а также их использование в информационной работе. Выявились преобладающее значение интернета как главной платформы по распространению всех типов информации внутри страны и за рубежом.

Мультимедийность, широкое применение социальных сетей стали главной тенденцией и механизмом расширяющегося информационного воздействия на общество.

\* \* \*

Возрастание роли СМИ в обществе было подчеркнуто на XVIII съезде КПК, состоявшемся в ноябре 2012 г., а работа с различными информационными службами и прежде всего — с интернет-ресурсами стала одной из задач нового руководства страны.

В отчетном докладе съезду были поставлены конкретные цели, касающиеся СМИ как главного института формирования общественного сознания в КНР и важнейшего средства продвижения «мягкой силы» за рубежом. В докладе было указано на необходимость «усиливать строительство сети Интернет, улучшать его контент в соответствии с ведущим течением культуры. Совершенствовать управление сетевым сообществом, осуществлять контроль над интернетом в целях его нормативного и упорядоченного функционирования на правовой основе...» И ниже: «Следует создавать систему современных СМИ, повышать возможности распространения информации»<sup>1</sup>.

Выступая 9 ноября 2013 г. перед 3-м пленумом 18-го созыва с пояснениями к «Постановлению ЦК КПК относительно некоторых

важных вопросов всестороннего углубления реформ», генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин акцентировал значимость работы с институтами формирования общественного сознания, прежде всего — с самым массовым информационным ресурсом — Интернетом. Руководитель Китая ориентировал партийный аппарат на «улучшение контрольно-руководящей системы в сфере сети Интернета». «От безопасности Интернета и информации, — подчеркнул он, — зависят государственная безопасность и социальная стабильность. Это новый вызов комплексного характера, который нам предстоит преодолеть»<sup>2</sup>. Результатом стало создание централизованной структуры по работе с Интернетом, которую возглавил руководитель партии.

К этому времени стало понятно, что идеологическая работа с обществом, ведомая партийно-правительственным аппаратом, явно не поспевает за развитием ИКТ. Популярность приобрели социальные сети с их практически мгновенным обменом информацией, которая зачастую идет вразрез с официальной точкой зрения. Специалисты, работающие на партийную идеологию, признали, что ранее принятая система контроля над СМИ утратила эффективность, а возникающие новые сегменты подготовки и распространения информации создают угрозу идеологическому влиянию КПК и ведут к рискам утраты контроля над общественным сознанием.

«По мере все большей зависимости СМИ от компьютерных сетей, — заявил Си Цзиньпин 9 ноября 2013 г., — контроль в этой сфере, как и контроль в отрасли, не поспевают за темпами изменений в развитии ситуации»<sup>3</sup>. Он особо отметил: «Стремительный рост пользователей социальных сетей (Вэйкэ, Вэйсинь и др.) и систем мгновенного обмена сообщениями, отличающихся быстрым распространением, большим влиянием, широким охватом и способностью к быстрой мобилизации общества, поставил нас перед вопросом: каким образом упрочить руководство законодательного строительства компьютерных сетей и более эффективно направлять общественное мнение?»<sup>4</sup>.

В итоге в Постановление ЦК вошло положение о необходимости упрочить контроль над компьютерными сетями на основании закона и усовершенствовать механизм управления Интернетом. Поясняя это положение, лидер КПК подчеркнул, что «эти шаги на-

правлены на то, чтобы объединить функции соответствующих органов и создать систему рационального контроля над Интернетом — от технологий до содержания, от повседневной безопасности до наказания за преступления, чтобы тем самым обеспечить правильное использование и безопасность компьютерных сетей»<sup>5</sup>. Иными словами, речь шла не о правовом решении вопроса, а о широком применении административных методов регулирования информационных потоков в сетевых ресурсах. Параллельно чиновников обязали вести диалог с пользователями китайских социальных сетей, в результате чего около 60 тыс. функционеров стали вести собственные микроблоги.

Решения нового руководства КНР в области медийной работы свидетельствуют о продолжающемся использовании методов информационного воздействия на общественное мнение и стремлении сохранять свое влияние с помощью возникающих новых цифровых технологий, средств и инструментов информационно-коммуникативного общения.

\* \* \*

Современная медиаиндустрия КНР представляет собой динамично развивающуюся отрасль, объединившую в единую систему весь комплекс институтов, инструментов и новых технологий подготовки, производства и распространения информации в стране и за ее пределами.

На начало 2013 г. вещание радио и всех видов телевидения (спутниковое, эфирное, кабельное) охватывало соответственно 97,51 % и 98,2 % территории страны<sup>6</sup>. Тогда же ежегодная продолжительность радиовещания в стране достигла 13 383 700 часов, что на 2,5 % больше данных на начало 2012 г. Общий объем производства радиовещательных программ увеличился на 3,62 % и составил к 2013 г. 7 188 200 часов. Объем телевидения к началу 2013 г. увеличился по сравнению с предыдущим годом на 1,39 %, составив 16 985 300 часов. Одновременно на 16,47 % выросло годовое производство телевизионных программ, достигшее к началу 2013 г. 3 436 300 часов. Параллельно наращивалось производство и распро-

странение новостей: на радио рост составил 18,55 %, на телевидении — на 20,25 %<sup>7</sup>.

Радио и телевидение стали превращаться в индустрии, приносящие прибыль. Общие доходы (включая производство и продажу программ, другой продукции, размещение рекламы и т. д.) радио и телевидения КНР на начало 2013 г. составили 326,879 млрд юаней; по сравнению с предыдущим годом рост составил 20,29 %<sup>8</sup>.

Одновременно активно развивался Интернет. К 2013 г. число интернет-пользователей в КНР достигло 564 млн человек — на 9,9 % больше, чем в 2011 г. (513 млн)<sup>9</sup>. В 2015 г. эта численность составила 684 млн человек, а с учетом стремительного роста пользователей мобильных технологий, по некоторым данным, 850 млн человек. В 2016 г., прогнозируют специалисты, количество интернет-пользователей в КНР превысит 711 млн.

В начале 2000-х в Китае, как и во всем мире, получила развитие блогосфера. Аналитики полагают, что сегодня 40 % китайских пользователей ведут блоги.

В 2009 г. КНР заблокировала американский ресурс Twitter, в котором размещались короткие, популярные у китайской публики сообщения. Китайские интернет-ресурсы и технологические центры были сориентированы на создание собственных, альтернативных внешним, социальных сетей. Крупнейшей в КНР микроблоговой службой стала Вэйбо, разработанная компанией Tencent. В ней зарегистрировалось более 300 млн пользователей. Собственные ресурсы в области социальных сетей предлагают такие крупнейшие китайские интернет-гиганты, как «Xinlang» (известная в России как Sina.com), NetEase и другие ресурсы. В какой-то степени это обезопасило социальные сети от внешнего влияния. Однако эти ресурсы не стали серьезной преградой для информационных потоков извне.

В КНР зарегистрировано 19,15 млн доменных имен, 2,73 млн взб-сайтов, «обеспечивающих насыщенность информационного контента»<sup>10</sup>. С появлением мобильного интернета возможности для распространения новостей еще больше возросли. По состоянию на середину 2014 г., порядка 527 млн китайцев входили в Интернет с помощью мобильной связи. Новые мобильные услуги (типа WeChat — самой популярной в КНР, Гонконге и в китайских зарубежных об-

щинах мобильной коммуникативной услуги) создали для китайских пользователей возможность мгновенного обмена информационным контентом практически любого содержания.

Начиная с 2015 г. ИА Синьхуа осуществило большое число экспериментов, включая создание роботизированной системы написания новостных сообщений, а также запуск передачи новостей с мест событий через приложение для мобильных телефонов. Это позволило корреспондентам вести прямые репортажи с использованием мобильных устройств. Агентство реализовало ряд инновационных идей для интеграции и создания цифровых платформ, необходимых для создания и распространения информации<sup>11</sup>.

При таких обстоятельствах становится понятным, что популярность новых цифровых технологий создает дополнительные возможности для людей и новые вызовы для властей в области информационной политики. И там, где не срабатывает идеология или официальные информационные ресурсы, накладываются административные запреты.

Заметим также, что несмотря на растущее воздействие ИКТ на развитие информационной сферы в китайском обществе, вытеснения традиционных СМИ из сферы информационного обращения пока не происходит. Хотя традиционные печатные СМИ по уровню влияния и степени воздействия на социум и умонастроения людей, разумеется, уже уступают свои позиции цифровым СМИ. Количественные показатели традиционных печатных СМИ медленно, но сокращаются.

Растет число электронных периодических изданий. По официальным данным, в 2012 г., например, в стране выходило 11 822 видов электронных журналов, что на 5,7 % больше уровня 2011 г. Общее число распространенных копий превысило 260 млн, что на 23,5 % выше показателя предыдущего года. При этом, как отмечают китайские источники, заметно — почти на 40,5 % — выросли прибыли от распространения цифровых периодических изданий<sup>12</sup>.

Мультимедийные и мобильные информационные инструменты сегодня развивают практически все ведущие СМИ КНР: информационные агентства Синьхуа и Чжунго синьвэньшэ (Информационное агентство «Новости Китая»), информационные холдинги

«Жэньминь жибао», «Гуанмин жибао», «Цзинзи жибао», региональные Chengdu Media Group, Guangzhou Daily Newspaper Group, Liberation Daily Newspaper Group и многие другие.

Важно отметить, что размещение новостного политического и экономического контента даже в интернет-компаниях по-прежнему зависит от цензурных решений. Поэтому содержание новостей во всех многочисленных интернет-ресурсах, а также в печатных СМИ КНР носит типовой характер. А официальная информация, предназначенная для сетевых ресурсов, печатных, электронных и телевизионных СМИ, поступает из одних и тех же официальных источников.

Есть еще специфическая особенность контентной политики в Китае, сохраняющаяся вот уже многие десятилетия. Это — многоуровневая структура распространения информации. ИА Синьхуа, например, распространяет сразу несколько информационных лент, которые имеют очевидную страноведческую и общественную направленность. Информационная лента, рассчитанная на потребителя континентального Китая, может значительно отличаться от информационных блоков для Гонконга или Макао, русскоговорящей аудитории, для европейцев или жителей Ближнего и Среднего Востока.

Общим для всех этих информационных продуктов, как правило, является только официальная информация о деятельности руководства страны, МИД КНР и другой официоз. Аналогичный подход характерен и для ведущих новостных ресурсов, которые наряду с информационными задачами выполняют внешнюю пропагандистскую миссию по распространению китайской культуры, разъяснению китайских ценностей, социальной и экономической политики.

Такой подход позволяет Китаю, с одной стороны, создавать видимость соблюдения принципа информационной объективности, а с другой — избегать возникновения неудобных моментов в случае расхождения политических или оценочных позиций в отношении того или иного явления или события.

Эффективность системной работы с общественным мнением внутри страны и за рубежом подтверждена многолетней практикой. Добавление к ней инструментов и рычагов в виде цифровых технологий создает мощные возможности для манипулирования общественным мнением.



\* \* \*

Подобные манипуляции сегодня используются в различных странах, причем как внутри самих стран, так и за их пределами. Информационные технологии становятся важным средством достижения планируемых политических результатов. А сама степень успешности воздействия на умонастроения людей в большей мере зависит от арсенала применяемых средств, а также от того, насколько этот арсенал гибок и вариативен. Чем шире и разнообразней этот арсенал, тем эффективней влияние на массовое сознание продвигаемых политических идей.

Еще одним важным условием успешного манипулирования общественным сознанием является контроль над информацией и коммуникативными средствами, каковыми являются сегодня СМИ, интернет, мобильная связь и пр. О том же свидетельствуют политтехнологии, которые применялись в новейшее время в периоды так называемой арабской весны на Ближнем Востоке, «революции роз» в Грузии, «оранжевой революции» и «революции достоинства» на Украине.

В этом контексте Китай с его экономическим и военным потенциалом, неприемлемой для ряда крупнейших зарубежных стран идеологией с начала нового столетия превратился в мишень информационного воздействия извне.

В КНР учли наработки западных стран по применению информационных средств и стратегий для достижения политических целей. Пекин сегодня пытается найти собственные рычаги противодействия внешним информационным интервенциям. Таким образом, инструментарий информационного влияния в Китае выполняет двоякую задачу: формирование необходимого властям массового сознания внутри страны и противодействие внешним идеологическим вторжениям.

Выдвижение в Китае программной концепции «китайской мечты», в основу которой заложена идея «великого возрождения китайской нации» в эпоху «огромных перемен», стала той национальной идеей и социально-психологической установкой, опираясь на которую заново отстраивается идеологическая работа государственных органов и институтов общественного сознания.

Идеология марксизма-ленинизма, идеи Мао Цзэдуна, основанный на них революционный романтизм сегодня уступают место прагматическим установкам, получившим широкое распространение в социуме за десятилетия политики реформ и открытости внешнему миру. В этих условиях выбор идеи о «китайской мечте», цементирующей общество внутри страны и в целом «китайский мир» за ее пределами, является с точки зрения китайского руководства правильным и оправданным. В этом контексте вырисовывается еще одна роль этой идеи — консолидирующая.

В современной обстановке развитие национальной идеи в Китае сопровождается переориентацией деятельности СМИ на выполнение новых информационных задач при сохранении контроля со стороны государства. Эти задачи как раз и выражаются через концепцию возрождения китайской нации, которая дает Китаю ряд преимуществ.

Во-первых, она обеспечивает политическое и экономическое наступление Китая на международной арене, укрепляет способность КНР влиять на различные сферы мировой политики, позволяет взглянуть в глазах мирового сообщества более объективной и деидеологизированной при том понимании, что коммунистическая идеология явно не та область, которая делает Китай привлекательным в глазах ведущих игроков мировой политики.

Во-вторых, она ведет к усилению воздействия на китайский социум с помощью этнокультурных, традиционных идейно-философских воззрений, национальных подходов к развитию страны и общества при определенном ослаблении догматической идеологии, акцентирует внимание на укреплении связи между социализмом с китайской спецификой и особой национальной идеей о «возрождении китайской нации».

И, наконец, «китайская мечта» становится инструментом, который позволяет выстраивать барьеры на пути проникновения в социум нежелательных мировоззренческих установок, не присущих менталитету китайцев. Крайне важно в этой связи то, что КНР не отгораживается от внешнего мира, а пытается выработать защитный механизм, позволяющий нейтрализовать нежелательное воздействие извне.

Для современного Китая это крайне важно, поскольку он стремится к реализации полноценных связей с зарубежной средой, включая поощрение традиционных и новых медиа на развитие партнерских отношений с окружающим миром. Усиление инструментов «мягкой силы» во внешнеполитической пропаганде, а также растущая вовлеченность КНР в международное сотрудничество в медийной сфере подтверждает это.

Китай вместе с информационными службами США, Великобритании, России, Японии, мировых интернет-компаний типа Google стал одним из инициаторов проведения всемирных медиа-форумов. Агентство Синьхуа вошло в состав президиума форума наряду с другими 16 мировыми СМИ<sup>13</sup>. Первые два всемирных медиа-форума прошли в 2009 и 2011 гг. Третий — 20—21 марта 2016 г. в Катаре. В нем приняли участие почти 350 руководителей информационных организаций из 100 стран, которые обсудили тему «Будущее новостей и новостных агентств».

Китай одобрил заявление форума, в котором подчеркивается императивность «консолидации взаимодействия мировых средств массовой информации». В документе, в частности, подчеркивается: «Мы выступаем за усиление общения, обмена опытом, заимствования знаний, а также за сотрудничество и общий выигрыш информационных организаций. Мы неизменно приветствуем присоединение к Всемирному медиа-саммиту относящихся к различным типам СМИ информационных организаций со всего мира... Мы выступаем за укрепление сотрудничества между информационными организациями и соответствующими международными организациями, совместное проведение направленных на общественное благо кампаний, чтобы играть еще большую роль во взаимопонимании между людьми»<sup>14</sup>.

В этой же плоскости находится и организация регулярных конференций на двусторонней основе, положительное отношение КНР к созданию новых форматов сотрудничества и взаимодействия по линии средств массовой информации. Среди таких форм деятельности — регулярные медиа-форумы «Китай—США», «Китай—АСЕАН», «Китай—Россия». КНР ведет активную работу в Организации информационных агентств стран Азии и Тихого океана (ОАНА). Осо-

бое внимание уделяется проблемам информационной безопасности, выработке международно-правовых правил поведения в «мировой паутине», которая по-прежнему работает по регламентам, которые предлагают миру Соединенные Штаты.

Одновременно ничто не мешает ведущим китайским СМИ сотрудничать с американскими производителями цифровых новостей. В рамках медиа-встречи в Дохе информационное агентство Синьхуа и американское агентство Ассошиэйтед Пресс договорились о «дальнейшем укреплении инновационного сотрудничества по переходу традиционных СМИ в цифровой формат». Глава ИА Синьхуа Цай Минчжао сообщил, что агентство провело большое количество совместных с АП исследований, касающихся перехода СМИ в цифровой формат<sup>15</sup>.

\* \* \*

Сотрудничество Китая с Россией в области СМИ по сравнению с другими странами считается сегодня наиболее продвинутым. Первые контакты между СМИ двух стран возникли в конце 1980-х годов, когда после длительного застоя в двусторонних отношениях, вызванных «культурной революцией» в КНР, связи между СМИ СССР и КНР были разморожены.

14 октября 2002 г. в Пекине была создана Российско-китайская рабочая группа по сотрудничеству в области СМИ и состоялось ее первое заседание. Его участники обсудили сотрудничество между РФ и Китаем в области телевидения, радио, издательской деятельности, вопросы взаимодействия информационных агентств, газет и других служб. Начало функционирования этого института стимулировало контакты между СМИ двух стран, которые к тому времени вышли за рамки привычных обменов журналистами информацией и предоставлением технических услуг друг другу для распространения информации. Тогда начала слагаться договорно-правовая база сотрудничества СМИ двух стран. Были заключены соглашения об информационном взаимодействии между «РИА Новости» и газетой «Жэньминь жибао», которые через год заключили соглашение о сотрудничестве в области электронных СМИ и интернет-информации.

Это соглашение стало первым документом, ориентированным на взаимодействие новых масс-медиа. Договоры о взаимодействии были подписаны между ИТАР-ТАСС и газетой «Гуанмин жибао», радиостанцией «Голос России» и Международным радио Китая и другими партнерами.

В 2008 г. Рабочая группа решением правительств двух стран была трансформирована в полноценную межправительственную Подкомиссию, которая собирается ежегодно и определяет основные цели сотрудничества в информационной области.

В 2006 г. состоялся первый журналистский медиа-форум, на котором обсуждались вопросы социальной ответственности журналистов в эпоху реформ. Состоявшиеся дискуссии позволили представителям ведущих масс-медиа двух стран лучше понять друг друга. Российские СМИ представляли широкий спектр масс-медиа — от частных до государственных, действующих в одном правовом поле на основе Закона РФ о средствах массовой информации. В то время, как китайские СМИ были представлены государственными, а также акционерными СМИ, деятельность которых регулируется правительственными и партийными директивами.

Уровень и качество взаимодействия двух стран в области масс-медиа логично подвели к тому, что 8 мая 2015 г. Президент России В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин, находившийся с визитом в Москве, объявили, что две страны проведут «Годы китайских и российских СМИ». В конце 2015 г. во время визита в КНР председателя правительства РФ Д.А. Медведева было объявлено о запуске Годов российских и китайских СМИ в 2016—2017 гг.

Показательно, что этому событию предшествовал масштабный российско-китайский медиа-форум, который состоялся 26 октября 2015 г. в Санкт-Петербурге. Представители СМИ двух стран, государственные чиновники, занимающиеся масс-медиа, сконцентрировались на обсуждении роли новых медиа в эпоху Интернета, на каналах и средствах передачи информации, на контентных особенностях новых СМИ. Дискуссии также коснулись проблем сотрудничества СМИ при освещении таких тем, как сопряжение китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и программы по укреплению Евразийского экономического союза.

Много внимания было уделено вопросам сотрудничества электронных и сетевых СМИ. Как сообщили российские информационные источники, гости медиа-форума с китайской стороны признали, что китайским и российским СМИ следует за счет обмена ресурсами и на взаимодополняемой основе совместно освещать темы международного характера, интересующие читателей обеих стран, а также темы, касающиеся двусторонних отношений<sup>16</sup>.

На втором медиа-форуме в марте 2016 г. было вновь заявлено о необходимости поднять сотрудничество СМИ на уровень, сопоставимый с уровнем политического сотрудничества руководства двух стран, и продолжено обсуждение взаимодействия в области новых медиа и ИКТ.

Интернет-ресурсы сегодня создают новые возможности для СМИ, но они же создают и новые проблемы. Пользователей Интернета в КНР и в России объединяет одно важное обстоятельство: все они считают Интернет, мобильную связь важными информационно-коммуникационными инструментами, активно ими пользуются, регулярно получают информацию из сетевых ресурсов, в том числе из тех, которые являются стимуляторами современных информационных войн.

В этом контексте представляет вполне объяснимым появление в октябре 2015 г. на заседании двусторонней Подкомиссии по СМИ новой программы взаимодействия, в которой определены 10 направлений сотрудничества медийных структур, которые удалось согласовать представителям РФ и КНР. К этим направлениям относятся укрепление взаимодействия профильных министерств и ведомств двух стран; проведение крупных медиа-мероприятий; укрепление информационного взаимодействия СМИ двух стран; сотрудничество в области подготовки кадров и повышения квалификации работников СМИ; кооперация в области съемок и производства кино; сотрудничество в области перевода, распространения и проката кино- и телепродукции; взаимодействие в области медиа-индустрии и маркетинга; наращивание сотрудничества в области новых медиа, продвижение кооперации между блогерами двух стран; интеграция новых и традиционных СМИ и т. д.<sup>17</sup>

Важно отметить еще одну сферу, которая приобретает особую значимость во взаимодействии двух стран в информационной области. 8 мая 2015 г. в Москве в ходе очередного российско-китайского саммита главы МИД двух стран подписали межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ). По оценкам МИД РФ, данный документ выводит российско-китайское взаимодействие в сфере МИБ на принципиально новый уровень.

Соглашение нацелено на совместное решение задач по обеспечению национальной и международной информационной безопасности. Документ содержит положения о необходимости создания правовых рамок для диалога по вопросам МИБ, о совместном реагировании на наиболее острые угрозы, включая противодействие использованию ИКТ в нарушение принципов международного права, в том числе для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва суверенитета, политической и экономической стабильности, разжигания межнациональной и межконфессиональной вражды. В число приоритетов российско-китайского сотрудничества входит совместная борьба с использованием ИКТ в террористических и иных противоправных целях. Соглашение также предполагает проведение совместных научных исследований по вопросам, связанным с обеспечением МИБ<sup>18</sup>.

Суммируя вышеизложенное, следует сказать, что кооперация медийных служб России и КНР, безусловно, несет положительный потенциал. Однако он имеет определенные пределы и даже подвергается рискам. СМИ любого государства, включая Китай и РФ, прежде всего обслуживают национальные интересы своей страны. Это оказывает безусловное влияние на взаимодействие медийных институтов, в том числе партнерских. Данное обстоятельство надо понимать, адекватно оценивать и правильно на него реагировать.

Во-вторых, анализ работы Пекина с институтами формирования общественного сознания, к которым относятся СМИ, показывает, что Китай не закрывается от внешнего мира, а всячески демонстрирует свою транспарентность и готовность к контактам. В то же время он выстраивает свои отношения с зарубежными странами таким образом, чтобы четко распределять роли. Если в отношениях с Запа-

дом китайскую сторону больше интересует имиджевая составляющая, а также получение доступа к новым ИКТ, то в отношениях, например, с Россией приоритетами становятся политическая и пропагандистская работа.

В-третьих, за последние 20 лет взаимодействие масс-медиа РФ и КНР расширилось и теперь опережает аналогичные связи КНР с другими странами мира. В то же время особенностью этих отношений является то, что они продвигаются с помощью административных ресурсов, а также при поддержке правительственных учреждений двух стран. Такой подход стимулирует разработку новых российско-китайских проектов в области СМИ для выстраивания взаимодополняемой информационной работы как внутри своих стран, так и на международной арене. Однако достичь полного информационного согласия, по всей очевидности, будет невозможно.

В-четвертых, медийное сотрудничество влияет на имиджевые позиции России в Китае, а Китая — в России. В опубликованном в 2015 г. в КНР «Докладе об исследовании национального имиджа Китая в 2014 году» подчеркивается, что за прошедшие годы Пекину удалось улучшить свой имидж за рубежом. Об этом свидетельствуют опросы населения США, Великобритании, Австралии, Японии, России, Индии, ЮАР и Бразилии, проведенные китайскими аналитиками. Они показали, что оценки глобального имиджа КНР по сравнению с 2013 г. поднялись на 0,8 балла. Россияне поставили Китаю самый высокий балл — 7,6 из 10 возможных. Положительное отношение к КНР в России можно рассматривать не только как результат тесных политических отношений между двумя странами, но и как определенный итог взаимодействия российских и китайских СМИ.

В заключение остается добавить, что современное сотрудничество СМИ России и Китая вступило в период информационной зрелости и понимания интересов друг друга. Оно охватывает новые области, новые медийные институты и использует современные инструменты создания и распространения контента. В этом смысле у взаимодействия российских и китайских СМИ есть хорошие перспективы и широкое поле для дальнейшего взаимодействия.



*Примечания*

<sup>1</sup> Цит по: XVIII съезд Коммунистической партии Китая (8—14 ноября 2012 г.). Экспресс-информация № 7. М.: ИДВ РАН, 2012. С 64—65.

<sup>2</sup> *Си Цзиньпин*. О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. С. 118.

<sup>3</sup> Там же. С. 118.

<sup>4</sup> Там же. С. 119.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> The Yearbook of China cultural industries. 2013. Edited by Fan Zhou, Jiang Duo. Communication University of China. Beijing: Guangming Chubanshe, 2014. P. 175.

<sup>7</sup> Ibid. P.175.

<sup>8</sup> Ibid. P.177.

<sup>9</sup> Ibid. P.53.

<sup>10</sup> КНР: экономика регионов / отв.ред. А.В. Островский; сост. П.Б. Каменнов. М.: Издательство МБА, 2015. С. 508.

<sup>11</sup> URL: [http://russian.news.cn/2016-03/21/c\\_135206791.htm](http://russian.news.cn/2016-03/21/c_135206791.htm)

<sup>12</sup> The Yearbook of China cultural industries. 2013 / Edited by Fan Zhou, Jiang Duo. Communication University of China. Beijing:Guangming Chubanshe, 2014. P. 21.

<sup>13</sup> URL: [http://russian.news.cn/2016-03/21/c\\_135209906.htm](http://russian.news.cn/2016-03/21/c_135209906.htm)

<sup>14</sup> Цит. по: URL: [http://russian.news.cn/2016-03/22/c\\_135210152.htm](http://russian.news.cn/2016-03/22/c_135210152.htm)

<sup>15</sup> URL: [http://russian.news.cn/2016-03/21/c\\_135206791.htm](http://russian.news.cn/2016-03/21/c_135206791.htm)

<sup>16</sup> URL.: <http://www.rg.ru/2015/06/26/forum-anons.htm>

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> URL: [http://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset\\_publisher/content/id/1257295](http://www.mid.ru/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/content/id/1257295)

# ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

---

*Д.В. Гордиенко*

## ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

*Аннотация.* Статья посвящена рассмотрению перспектив изменения уровня экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути.

*Ключевые слова:* экономика, Китай, мировой финансово-экономический кризис, экономическая безопасность, уровень экономической безопасности, обеспечение экономической безопасности государства.

Инициатива Экономического пояса Шелкового пути в рамках концепции «Один пояс, один путь»<sup>1</sup> дает возможность реализовать «восточный» вектор развития нашей страны и других государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

На основе продолжения и развития духа древнего Великого Шелкового пути «Один пояс, один путь» призывает к выработке новых механизмов регионального экономического партнерства, стимулированию экономического процветания вовлеченных стран, укреплению культурных обменов и связей во всех областях между разными цивилизациями, а также содействию мира и устойчивого развития. **Великий Шелковый путь**<sup>2</sup> в древности и в Средние века

представлял собой караванную дорогу, связывавшую Восточную Азию со Средиземноморьем. В первую очередь, она использовалась для вывоза шелка из Китая, с чем и связано ее название.

В 2014 г. в России началось публичное обсуждение новой концепции развития Дальневосточного региона под названием «Трансевразийский пояс “Развитие”» (ТЕПР). Попыткой активизации древнего торгового пути, соединяющего Восток и Запад, также является программа международного транспортного коридора «Европа—Кавказ—Азия» «ТРАСЕКА» (от *англ.*: «*Transport Corridor Europe—Caucasus—Asia*»), который порой называется «Новым шелковым путем». В контексте ТРАСЕКА в 2014 г. Азербайджан модернизировал паромную переправу через Каспийское море.

В рамках проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) рассматривается создание трех трансевразийских экономических коридоров: **северного** (Китай—Центральная Азия—Россия—Европа), **центрального** (Китай—Центральная и Западная Азия—Персидский залив и Средиземное море) и **южного** (Китай—Юго-Восточная Азия—Южная Азия—Индийский океан).

Анализ современного состояния обеспечения экономической безопасности ряда ведущих государств мира в условиях глобализации позволил выявить ряд тенденций, которые по характеру своего проявления можно разделить на *две группы*: группу тенденций развития форм и группу тенденций развития способов обеспечения экономической безопасности государства.

Рассмотрение этих тенденций через механизм действия основных законов и закономерностей развития сложных нелинейных и открытых экономических систем позволило выявить закономерности обеспечения экономической безопасности, которые и способствовали определению следующих **основных форм** обеспечения экономической безопасности государства:

*во-первых, экономический патронат*, который обеспечивает внутрисистемную безопасность подсистем экономического назначения страны, если совокупность этих подсистем рассматривать как целостную систему;

*во-вторых, экономическую кооперацию*, которая обеспечивает экономическую безопасность государства при взаимодействии на-

ционального хозяйства страны с различными экономическими системами, не связанными с мировым хозяйством отношениями подчиненности;

*в-третьих, экономическое противоборство*, которое является основной формой обеспечения экономической безопасности государства *в конкурентной борьбе* противостоящих сторон.

Китай, безусловно, продолжает все глубже вовлекаться в процессы глобализации. В этих условиях обеспечение экономической безопасности КНР реализуется в формах экономического патроната, экономической кооперации и экономического противоборства.

## 1. Изменение уровня экономической безопасности в рамках экономического патроната со стороны Народного банка и правительства Китая

Экономический патронат в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию и соблюдение различных норм, касающихся функционирования национального хозяйства на экономической территории государства при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Очевидно, что эффективность реализации и соблюдения соответствующих действующих норм функционирования национальных хозяйств по предупреждению, нейтрализации, локализации различных внешних и внутренних угроз и/или устранению их негативных последствий в условиях глобализации может быть рассмотрена на примере мирового финансово-экономического кризиса 2008—2010 гг. и посткризисного периода.

*Антикризисные меры Правительства Китайской Народной Республики и Народного банка Китая.* Мировой финансово-экономический кризис не подорвал китайскую экономику — она продолжила свое развитие. Тем не менее, кризис инициировал в Китае активизацию ряда процессов, направленных на преодоление негативных тенденций в развитии национального хозяйства. Реакцией государственного и политического руководства КНР на мировой финансово-экономический кризис стало принятие антикризисной стратегии и ускоренное развертывание антикризисной программы действий.

При этом важное место в планах преодоления Китаем глобального финансово-экономического кризиса заняли меры правительства, на реализацию которых в 2009—2010 гг. предусматривалось выделение 4 трлн юаней (586 млрд долл.).

Своевременная переориентация производства на внутреннего потребителя позволила: во-первых, сохранить платежную систему страны; во-вторых, смягчить существующие социальные проблемы; в-третьих, создать условия для последующего экономического роста КНР.

В итоге важные показатели китайской экономики в совокупности продемонстрировали устойчивую тенденцию к ее «выздоровлению».

В августе 2015 г. в экономике Китая начались серьезные проблемы. Народный банк Китая произвел резкую — сразу на 1,9 % — девальвацию юаня из-за проблем с экспортом. В январе 2016 г. кризис в экономике Китая продолжился: в первый торговый день года китайский индекс CSI300 обрушился на 7 %.

Таким образом, финансово-экономический кризис, безусловно, внес коррективы в перспективы экономического развития КНР, а также в изменение уровня экономической безопасности Китая в ближайшее десятилетие. Кризис, хотя и понизил общий уровень экономической безопасности этого государства, но по отдельным показателям экономическая безопасность КНР в последние годы не только не уменьшилась, но и возросла (табл. 1). Мировой финансово-экономический кризис также несущественно повлиял на возможности этой страны по повышению уровня своей экономической безопасности в ближайшей перспективе.

Сравнительная оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности Китая и других государств мира, оцененного *в рамках экономического патроната*, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны<sup>3</sup>.

Результаты расчетов значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности Китая и других государств мира в период 1997—2012 гг. и в перспективе до 2020 г. без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса и с учетом такого влияния представлены в табл. 2.

**Таблица 1. Значения показателей экономической безопасности Китая, характеризующих экономический патронат со стороны Правительства и Народного Банка КНР**

Частные показатели экономической безопасности, характеризующие:	2007	2008	2009	2010	2011	2015 (оценка)	2020 (прогноз)
Объем ВВП ( $\beta_{1,2}$ )	2,44	2,61	2,79	3,01	3,28	5,50	8,75
Валовой сбор зерновых ( $\beta_{2,2}$ )	0,88	0,88	0,89	0,90	0,91	0,95	1,00
Инвестиции в основной капитал ( $\beta_{3,2}$ )	6,56	6,32	4,75	2,36	2,38	2,40	2,44
Уровень безработицы ( $\beta_{4,2}$ )	0,30	0,30	0,29	0,27	0,26	0,26	0,27
Уровень монетизации ( $\beta_{5,2}$ )	4,80	4,79	4,75	4,52	4,20	4,08	3,60
Внешний долг ( $\beta_{6,2}$ )	33,33	14,81	7,27	6,67	7,00	8,00	10,00
Расходы на оборону ( $\beta_{7,2}$ )	1,82	2,36	2,27	1,82	2,18	2,18	2,18
Расходы на «гражданскую» науку ( $\beta_{8,2}$ )	1,00	1,00	1,07	1,13	1,20	1,33	1,47
Инновационная продукция ( $\beta_{9,2}$ )	1,49	1,64	1,87	2,10	2,80	3,60	4,80
Уровень инфляции ( $\beta_{10,2}$ )	3,79	4,24	4,31	3,79	3,82	3,97	4,17
Объем золотовалютных резервов ( $\beta_{11,2}$ )	92,31	73,08	80,77	84,62	90,00	100,00	100,00
Выплаты по внешнему долгу ( $\beta_{12,2}$ )	4,72	4,81	4,90	5,00	5,20	5,56	7,14
Внутренний долг ( $\beta_{13,2}$ )	1,83	1,85	1,88	1,76	1,70	1,50	1,25

Окончание табл. 1

Частные показатели экономической безопасности, характеризующие:	2007	2008	2009	2010	2011	2015 (оценка)	2020 (прогноз)
Расходы на обслуживание государственного долга ( $\beta_{14,2}$ )	1,08	1,14	1,16	1,18	1,23	1,32	1,48
Дефицит бюджета центрального правительства ( $\beta_{15,2}$ )	1,03	1,15	1,43	2,00	2,30	3,00	3,00
Машиностроение и металлообработка в промышленном производстве ( $\beta_{16,2}$ )	1,08	1,10	1,11	1,12	1,14	1,20	1,28
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума ( $\beta_{17,2}$ )	0,38	0,46	0,50	0,53	0,80	0,92	1,40
Децильный коэффициент дифференциации доходов населения ( $\beta_{18,2}$ )	0,43	0,43	0,43	0,43	0,43	0,44	0,46
Доля продовольствия, поступившего по импорту ( $\beta_{19,2}$ )	1,36	1,38	1,39	1,39	1,41	1,45	1,52
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономический патронат: $\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,2}$	$1,5 \times 10^6$	$4,4 \times 10^5$	$3,0 \times 10^5$	$5,2 \times 10^5$	$1,8 \times 10^6$	$8,3 \times 10^6$	$4,8 \times 10^7$

Таблица 2. Значения показателей экономической безопасности стран мира, характе-

Интегральный показатель (фактич. значения и прогноз.)	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009
Индия	$1,1 \times 10^1$	$4,0 \times 10^1$	$1,3 \times 10^2$	$2,8 \times 10^2$	$1,9 \times 10^3$	$5,9 \times 10^3$	$1,3 \times 10^4$
Казахстан	$1,2 \times 10^{-3}$	$3,0 \times 10^{-4}$	$6,0 \times 10^{-1}$	1,0	$1,0 \times 10^2$	$1,0 \times 10^3$	0,9
Киргизия	$2,2 \times 10^{-4}$	$7,7 \times 10^{-4}$	$1,0 \times 10^{-3}$	$1,9 \times 10^{-3}$	$1,9 \times 10^{-3}$	$1,9 \times 10^{-3}$	$1,9 \times 10^{-3}$
КНР	594,0	$3,2 \times 10^4$	$1,1 \times 10^4$	$3,5 \times 10^4$	$2,6 \times 10^5$	$1,5 \times 10^6$	$3,0 \times 10^5$
Пакистан	$1,1 \times 10^{-3}$	$9,3 \times 10^{-3}$	$2,4 \times 10^{-2}$	$1,3 \times 10^{-1}$	$9,9 \times 10^{-1}$	$1,7 \times 10^2$	3,5
Россия	$1,7 \times 10^{-3}$	$3,1 \times 10^{-4}$	$5,5 \times 10^{-1}$	2,3	$1,7 \times 10^2$	$9,2 \times 10^3$	4,0
Таджикистан	$5,2 \times 10^{-3}$	$1,8 \times 10^{-3}$	$1,6 \times 10^{-3}$	$2,8 \times 10^{-3}$	$2,4 \times 10^{-3}$	$2,2 \times 10^{-3}$	$2,7 \times 10^{-3}$
Узбекистан	$6,4 \times 10^{-3}$	$8,2 \times 10^{-3}$	$4,5 \times 10^{-3}$	$5,7 \times 10^{-3}$	$4,7 \times 10^{-3}$	$3,1 \times 10^{-3}$	$5,1 \times 10^{-3}$
Афганистан	$2,7 \times 10^{-8}$	$3,2 \times 10^{-8}$	$4,4 \times 10^{-8}$	$4,8 \times 10^{-8}$	$6,5 \times 10^{-8}$	$6,7 \times 10^{-8}$	$9,4 \times 10^{-8}$
Белоруссия	$1,0 \times 10^{-3}$	$1,1 \times 10^{-3}$	$1,2 \times 10^{-2}$	$1,4 \times 10^{-2}$	$1,7 \times 10^{-2}$	2,5	$2,0 \times 10^{-4}$
Иран	$9,2 \times 10^{-4}$	$1,1 \times 10^{-3}$	$3,1 \times 10^{-3}$	$7,5 \times 10^{-3}$	$9,9 \times 10^{-3}$	$5,5 \times 10^{-2}$	$3,9 \times 10^{-2}$
Монголия	$5,1 \times 10^{-3}$	$6,9 \times 10^{-3}$	$7,9 \times 10^{-3}$	$8,9 \times 10^{-3}$	$9,8 \times 10^{-3}$	$7,5 \times 10^{-2}$	$3,0 \times 10^{-2}$
Азербайджан	$9,5 \times 10^{-1}$	$1,7 \times 10^{-3}$	15	72	$1,3 \times 10^2$	$8,5 \times 10^2$	$3,0 \times 10^{-1}$
Армения	$1,1 \times 10^{-4}$	$9,2 \times 10^{-5}$	$8,9 \times 10^{-4}$	$9,3 \times 10^{-4}$	$1,1 \times 10^{-3}$	$9,5 \times 10^{-3}$	$3,0 \times 10^{-6}$
Камбоджа	$7,9 \times 10^{-8}$	$8,9 \times 10^{-8}$	$9,8 \times 10^{-8}$	$9,9 \times 10^{-8}$	$1,0 \times 10^{-7}$	$1,5 \times 10^{-7}$	$1,0 \times 10^{-6}$
Непал	$2,7 \times 10^{-6}$	$3,0 \times 10^{-6}$	$3,1 \times 10^{-6}$	$3,7 \times 10^{-6}$	$4,0 \times 10^{-6}$	$4,5 \times 10^{-6}$	$9,0 \times 10^{-5}$
Турция	12,0	32,0	54,0	$1,1 \times 10^2$	$2,4 \times 10^2$	$1,5 \times 10^3$	3,6
Шри-Ланка	$2,9 \times 10^{-6}$	$3,7 \times 10^{-6}$	$4,9 \times 10^{-6}$	$5,9 \times 10^{-6}$	$7,5 \times 10^{-6}$	$9,5 \times 10^{-6}$	$3,1 \times 10^{-4}$



**ризирующих экономический патронат со стороны правительств и центральных банков**

2011	2012	2013	Оценка		Прогноз	
			2014	2015	2020	2025
$7,1 \times 10^4$	$7,8 \times 10^4$	$9,1 \times 10^4$	$3,1 \times 10^5$	$7,6 \times 10^5$	$1,1 \times 10^7$	$9,4 \times 10^7$
10,0	$1,0 \times 10^2$	$4,0 \times 10^2$	$9,0 \times 10^2$	$3,3 \times 10^3$	$1,8 \times 10^5$	$1,0 \times 10^6$
$5,3 \times 10^{-3}$	$5,5 \times 10^{-3}$	$5,7 \times 10^{-3}$	$6,0 \times 10^{-3}$	$6,4 \times 10^{-3}$	$7,2 \times 10^{-3}$	$7,5 \times 10^{-3}$
$1,8 \times 10^6$	$6,9 \times 10^6$	$7,9 \times 10^6$	$8,1 \times 10^6$	$8,3 \times 10^6$	$4,8 \times 10^7$	$6,6 \times 10^9$
$4,8 \times 10^1$	$6,4 \times 10^2$	$7,1 \times 10^2$	$2,7 \times 10^3$	$5,3 \times 10^3$	$6,8 \times 10^5$	$8,1 \times 10^5$
78,0	280,0	480,0	1000,0	4600,0	$4,5 \times 10^6$	$7,9 \times 10^6$
$2,7 \times 10^{-3}$	$2,8 \times 10^{-3}$	$2,9 \times 10^{-3}$	$3,0 \times 10^{-3}$	$3,1 \times 10^{-3}$	$3,4 \times 10^{-3}$	$3,6 \times 10^{-3}$
$5,4 \times 10^{-3}$	$5,6 \times 10^{-3}$	$5,7 \times 10^{-3}$	$5,8 \times 10^{-3}$	$5,9 \times 10^{-3}$	$6,7 \times 10^{-3}$	$7,5 \times 10^{-3}$
$1,0 \times 10^{-7}$	$1,1 \times 10^{-7}$	$1,2 \times 10^{-7}$	$1,3 \times 10^{-7}$	$1,4 \times 10^{-7}$	$2,0 \times 10^{-7}$	$2,5 \times 10^{-7}$
$9,8 \times 10^{-1}$	1,2	43,0	78,0	$8,3 \times 10^2$	$9,8 \times 10^4$	$1,0 \times 10^5$
$1,8 \times 10^{-1}$	2,1	4,5	9,5	$5,3 \times 10^2$	$9,1 \times 10^3$	$2,4 \times 10^4$
$2,2 \times 10^{-1}$	2,9	3,8	7,6	$1,3 \times 10^1$	$1,8 \times 10^2$	$2,1 \times 10^3$
$1,8 \times 10^{-1}$	5,3	45,0	76,0	$8,3 \times 10^2$	$6,8 \times 10^4$	$7,3 \times 10^5$
$8,8 \times 10^{-2}$	$7,1 \times 10^{-1}$	$9,8 \times 10^{-1}$	1,1	1,3	$5,8 \times 10^3$	$9,3 \times 10^4$
$4,8 \times 10^{-4}$	$5,9 \times 10^{-3}$	$1,4 \times 10^{-2}$	$9,6 \times 10^{-2}$	$8,3 \times 10^{-1}$	9,8	$1,1 \times 10^2$
$1,8 \times 10^{-3}$	$1,9 \times 10^{-2}$	$6,7 \times 10^{-2}$	$9,9 \times 10^{-2}$	$2,3 \times 10^{-1}$	4,8	7,5
18,0	39,0	75,0	99,0	$2,2 \times 10^2$	$1,8 \times 10^4$	$3,7 \times 10^5$
$9,8 \times 10^{-2}$	$1,6 \times 10^{-1}$	$4,2 \times 10^{-1}$	$6,1 \times 10^{-1}$	0,83	98	$5,3 \times 10^2$

Таким образом, становится очевидным влияние мирового финансово-экономического кризиса на уровень безопасности национальных хозяйств Китая и других стран-членов ШОС, а также относительное повышение уровня экономической безопасности стран-членов ШОС в перспективе до 2025 г. в случае реализации проекта «Экономического пояса Шелкового пути», планов экономического роста и социально-экономического развития стран Организации.

## 2. Изменение уровня экономической безопасности в рамках экономической кооперации Китая

Экономическая кооперация как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию различных мер экономического сотрудничества (экономической интеграции) государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Показателями взаимовлияния национальных хозяйств стран-членов ШОС и других стран мира могут стать: объем внешнеторгового товарооборота и иностранных инвестиций; структура золотовалютных резервов; взаимное использование сырьевых, трудовых, энергетических, продовольственных, валютных ресурсов и пр. Значения объемов внешнеторгового товарооборота и др. показателей экономической кооперации могут стать основой для определения  $\alpha_k$  — весов экономической интеграции стран-членов ШОС с другими странами мира при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути и взаимозависимости их экономик в условиях глобализации.

**Сравнительная оценка уровней экономической безопасности Китая, реализованного в рамках экономической кооперации.** Сравнительная оценка *общих интегральных уровней* экономической безопасности Китая и других стран-членов ШОС, реализованного *в рамках экономической кооперации* может базироваться на определении соответствующих значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны<sup>4</sup>.

Экономическая кооперация Китая со странами-членами ШОС может быть охарактеризована соответствующими показателями товарооборота этой страны в период с 2010 по 2020 г. (табл. 3)<sup>5</sup>.

Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит увеличить долю товарооборота Китая со странами-членами ШОС к 2020 г. не менее, чем на **0,88 %** — с 8,89 % (488,7 млрд долл.) до 9,77 %. (537,57 млрд долл.).

### 3. Изменение уровня экономической безопасности в рамках экономического противоборства Китая

Экономическое противоборство как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию различных мер экономического противостояния (экономической борьбы) государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Показателями экономического противоборства национальных хозяйств стран мира могут стать: нереализованный внешнеторговый товарооборот; объем причиненного экономического ущерба и др.

Значения объемов нереализованного внешнеторгового товарооборота и др. показателей экономического противоборства могут стать основой для определения  $\alpha_i$  — весов экономического противоборства стран-членов ШОС с другими странами мира и экономического ущерба от негативного влияния со стороны других государств в условиях глобализации.

**Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Китая, реализованного в рамках экономического противоборства.** Сравнительная оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности Китая и других стран-членов ШОС, реализованного *в рамках экономического противоборства*, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны<sup>6</sup>.

Экономическое противоборство Китая со странами-членами ШОС может быть охарактеризовано соответствующими показателями нереализованного товарооборота этой страны в период с 2010 по 2020 г. (табл. 4)<sup>7</sup>.

Реализация стратегии Экономического пояса Шелкового пути позволит сократить долю нереализованного товарооборота Китая со странами-членами ШОС к 2020 г. на **3,56 %** — с 8,89 % до 5,33 %.

Таблица 3. Товарооборот Китая

	Экспорт в ...								Импорт из ...			
	2010		2015 (оценка)		2020 (прогноз)				2010		2015 (оценка)	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	без учета реализации ЭПШП		с учетом реализации ЭПШП		млрд долл.	%	млрд долл.	%
					млрд долл.	%	млрд долл.	%				
Индия	42,00	<b>2,33</b>	58,8	<b>2,51</b>	80,00	<b>2,67</b>	88,00	<b>2,93</b>	12,00	<b>0,71</b>	13,5	<b>0,69</b>
Казахстан	3,56	<b>0,20</b>	7,37	<b>0,31</b>	10,00	<b>0,33</b>	11,00	<b>0,37</b>	5,88	<b>0,35</b>	9,77	<b>0,50</b>
Киргизия	1,00	<b>0,06</b>	1,36	<b>0,06</b>	3,00	<b>0,10</b>	3,30	<b>0,11</b>	0,90	<b>0,05</b>	1,20	<b>0,06</b>
Пакистан	8,00	<b>0,44</b>	9,61	<b>0,41</b>	15,00	<b>0,50</b>	16,50	<b>0,55</b>	1,80	<b>0,11</b>	2,25	<b>0,11</b>
Россия	40,00	<b>2,22</b>	52,05	<b>2,22</b>	100,0	<b>3,33</b>	110,0	<b>3,67</b>	24,00	<b>1,41</b>	33,75	<b>1,72</b>
Таджикистан	1,50	<b>0,08</b>	3,00	<b>0,13</b>	7,00	<b>0,23</b>	7,70	<b>0,26</b>	1,60	<b>0,09</b>	3,00	<b>0,15</b>
Узбекистан	2,00	<b>0,11</b>	4,00	<b>0,17</b>	9,00	<b>0,30</b>	9,90	<b>0,33</b>	2,20	<b>0,13</b>	4,00	<b>0,20</b>
Афганистан	0,20	<b>0,01</b>	1,04	<b>0,04</b>	3,00	<b>0,10</b>	3,30	<b>0,11</b>	0,003	<b>0,0002</b>	0,015	<b>0,0008</b>
Белоруссия	0,80	<b>0,04</b>	0,94	<b>0,04</b>	3,00	<b>0,10</b>	3,30	<b>0,11</b>	0,90	<b>0,05</b>	2,00	<b>0,10</b>
Иран	5,00	<b>0,28</b>	5,25	<b>0,22</b>	9,00	<b>0,30</b>	9,90	<b>0,33</b>	2,70	<b>0,16</b>	3,55	<b>0,18</b>
Монголия	1,30	<b>0,07</b>	1,73	<b>0,07</b>	4,00	<b>0,13</b>	4,40	<b>0,15</b>	2,00	<b>0,12</b>	5,06	<b>0,26</b>
Азербайджан	0,50	<b>0,03</b>	0,71	<b>0,03</b>	1,20	<b>0,04</b>	1,32	<b>0,04</b>	0,70	<b>0,04</b>	2,00	<b>0,10</b>
Армения	0,20	<b>0,01</b>	0,44	<b>0,02</b>	0,80	<b>0,03</b>	0,88	<b>0,03</b>	0,03	<b>0,00</b>	0,17	<b>0,01</b>
Камбоджа	4,00	<b>0,22</b>	4,4	<b>0,19</b>	8,00	<b>0,27</b>	8,80	<b>0,29</b>	6,00	<b>0,35</b>	9,00	<b>0,46</b>
Непал	0,60	<b>0,03</b>	0,71	<b>0,03</b>	1,00	<b>0,03</b>	1,10	<b>0,04</b>	0,007	<b>0,00</b>	0,02	<b>0,00</b>
Турция	2,00	<b>0,11</b>	2,26	<b>0,10</b>	5,00	<b>0,17</b>	5,50	<b>0,18</b>	2,20	<b>0,13</b>	3,00	<b>0,15</b>
Шри-Ланка	3,00	<b>0,17</b>	3,43	<b>0,15</b>	7,00	<b>0,23</b>	7,70	<b>0,26</b>	3,50	<b>0,21</b>	6,00	<b>0,31</b>
<b>Итого</b>	115,66	<b>6,43</b>	157,1	<b>6,71</b>	266	<b>8,87</b>	292,6	<b>9,75</b>	66,42	<b>3,91</b>	98,285	<b>5,02</b>
США	358,3	<b>19,91</b>	368,4	<b>15,73</b>	400	<b>13,33</b>			78,12	<b>4,60</b>	152,5	<b>7,78</b>
ЕС	340,5	<b>18,92</b>	372,4	<b>15,90</b>	500	<b>16,67</b>			120,5	<b>7,09</b>	242,9	<b>12,4</b>
<b>Всего</b>	1800	<b>100</b>	2342	<b>100</b>	3000	<b>100</b>	3000	<b>100</b>	1700	<b>100</b>	1959	<b>100</b>

Импорт из ...				Товарооборот с ...							
2020 (прогноз)				2010		2015 (оценка)		2020 (прогноз)			
без учета реализации ЭПШП		с учетом реализации ЭПШП		млрд долл.	%	млрд долл.	%	без учета реализации ЭПШП		с учетом реализации ЭПШП	
млрд долл.	%	млрд долл.	%					млрд долл.	%	млрд долл.	%
30,00	<b>1,20</b>	33,00	<b>1,32</b>	54,00	<b>1,54</b>	72,3	<b>1,68</b>	110,0	<b>2,00</b>	121,0	<b>2,20</b>
15,00	<b>0,60</b>	16,50	<b>0,66</b>	9,44	<b>0,27</b>	17,14	<b>0,40</b>	25,0	<b>0,45</b>	27,5	<b>0,50</b>
3,00	<b>0,12</b>	3,30	<b>0,13</b>	1,90	<b>0,05</b>	2,56	<b>0,06</b>	6,0	<b>0,11</b>	6,6	<b>0,12</b>
4,00	<b>0,16</b>	4,40	<b>0,18</b>	9,80	<b>0,28</b>	11,86	<b>0,28</b>	19,0	<b>0,35</b>	20,9	<b>0,38</b>
100	<b>4,00</b>	110	<b>4,40</b>	64,00	<b>1,83</b>	85,8	<b>1,99</b>	200,0	<b>3,64</b>	220,0	<b>4,00</b>
5,00	<b>0,20</b>	5,50	<b>0,22</b>	3,10	<b>0,09</b>	6,00	<b>0,14</b>	12,0	<b>0,22</b>	13,2	<b>0,24</b>
7,00	<b>0,28</b>	7,70	<b>0,31</b>	4,20	<b>0,12</b>	8,00	<b>0,19</b>	16,0	<b>0,29</b>	17,6	<b>0,32</b>
0,10	<b>0,00</b>	0,11	<b>0,00</b>	0,20	<b>0,01</b>	1,06	<b>0,02</b>	3,1	<b>0,06</b>	3,4	<b>0,06</b>
5,00	<b>0,20</b>	5,50	<b>0,22</b>	1,70	<b>0,05</b>	2,94	<b>0,07</b>	8,0	<b>0,15</b>	8,8	<b>0,16</b>
7,00	<b>0,28</b>	7,70	<b>0,31</b>	7,70	<b>0,22</b>	8,8	<b>0,20</b>	16,0	<b>0,29</b>	17,6	<b>0,32</b>
9,00	<b>0,36</b>	9,90	<b>0,40</b>	3,30	<b>0,09</b>	6,79	<b>0,16</b>	13,0	<b>0,24</b>	14,3	<b>0,26</b>
4,00	<b>0,16</b>	4,40	<b>0,18</b>	1,20	<b>0,03</b>	2,71	<b>0,06</b>	5,2	<b>0,09</b>	5,7	<b>0,10</b>
0,50	<b>0,02</b>	0,55	<b>0,02</b>	0,23	<b>0,01</b>	0,61	<b>0,01</b>	1,3	<b>0,02</b>	1,4	<b>0,03</b>
15,00	<b>0,60</b>	16,50	<b>0,66</b>	10,00	<b>0,29</b>	13,40	<b>0,31</b>	23,0	<b>0,42</b>	25,3	<b>0,46</b>
0,10	<b>0,00</b>	0,11	<b>0,00</b>	0,61	<b>0,02</b>	0,73	<b>0,02</b>	1,1	<b>0,02</b>	1,2	<b>0,02</b>
6,00	<b>0,24</b>	6,60	<b>0,26</b>	4,20	<b>0,12</b>	5,26	<b>0,12</b>	11,0	<b>0,20</b>	12,1	<b>0,22</b>
12,00	<b>0,48</b>	13,20	<b>0,53</b>	6,50	<b>0,19</b>	9,43	<b>0,22</b>	19,0	<b>0,35</b>	20,9	<b>0,38</b>
222,7	<b>8,91</b>	244,97	<b>9,80</b>	182,08	<b>5,20</b>	255,39	<b>5,94</b>	488,70	<b>8,89</b>	537,57	<b>9,77</b>
200	<b>8,00</b>			436,4	<b>12,47</b>	520,9	<b>12,11</b>	600	<b>10,91</b>		
300	<b>12,00</b>			461,0	<b>13,17</b>	615,3	<b>14,31</b>	800	<b>14,55</b>		
2500	<b>100</b>	2500	<b>100</b>	3500	<b>100</b>	4301	<b>100</b>	5500	<b>100</b>	5500	<b>100</b>

Таблица 4. Нереализованный товарооборот Китая

	Нереализованный экспорт в ...								Нереализованный импорт			
	2010		2015 (оценка)		2020 (прогноз)				2010		2015 (оценка)	
	млрд долл.	%	млрд долл.	%	без учета реализации ЭПШП		с учетом реализации ЭПШП		млрд долл.	%	млрд долл.	%
					млрд долл.	%	млрд долл.	%				
Индия	10,5	<b>2,33</b>	14,7	<b>2,51</b>	20	<b>2,67</b>	12	<b>1,6</b>	3	<b>0,71</b>	3,375	<b>0,69</b>
Казахстан	0,89	<b>0,2</b>	1,842	<b>0,31</b>	2,5	<b>0,33</b>	1,5	<b>0,2</b>	1,47	<b>0,35</b>	2,442	<b>0,5</b>
Киргизия	0,25	<b>0,06</b>	0,34	<b>0,06</b>	0,75	<b>0,1</b>	0,45	<b>0,06</b>	0,225	<b>0,05</b>	0,3	<b>0,06</b>
Пакистан	2,0	<b>0,44</b>	2,402	<b>0,41</b>	3,75	<b>0,5</b>	2,25	<b>0,3</b>	0,45	<b>0,11</b>	0,562	<b>0,11</b>
Россия	10,0	<b>2,22</b>	13,01	<b>2,22</b>	25,0	<b>3,33</b>	15,0	<b>2,0</b>	6,0	<b>1,41</b>	8,437	<b>1,72</b>
Таджикистан	0,375	<b>0,08</b>	0,75	<b>0,13</b>	1,75	<b>0,23</b>	1,05	<b>0,14</b>	0,4	<b>0,09</b>	0,75	<b>0,15</b>
Узбекистан	0,5	<b>0,11</b>	1	<b>0,17</b>	2,25	<b>0,3</b>	1,35	<b>0,18</b>	0,55	<b>0,13</b>	1,0	<b>0,2</b>
Афганистан	0,05	<b>0,01</b>	0,26	<b>0,04</b>	0,75	<b>0,1</b>	0,45	<b>0,06</b>	0,0007	<b>0,0002</b>	0,004	<b>0,0008</b>
Белоруссия	0,2	<b>0,04</b>	0,235	<b>0,04</b>	0,75	<b>0,1</b>	0,45	<b>0,06</b>	0,225	<b>0,05</b>	0,5	<b>0,1</b>
Иран	1,25	<b>0,28</b>	1,312	<b>0,22</b>	2,25	<b>0,3</b>	1,35	<b>0,18</b>	0,675	<b>0,16</b>	0,887	<b>0,18</b>
Монголия	0,325	<b>0,07</b>	0,432	<b>0,07</b>	1,0	<b>0,13</b>	0,6	<b>0,08</b>	0,5	<b>0,12</b>	1,265	<b>0,26</b>
Азербайджан	0,125	<b>0,03</b>	0,177	<b>0,03</b>	0,3	<b>0,04</b>	0,18	<b>0,024</b>	0,175	<b>0,04</b>	0,5	<b>0,1</b>
Армения	0,05	<b>0,01</b>	0,11	<b>0,02</b>	0,2	<b>0,03</b>	0,12	<b>0,016</b>	0,0075	<b>0</b>	0,0425	<b>0,01</b>
Камбоджа	1,0	<b>0,22</b>	1,1	<b>0,19</b>	2,0	<b>0,27</b>	1,2	<b>0,16</b>	1,5	<b>0,35</b>	2,25	<b>0,46</b>
Непал	0,15	<b>0,03</b>	0,1775	<b>0,03</b>	0,25	<b>0,03</b>	0,15	<b>0,02</b>	0,00175	<b>0,0004</b>	0,005	<b>0,0010</b>
Турция	0,5	<b>0,11</b>	0,565	<b>0,1</b>	1,25	<b>0,17</b>	0,75	<b>0,1</b>	0,55	<b>0,13</b>	0,75	<b>0,15</b>
Шри-Ланка	0,75	<b>0,17</b>	0,857	<b>0,15</b>	1,75	<b>0,23</b>	1,05	<b>0,14</b>	0,875	<b>0,21</b>	1,5	<b>0,31</b>
<b>Итого</b>	<b>28,91</b>	<b>6,43</b>	<b>39,27</b>	<b>6,71</b>	<b>66,5</b>	<b>8,87</b>	<b>39,9</b>	<b>5,32</b>	<b>16,605</b>	<b>3,91</b>	<b>24,57</b>	<b>5,02</b>
США	89,57	<b>19,91</b>	92,1	<b>15,73</b>	100,0	<b>13,33</b>			19,53	<b>4,6</b>	38,12	<b>7,78</b>
ЕС	85,12	<b>18,92</b>	93,1	<b>15,9</b>	125	<b>16,67</b>			30,125	<b>7,09</b>	60,72	<b>12,4</b>
<b>Всего</b>	<b>450</b>	<b>100</b>	<b>585,5</b>	<b>100</b>	<b>750,0</b>	<b>100</b>	<b>750,0</b>	<b>100</b>	<b>425,0</b>	<b>100</b>	<b>489,7</b>	<b>100</b>

из ...				Нереализованный товарооборот с ...							
2020 (прогноз)				2010		2015 (оценка)		2020 (прогноз)			
без учета реализации ЭПШП		с учетом реализации ЭПШП		млрд долл.	%	млрд долл.	%	без учета реализации ЭПШП		с учетом реализации ЭПШП	
млрд долл.	%	млрд долл.	%					млрд долл.	%	млрд долл.	%
7,5	<b>1,2</b>	4,5	<b>0,72</b>	13,5	<b>1,54</b>	18,07	<b>1,68</b>	27,5	<b>2</b>	16,5	<b>1,20</b>
3,75	<b>0,6</b>	2,25	<b>0,36</b>	2,36	<b>0,27</b>	4,285	<b>0,4</b>	6,25	<b>0,45</b>	3,75	<b>0,27</b>
0,75	<b>0,12</b>	0,45	<b>0,07</b>	0,475	<b>0,05</b>	0,64	<b>0,06</b>	1,5	<b>0,11</b>	0,9	<b>0,07</b>
1,0	<b>0,16</b>	0,6	<b>0,10</b>	2,45	<b>0,28</b>	2,965	<b>0,28</b>	4,75	<b>0,35</b>	2,85	<b>0,21</b>
25,0	<b>4,0</b>	15,0	<b>2,40</b>	16,0	<b>1,83</b>	21,45	<b>1,99</b>	50,0	<b>3,64</b>	30	<b>2,18</b>
1,25	<b>0,2</b>	0,75	<b>0,12</b>	0,775	<b>0,09</b>	1,5	<b>0,14</b>	3	<b>0,22</b>	1,8	<b>0,13</b>
1,75	<b>0,28</b>	1,05	<b>0,17</b>	1,05	<b>0,12</b>	2,0	<b>0,19</b>	4	<b>0,29</b>	2,4	<b>0,17</b>
0,025	<b>0</b>	0,015	<b>0,002</b>	0,05	<b>0,01</b>	0,265	<b>0,02</b>	0,775	<b>0,06</b>	0,475	<b>0,03</b>
1,25	<b>0,2</b>	0,75	<b>0,12</b>	0,425	<b>0,05</b>	0,735	<b>0,07</b>	2,0	<b>0,15</b>	1,2	<b>0,09</b>
1,75	<b>0,28</b>	1,05	<b>0,17</b>	1,925	<b>0,22</b>	2,2	<b>0,2</b>	4,0	<b>0,29</b>	2,4	<b>0,17</b>
2,25	<b>0,36</b>	1,35	<b>0,22</b>	0,825	<b>0,09</b>	1,697	<b>0,16</b>	3,25	<b>0,24</b>	1,95	<b>0,14</b>
1,0	<b>0,16</b>	0,6	<b>0,10</b>	0,3	<b>0,03</b>	0,677	<b>0,06</b>	1,3	<b>0,09</b>	0,8	<b>0,06</b>
0,125	<b>0,02</b>	0,075	<b>0,01</b>	0,0575	<b>0,01</b>	0,1525	<b>0,01</b>	0,325	<b>0,02</b>	0,225	<b>0,02</b>
3,75	<b>0,6</b>	2,25	<b>0,36</b>	2,5	<b>0,29</b>	3,35	<b>0,31</b>	5,75	<b>0,42</b>	3,45	<b>0,25</b>
0,025	<b>0,004</b>	0,015	<b>0,002</b>	0,1525	<b>0,02</b>	0,1825	<b>0,02</b>	0,275	<b>0,02</b>	0,175	<b>0,01</b>
1,5	<b>0,24</b>	0,9	<b>0,14</b>	1,05	<b>0,12</b>	1,315	<b>0,12</b>	2,75	<b>0,2</b>	1,65	<b>0,12</b>
3	<b>0,48</b>	1,8	<b>0,29</b>	1,625	<b>0,19</b>	2,3575	<b>0,22</b>	4,75	<b>0,35</b>	2,85	<b>0,21</b>
55,67	<b>8,91</b>	33,405	<b>5,34</b>	45,52	<b>5,2</b>	63,84	<b>5,94</b>	122,1	<b>8,89</b>	73,30	<b>5,33</b>
50,0	<b>8,0</b>			109,1	<b>12,47</b>	130,2	<b>12,11</b>	150,0	<b>10,91</b>		
75,0	<b>12,0</b>			115,2	<b>13,17</b>	153,8	<b>14,31</b>	200,0	<b>14,55</b>		
625	<b>100</b>	625	<b>100</b>	875	<b>100</b>	1075,	<b>100</b>	1375	<b>100</b>	1375	<b>100</b>

#### 4. Изменение уровня экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути

Уровень экономической безопасности государства, реализованный в рамках экономического патроната, экономической кооперации и экономического противоборства, может быть определен по формуле

$$Y_{ЭБ,j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \times \prod_{\substack{k=1 \\ k \neq j}}^K \left( \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{imp,j,k}}{19}} \times \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{imp,k,j}}{19}} \right)^{\frac{\gamma_{k,j}}{2}} \times$$

$$\times \prod_{\substack{l=1 \\ l \neq j}}^L \left( \frac{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\chi_{l,j}}}{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)} \right);$$

$$0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100;$$

$$0,01 \leq \left( \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{imp,j,k}}{19}} \times \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{exp,k,j}}{19}} \right)^{\frac{\gamma_{k,j}}{2}} \leq 100;$$

$$0,01 \leq \left( \frac{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{перал.j,l}}{19}}}{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\frac{\alpha_{перал.l,l}}{19}}} \right)^{\chi_{l,j}} \leq 100,$$



где  $Y_{эБ,j}$  — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства  $j$ -го государства, реализованный в рамках экономического патроната, экономической кооперации и экономического противоборства;

$\alpha_{i,j} (\alpha_{i,k}, \alpha_{i,l})$  — вес  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го ( $k$ -го,  $l$ -го) государства;

$\alpha_{i,j} (\alpha_{i,k}, \alpha_{i,l})$  — значение  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го ( $k$ -го,  $l$ -го) государства;

$\alpha_{имп,j,k}; \alpha_{exp,k,j}$  — веса влияния национального хозяйства  $k$ -го государства на экономику  $j$ -го государства («импорта экономического влияния  $k$ -го государства на  $j$ -е государство») и влияния национального хозяйства  $j$ -го государства на экономику  $k$ -го государства («экспорта экономического влияния  $j$ -го государства на  $k$ -е государство») в рамках их экономической кооперации в условиях глобализации;

$\gamma_{k,j}$  — вес нормированного частного показателя, характеризующего экономическую кооперацию  $j$ -го и  $k$ -го государства в условиях глобализации;

$K$  — количество рассматриваемых (в рамках экономической кооперации) государств мира;

$\alpha_{нереал. имп,j,l}; \alpha_{нереал. exp,l,j}$  — веса нереализованного влияния национального хозяйства  $l$ -го государства на экономику  $j$ -го государства («нереализованного импорта экономического влияния  $l$ -го государства на  $j$ -е государство») и нереализованного влияния национального хозяйства  $j$ -го государства на экономику  $l$ -го государства («нереализованного экспорта экономического влияния  $j$ -го государства на  $l$ -е государство») в рамках их экономического противоборства в условиях глобализации;

$\chi_{l,j}$  — вес нормированного частного показателя, характеризующего экономическое противоборство  $j$ -го и  $l$ -го государства в условиях глобализации,

$L$  — количество рассматриваемых (в рамках экономического противоборства) государств мира.

В этом случае расчеты и изменение уровней экономической безопасности Китая при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути может быть представлено в виде табл. 5.

**Таблица 5. Интегральные показатели, характеризующие уровни защищенности национального хозяйства Китая, реализованные в рамках различных форм обеспечения экономической безопасности**

		2010 год				2015 год (оценка)			
		экономический патронаж	экономическая кооперация	экономическое противоборство	Уровень экономической безопасности	экономический патронаж	экономическая кооперация	экономическое противоборство	Уровень экономической безопасности
		(1)	(2)	(3)	(1)×(2)×(3)	(4)	(5)	(6)	(4)×(5)×(6)
<b>КНР</b>	Экономическая кооперация и экономическое противоборство со странами-членами ШОС		1,039	1,018	$5,5 \times 10^5$		1,076	1,011	$9,0 \times 10^6$
	Экономическая кооперация и экономическое противоборство со странами-членами ШОС, США и ЕС (28)	$5,2 \times 10^5$	1,561	0,801	$6,5 \times 10^5$	$8,3 \times 10^6$	1,627	0,938	$1,3 \times 10^7$

2020 год (прогноз)							
экономический патронат	без учета реализации стратегии ЭППП			с учетом реализации стратегии ЭППП			Изменение уровня экономической безопасности при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути
	экономическая кооперация	экономическое противоборство	Уровень экономической безопасности	экономическая кооперация	экономическое противоборство	Уровень экономической безопасности	
(7)	(8)	(9)	$(7) \times (8) \times (9)$	(10)	(11)	$(7) \times (10) \times (11)$	$(7) \times (10) \times (11) - (7) \times (8) \times (9)$
$4,8 \times 10^7$	1,150	1,026	$5,66 \times 10^7$	1,167	1,016	$5,69 \times 10^7$	$2,7 \times 10^5$
	1,783	0,960	$8,22 \times 10^7$	1,809	0,951	$8,25 \times 10^7$	$4,1 \times 10^5$

### Список литературы

1. Гордиенко Д.В., Яковлева Н.Г. Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасности государства. Монография. М: АРГАМАК-МЕДИА, 2013.

2. Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса: учеб. пособие. М.: Дело РАНХ и ГС, 2012.

3. Гордиенко Д.В. Основы экономической безопасности государства. Курс лекций: учебно-методическое пособие. М.: Финансы и статистика; Инфра-М, 2009.

4. Гордиенко Д.В. Оценка уровня экономической безопасности государств Азиатско-Тихоокеанского региона // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 13 (202). С. 39—55; № 15 (204). С. 20—39.

5. Гордиенко Д.В. Перспективы повышения уровня экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 15 (72). С. 33—44.

6. Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности государств мира // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 18 (75). С. 46—53.

7. Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности Китая // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 34 (91). С. 69—76.

### Примечания

<sup>1</sup> Концепция «Один пояс, один путь», выдвинутая Китаем инициатива объединенных проектов создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Концепция была впервые анонсирована председателем КНР Си Цзиньпином во время его визитов в страны Центральной Азии и Индонезию осенью 2013 г. В таких политических документах, как план социально-экономического развития на 2015 г. и доклад о работе правительства, строительство «Одного пояса, одного пути» было включено в список важных задач, поставленных перед новым правительством Китая. Министр иностранных дел КНР Ван И подчеркнул, что осуществление этой инициативы станет «фокусом» внешнеполитической деятельности КНР в 2015 г. Подтверждено, что этот огромный проект будет включен и в план XIII пятилетки, который будет принят в 2016 г. Суть данной китайской инициативы заключается в поиске, формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития с помощью укрепления действующих региональных двусторонних и многосторонних механизмов и структур взаимодействия с участием Китая. По официальным

данным Китая, «Один пояс, один путь» охватывает большую часть Евразии, соединяя развивающиеся страны, в том числе новые экономики, и развитые страны. На территории мегапроекта сосредоточены богатые ресурсы, проживает 63 % населения планеты, а предположительный экономический масштаб — 21 трлн долл.

<sup>2</sup> Кит. 絲綢之路, узб. *Виуик Ирак Yo'li*, уйг. *ك پى يى لى و ي ك*, тадж. *Шохроҳи* Абрешим, каз. *Үлы Жібек жолы*, кирг. *Улуу жибек жолу*, перс. *جاده ابريشم*, араб. *قيرط* *دريح*, хинди *रेशम मार्ग*, монг. *Торгоны зам*, туркм. *Вeýik Ýүрек Yoly*. Термин введен немецким географом Рихтгофеном в 1877 г.

<sup>3</sup> Расчетная формула общего нормированного показателя безопасности национального хозяйства  $j$ -го государства может иметь вид:

$$У_{ЭБ(ЭПатронат),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}, \quad 0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100,$$

где  $У_{ЭБ(ЭПатронат),j}$  — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства  $j$ -го государства, реализованный в рамках экономического патроната;  $\alpha_{i,j}$  — вес  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го государства;  $\beta_{i,j}$  — значение  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го государства.

<sup>4</sup> Расчетная формула может иметь вид:

$$У_{ЭБ(ЭКоопераци),j} = \prod_{\substack{k=1 \\ k \neq j}}^K \left( \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{imp.j,k}}{19}} \times \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{exp.k,j}}{19}} \right)^{\frac{\gamma_{k,j}}{2}},$$

$$0,01 \leq \left( \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{imp.j,k}}{19}} \times \left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\frac{\alpha_{exp.k,j}}{19}} \right)^{\frac{\gamma_{k,j}}{2}} \leq 100,$$

где  $У_{ЭБ(ЭКоопераци),j}$  — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства  $j$ -го государства, реализованный в рамках экономической кооперации;  $\alpha_{i,j}$  ( $\alpha_{i,k}$ ) — вес  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го ( $k$ -го) государства;  $\alpha_{imp.j,k}$ ;  $\alpha_{exp.k,j}$  — веса влияния национального хозяйства  $k$ -го государства на экономику  $j$ -го государства («импорта экономического влияния  $k$ -го государства на  $j$ -е государство») и влияния национального хозяйства  $j$ -го государства на экономику  $k$ -го государства («экспорта экономического влияния  $j$ -го государства на  $k$ -е го-

сударство») в рамках их экономической кооперации в условиях глобализации;  $\gamma_{k,j}$  — вес нормированного частного показателя, характеризующего экономическую кооперацию  $j$ -го и  $k$ -го государства в условиях глобализации;  $\beta_{i,j}$  ( $\beta_{i,k}$ ) — значение  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го ( $k$ -го) государства;  $K$  — количество рассматриваемых государств мира. При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств государств мира, характеризующих их экономическую кооперацию в условиях глобализации,  $\gamma_{k,j} = 1$ . В этом случае ограничение значения показателя экономической безопасности  $j$ -го государства, характеризующего его экономическую кооперацию с  $k$ -м государством, выполняется безусловно.

<sup>5</sup> Здесь и далее предполагается, что объемы экспорта товаров в каждую из стран-членов ШОС и импорта из каждой страны-члена ШОС к 2020 году при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути увеличатся на 10 % по сравнению с прогнозируемыми.

<sup>6</sup> Расчетная формула может иметь вид:

$$U_{ЭБ(ЭПротивоборство),j} = \prod_{\substack{l=1 \\ l \neq j}}^L \left( \frac{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{\text{нереал.имп.}j,l}}{19}}}{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\frac{\alpha_{\text{нереал.эксп.}l,j}}{19}}} \right)^{\chi_{l,j}},$$

$$0,01 \leq \left( \frac{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \right)^{\frac{\alpha_{\text{нереал.имп.}j,l}}{19}}}{\left( \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}} \right)^{\frac{\alpha_{\text{нереал.эксп.}l,j}}{19}}} \right)^{\chi_{l,j}} \leq 100,$$

где  $U_{ЭБ(ЭПротивоборство),j}$  — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства  $j$ -го государства, реализованный в рамках экономического противоборства;  $\alpha_{i,j}$  ( $\alpha_{i,l}$ ) — вес  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го ( $l$ -го) государства;  $\alpha_{\text{нереал.имп.}j,l}$ ;  $\alpha_{\text{нереал.эксп.}l,j}$  — веса нереализованного влияния национального хозяйства  $l$ -го государства на экономику  $j$ -го государства («нереализованного импорта экономического влияния  $l$ -го государства на  $j$ -е государство») и нереализованного влияния национального хозяйства  $j$ -го государства на экономику  $l$ -го государства («нереализованного экспорта экономического влияния  $j$ -го государства на  $l$ -е государство») в рамках их экономического противоборства в условиях

глобализации;  $\chi_{i,j}$  — вес нормированного частного показателя, характеризующего экономическое противоборство  $j$ -го и  $l$ -го государства в условиях глобализации;  $\beta_{i,j}$  ( $\beta_{i,l}$ ) — значение  $i$ -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность  $j$ -го ( $l$ -го) государства;  $L$  — количество рассматриваемых государств мира.

<sup>7</sup> Здесь и далее предполагается, что нереализованные объемы экспорта товаров в каждую из стран-членов ШОС и импорта из каждой страны-члена ШОС к 2020 году уменьшатся на соответствующие приросты объемов экспорта в страны-члены ШОС и импорта из стран ШОС при реализации стратегии Экономического пояса Шелкового пути по сравнению с прогнозируемыми.

*М.В. Александрова*

## НОВОЕ ВИДЕНИЕ ТРАНСПОРТНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

*Аннотация.* На протяжении последних 15 лет Северо-Восток КНР (Дунбэй) является отстающим экономическим регионом. Стратегия возрождения старой промышленной базы Северо-Востока не помогла наверстать отставание от развитых приморских провинций, поскольку не были преодолены проблемы, сдерживающие развитие экономики Дунбэя. Одной из ключевых является транспортная проблема. О новых транспортных путях, которые могут изменить ситуацию к лучшему, и рассказывается в данной статье.

*Ключевые слова:* стратегии возрождения, углеводороды, плано-авторитарная экономика, экономическая система, Далянь, пояс экономической поддержки, Чанцзиту, «Пять точек на одной линии», Шелковый путь, приграничные районы, экономической коридор, Зарубино, Бохайский залив, высокоскоростная железная дорога.

С начала осуществления Стратегии возрождения старой промышленной базы Северо-Востока (2003 г.) Китаем достигнут определенный прогресс в деле реструктуризации, развития и оживления экономики региона. Однако все еще остается много проблем. Основными современными тенденциями развития мировой и региональной экономики являются экономическая глобализация, регио-



нальная интеграция и интернационализация бизнеса. Для того, чтобы «вписаться» в данные тренды, Дунбэю следует, помимо всего прочего, изменить свой транспортно-географический статус за счет развития «вылетных» транспортных артерий в трансграничном пространстве.

В транспортном отношении Северо-Восток Китая (СВК, Дунбэй) к моменту образования КНР был одним из самых развитых регионов страны. Его выгодное экономико-географическое положение (ЭГП), железные дороги и наличие богатых природных ресурсов, включающих нефть и уголь, в свое время дали импульс к созданию мощной промышленной базы. За короткий период была достигнута важная стратегическая цель по созданию в СВК национально значимой индустриальной базы. С регионом стали ассоциироваться следующие слова и понятия: «основа», «зернохранилище Поднебесной», «Республиканское министерство оборудования». Однако после начала экономической реформы (с 1980-х годов) в КНР стали динамично развиваться и приморские районы страны, имеющие традиционный богатый опыт рыночных отношений на таких территориях, как Дельта реки Чжунцзян, обладающая капиталом, Дельта реки Янцзы, имеющая тесные связи с зарубежной китайской диаспорой, на севере — район «Пекин—Тяньцзинь—Таншань», являющийся научно-технологическим «полюсом» КНР. Именно эти 3 района стали движущей силой в развитии экономики страны в последние 30—35 лет.

Следует отметить, что Северо-Восток в полной мере воспользовался преимуществами плановой экономики, но при построении рыночного хозяйства эти преимущества нивелировались. Наличие различных недостатков экономической системы Дунбэя обусловило его резкий контраст с хозяйственно успешными регионами. Поэтому комплексные экономические показатели его развития периодически подвергались колебаниям и даже снижались до минимальных отметок. При запуске Стратегии возрождения старой промышленной базы Северо-Востока власти КНР надеялись, что регион станет «4-м полюсом роста». В первом десятилетии XXI в. для повышения результативности экономики Дунбэя было принят пакет мер, направленных на расширение и углубление его экономических связей

со странами Северо-восточной Азии (СВА). Это должно было оказать существенный мультипликативный эффект на процессы развития региона.

К сожалению, Стратегия возрождения не помогла наверстать отставание от развитых приморских провинций, поскольку не были преодолены проблемы, сдерживающие развитие экономики Дунбэя. Среди основных из них следует назвать пережитки планово-авторитарной экономики, высокую долю госсектора, недостаточное развитие рыночных механизмов, высокую степень износа производственного оборудования, устаревшие технологии, истощение природных ресурсов, несовершенство местного законодательства, отстающую транспортную систему и др.

К примеру, государство постоянно оказывало поддержку госпредприятиям, а это способствовало сохранению их изолированности от реальной рыночной среды и соответственно — сдерживанию процессов реформирования и блокировке возможностей предприятий по «запуску» механизмов адаптации к рынку и входу в конкурентную среду.

Можно отметить, что замедление темпов экономического роста Северо-Востока с конца 2013 г. было связано с общей «застойностью» внутренних процессов. Отмечается низкая степень ориентированности на международные рынки; не очень благоприятный инвестиционный климат, что не благоприятствует энергичному притоку ПИИ и современных технологий; невысокая экономическая активность; низкая эффективность производства в промышленности (исключение из этого составляет только г. Далянь). В целом для региона характерна «утяжеленная» структура промышленности и заметно отставание от мирового уровня производительности труда.

В силу вышеуказанных обстоятельств СВК необходимо осуществить стратегическую перестройку экономической структуры, чтобы ускорить создание «открытой» хозяйственной системы и решить финансовые, технологические, кадровые и другие региональные проблемы. Повышение степени как вовлеченности в международные экономические связи, так и открытости внешнему миру в сочетании с реформой промышленности даст возможность Дунбэю «вырваться» из замкнутого экономического пространства.

Открытие внешнему миру станет хорошим «стимулятором» конкурентной среды в регионе, как это происходило и происходит в приморских районах КНР, давая позитивный результат. Только через повышение степени вовлеченности СВК во внешнеэкономические связи, разрушение системы монополий и принятого типа управления станет возможным задействование конкурентных мотивов. В результате этого ожидаются формирование эффективной системы управления, «запуск» современной и реалистичной политики и возможность осуществления индивидуального подхода.

Для преодоления негативных тенденций необходима длительная системная работа с учетом физико- и экономико-географических особенностей региона. Как нам кажется, для оживления экономики Дунбэя, помимо вышеуказанных действий, требуется разрешить проблему транспортного «вакуума». В регионе существует лишь одна «дверь» в мировую экономику — это порт г. Далянь. Такая ситуация сложилась не в одночасье, а имеет более чем столетнюю историю. В рамках осуществления Стратегии возрождения Дунбэя в инфраструктурной сфере было осуществлено значительное количество мер, но многие из них были направлены в основном на решение внутрирегиональных проблем. Так, к примеру, в «Плане возрождения Северо-Востока» (2007 г.) было предусмотрено «строительство ключевых объектов региональной инфраструктуры», среди которых — масштабные внутрирегиональные проекты, а также транспортные коридоры, соединяющие Дунбэй с другими регионами КНР. Конечно, были и проекты, направленные на строительство инфраструктуры в приграничных районах, среди которых следует указать 6 коридоров: «Тунцзян—Далянь», «Восточный коридор Дунбэя», «Хэйхэ—Пекин», «Суйфэньхэ—Маньчжурия», «Хуньчунь—Аршань», «Даньдун—аймак Шилингол» (кит. Силинголэй)<sup>1</sup>.

Ныне запущена в эксплуатацию лишь часть запланированных начинаний. Так, в 2012 г. открыто железнодорожное сообщение по маршруту от Муданьцзяна до Даляня (так называемый Восточный коридор), полноценно функционирует автомобильное сообщение по маршруту «Хэйхэ—Пекин». В начале 2016 г. China Railways завершила реконструкцию железной дороги Муданьцзян-Суйфэньхэ. Электрифицированная железная дорога Муданьцзян-Суйфэньхэ

магистрала Харбин-Суйфэньхэ официально открылась для движения пассажирского экспресса. В 2018 г. будет проложен скоростной путь от Муданьцзяна в Харбин. Даже исходя из того, что было построено за предыдущие 7—8 лет, можно сказать, что «вылетные» транспортные векторы дунбэйцы в общем подготовили.

В 12-й пятилетке перед регионом поставлены задачи выхода транспортной инфраструктуры «вовне», что подразумевает:

- открытие движения по железнодорожной магистрали в восточной части Дунбэя;
- проработку возможности строительства железной дороги в пограничных районах провинции Хэйлунцзян;
- ускорение проекта по реконструкции и расширению строительства аэропорта Харбина;
- начало строительства первой очереди аэропортов в городах Сунюань, Саньцзян, Удаляньчи и Суйфэньхэ;
- активизацию строительства международного транспортного коридора, открытие китайско-европейского железнодорожного коридора через Россию, массивное строительство важных объектов — железнодорожного моста через китайско-российскую пограничную реку Туманная (кит. Тумэньцзян) и автодорожного моста через китайско-корейскую пограничную реку Ялуцзян;
- разработку ТЭО трансграничных железнодорожных китайско-российских проектов в Фуюане и Хэйхэ<sup>2</sup>.

Исходя из содержания вышеперечисленных проектов, становится очевидным, что главная задача региона в транспортной сфере — это выход транспортных артерий к госграницам КНР, о чем речь пойдет ниже.

Конечно, экономика Дунбэя и особенно удаленных от моря Хэйлунцзяна и Цзилиня находится в непростой ситуации, и для выхода из этого положения требуются новые модели развития экономики региона, в том числе в транспортно-логистической сфере.

В 2013 г. на выставке «Китай—АСЕАН» премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном была выдвинута идея о *«поясе экономической подержки старой промышленной базы Северо-Востока»*. Китайский руководитель подчеркнул, что скорейшее создание «Одного пояса, од-

ного пути» будет способствовать экономическому процветанию стран вдоль Великого шелкового пути и экономическому сотрудничеству в регионе. Премьер также отметил, что необходимо использовать преимущество Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ) как территории, примыкающей к России и Монголии, улучшить железнодорожное сообщение Хэйлуцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлуцзяна, Цзилина, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки. Следует продвигать сооружение Евразийского высокоскоростного транспортного коридора «Москва—Пекин», создать «окно» на север<sup>3</sup>.

После этого программного заявления началась работа, направленная на проработку различных транспортных маршрутов Северо-Востока, которые могли бы «вписаться» в общестрановую сеть.

*Пояс экономической поддержки старой промышленной базы Северо-Востока* состоит из следующих элементов: «одна главная ось и четыре экономических центра» и «три ведущих отрасли экономики открытого пояса». «Одна главная ось и четыре экономических центра» охватывает 4 главных города региона — Харбин, Чанчунь, Шэньян, Далянь, расположенные по маршруту Восточной железной дороги (КВЖД). Ожидается, что, как и в последние 100 лет, здесь будет развиваться экономический пояс в направлении «северо-восток—юго-запад». «Три ведущих отрасли экономики открытого пояса» включают химическую промышленность, машиностроение, глубокую переработку сельхозсырья (пищевая промышленность)<sup>4</sup>.

По направлению главной оси обеспечивается тесная связь между следующими экономическими конгломерациями: промышленным коридором Хадацин, зоной торгово-экономического сотрудничества с Россией на базе гг. Харбин, Муданьцзян, Суйфэньхэ и уезда Дунин и экономического пояса Чанцзиту, Шэньянским экономическим районом, стратегическим поясом «Пять точек на одной линии» (пров. Ляонин). Предполагается, что эти экономические зоны будут взаимодополнять друг друга и сформируют каркас развития Дунбэя на региональном уровне.

За период с 2013 по 2015 гг. понятие *экономический поддерживающий пояс старой промышленной базы Северо-Востока* наполнилось



Карта № 1. Одна главная ось и четыре экономических центра

содержанием. В настоящее время в него включены три открытые индустриально-экономических пояса, за счет чего Дунбэй намерен активизировать внешнеэкономическую открытость по трем направлениям.

### Открытый индустриально-экономический пояс северной линии

Северная линия пройдет через провинцию Хэйлунцзян, восточные районы Внутренней Монголии, где на западе соединится с Транссибом (это так называемый *Экономический пояс Восточного сухопутно-морского Шелкового пути*). Этот участок Шелкового пути должен способствовать реализации национальной инициативы «Один пояс, один путь» и соответствовать 35 политическим мерам, перечисленным в документе *Мнение Госсовета «О некоторых важных политических мерах по поддержанию возрождения Северо-Востока в ближайшее время»* от 19 августа 2014 г.<sup>5</sup>

Восточный путь должен связать восток и запад, а также северо-восток КНР и российский Дальний Восток. Поэтому Восточный путь должен развиваться в двух направлениях: железнодорожном «Харбин—Маньчжурия—Россия—Европа» и «Харбин—Суифаньхэ—российские дальневосточные порты». В результате может значитель-

но сократиться время транспортировки грузов из КНР, Республики Корея и Японии в Россию, страны СНГ и Европу. В настоящее время на российском Дальнем Востоке происходят значительные экономические изменения, которые синхронизируются с китайской инициативой «Один пояс, один путь», а именно — развитие международного транспортного коридора (МТК) «Приморье-1». Подобный маршрут будет крайне удобен для Хэйлунцзяна, поскольку, к примеру, сегодня «контейнер, отправленный из города Муданьцзян в Шанхай через китайский порт Далянь, проходит этот путь всего за 85 часов, стоимость транспортировки составляет 1185 долл. США. Транспортное плечо до порта Владивосток короче в три раза, чем до Даляня. Вместе с тем срок доставки растягивается минимум до 220 часов, а стоимость транспортировки вырастает на 5—15 процентов»<sup>6</sup>.

В свете политики развития и возрождения приграничных районов КНР в декабре 2015 г. Госсоветом КНР было принято «*Мнение Госсовета КНР по некоторым политическим мерам поддержки развития и открытости ключевых приграничных районов*». В число «ключевых приграничных районов» попали все российско-китайские железнодорожные и автомобильные пункты пропуска: Маньчжурия, Эргун, Тунцзян, Хулинь, Мишань, Мулин, Суйфэньхэ, Хуньчунь, а также действующие зоны приграничного сотрудничества в Маньчжурии, Хэйхэ, Суйфэньхэ и Хунчуне. На базе приграничных городов и упомянутых зон предполагается формировать «точки роста» региональной экономики и узловые пункты взаимодействия с трансграничными странами. Для этого будет реализовываться комплекс мер, направленных на оптимизацию модели территориального экономического развития, совершенствования инфраструктуры, привлечения инвестиций, стимулирования обменов с соседними странами. Ключевой приоритет документа — совершенствование трансграничной и приграничной инфраструктуры, развитие логистики. Усилия предполагается сосредоточить на формировании крупных транспортных коридоров в сопредельные страны, строительство мостов через пограничные реки, создании на базе пунктов пропуска крупных логистических центров с особым таможенным режимом. Пристальное внимание уделяется вопросу скорости прохождения госграницы людьми и товарами, для чего планируется

внедрять формы упрощенного декларирования, использовать систему «зеленых коридоров» и «одного окна».

Для реализации столь затратных задач предусмотрен целый комплекс мер. В частности, предполагается существенно нарастить финансирование «ключевых районов» из центрального бюджета. Одновременно планируется привлекать средства финансовых институтов, в том числе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути, рассмотреть возможность создания специального фонда поддержки промышленных проектов, развития прямых связей с финансовыми учреждениями сопредельных стран, трансграничной торговли в юанях. На все «ключевые районы» будет распространен льготный режим, ранее примененный для Программы развития Западного Китая, начнут использоваться такие формы поддержки, как беспошлинный ввоз передового технологического оборудования, субсидирование проектов в высокотехнологичных отраслях<sup>7</sup>.

Некоторые усилия китайской стороны находят отклик в России: так, молодое руководство Минвостокразвития за последние 2 года предприняло немало шагов для развития МТК (речь идет о проектах «Приморье-1» и «Приморье-2»).

Следующим ответвлением «северной линии» является *Китайско-монгольско-российский экономический коридор*. Китайской стороной ожидается развитие взаимовыгодного сотрудничества по схеме «три в одном» — «Экономический пояс Шелкового пути», «Евразийский экономический союз» и «монгольский «Степной путь»». Стороны, согласно модели сотрудничества «Три страны, единая зона, множество парков, закрытое функционирование внутри территории и за границей», будут развивать в Хайларе, Чойбалсане и Чите международную торговлю, логистические услуги, переработку экспортно-импортных товаров, электронную торговлю, туризм, финансовую сферу и др.<sup>8</sup>.

Как ни странно, в этом коридоре заинтересована не только Внутренняя Монголия, но и провинция Ляонин. Планируется протянуть железнодорожную ветку в Европу от городов Дандун, Цзиньчжоу (Ляонин) и Аршань (АР Внутренняя Монголия) через монгольский город Чойбалсан.





Карта № 2. Железнодорожная ветка «Две горы»

В ходе визита Си Цзиньпина в Монголию в 2014 г. было подписано соглашение о строительстве железнодорожной ветки «Две горы» (Аршань (КНР) — Чойбалсан (Монголия)). Экспертиза этой железнодорожной ветки была проведена Программой развития ООН.

Железная дорога «Две горы» откроет для СВА новый транспортно-торговый путь на Запад: во-первых, добываемые минеральные ресурсы Монголии будет легче доставлять в КНР и другие страны мира, в результате чего может быть осуществлена принятая в Монголии стратегия «Вывести государство к процветанию за счет горнодобывающей промышленности»; во-вторых, это будет самый короткий путь доставки природного сырья Монголии в КНР, что существенно снизит затраты на закупку необходимых Китаю ресурсов<sup>9</sup>.

В последние годы китайская сторона стала уделять все больше внимания вопросам освоения северных путей, поэтому *Арктический маршрут* также включен в разряд приоритетных. Это путь соединяет Дунбэй с Западной Европой и Северной Америкой. В настоящее время Китай использует такие арктические маршруты, как российский Северный морской путь — СМП (или Северо-Восточный проход — СВП) и Северо-Западный проход (СЗП) вдоль северного берега Северной Америки через Канадский арктический архипелаг. Они судоходны лишь в летнее время<sup>10</sup>.

В связи с активным таянием льдов Арктики можно говорить о том, что в скором времени самым коротким и экономичным маршрутом из КНР в Европу станет арктический. СМП был открыт для международного судоходства в 1991 г. после распада СССР. В 2009 г. два коммерческих судна последовали курсом между Европой и Азией через северные воды России. В 2011 г. этот путь был избран уже 34 судами (для сравнения, через Суэцкий канал в год проходит 18 000 судов)<sup>11</sup>.

Китайская сторона полагает, что в случае развития арктического маршрута дальневосточные порты могут стать восточной базой на «золотом водном пути»<sup>12; 13</sup>.

### Открытый индустриально-экономический пояс средней линии

Экономический пояс средней линии — зона стыка границ стран СВА, представленного следующими «реперными точками»: с китайской стороны г. Хунчунь (провинции Цзилинь), приморский порт Зарубино, южнокорейские порты Сокчхо и Пусан, японский порт Ниигата



Карта № 3. Стратегия провинции Цзилинь — «выход к морю посредством аренды портов»

*Ниугата*. Именно эта средняя линия должна стать основным торгово-экономическим коридором СВА.

В этом случае Хуньчунь должен осуществить давнюю стратегию провинции Цзилинь «Выход к морю посредством аренды портов»<sup>14</sup>.

Конечно, российский Зарубино и северо-корейский Раджин могут изменить транспортно-логистическую ситуацию провинции Цзилинь, что даст импульс плохо продвигающемуся проекту Чанцзиту<sup>15</sup>. Хотя провинция Цзилинь не имеет выхода к морю, но г. Хуньчунь расположен на берегу г. Туманная (Тумэнцзян), и ситуацию можно изменить. У города имеются все возможности для развития экспортноориентированной экономики. Хуньчунь, находясь на стыке границ России, КНР и КНДР, является «геометрическим центром» СВА. Находясь в такой точке, Хуньчуню необходимо реализовывать стратегию «Выхода к морю посредством аренды портов».

Как порт Зарубино, так и северокорейский Раджин расположены на берегу Японского моря, что крайне удобно для Хуньчуна, который может стать «транзитной базой северных товаров», отправляющихся на юг Китая.

Если провинция Цзилинь получит доступ к обоим портам, то для Китая откроется еще одна возможность не только по осуществлению долгосрочной модернизации региональной и общенациональной экономики, но и для реализации далеко идущих стратегических планов в военной, экономической и политической областях.

Местоположение порта Зарубино крайне благоприятно. Это естественный незамерзающий порт на Тихом океане, расположенный к северу от места впадения р. Туманная в море — в 18 км от китайской границы. Порт связан железнодорожными путями и автомобильными трассами с внутренними территориями России, а также с г. Хуньчунь провинции Цзилинь (расстояние до которого составляет около 60 км). Зарубино также примыкает к железной дороге, связывающей российский Дальний Восток и КНДР.

Проект по трансграничной перевозке товаров для нужд внутренней торговли является одним из трех передовых направлений работы, продвигаемых согласно «Китайскому плану развития регионального сотрудничества в бассейне реки Туманган — разработка и открытие опытного участка Чанчунь—Цзилинь—Туманган» (или

сокращенно «План Чанцзиту»), который реализуется городом Хунчунь.

Транспортный коридор «Приморье-2», которым Россия планирует соединить провинцию Цзилинь с портами Славянка, Зарубино и Посыет должен быть построен российской компанией «Транзит-ДВ» и китайской «Чжун Гун Синь» (компанией по управлению госактивами КНР). Предусматривается совместное строительство и дальнейшая эксплуатация порта Славянка для осуществления транзитных контейнерных перевозок между Россией и КНР. Китайская сторона становится инвестором данного проекта<sup>16</sup>. В случае полноценного запуска китайской железнодорожной колеи по маршруту «Хунчунь—Зарубино», грузооборот Большого порта Зарубино может достигнуть 60 млн т в год. Запуск первой очереди порта запланирован на 2018 г.<sup>17</sup>

В мае 2014 г. правительство провинции Цзилинь и российская группа «Сумма» подписали рамочное соглашение о совместном строительстве Большого порта Зарубино, в котором утвердили структуру и трафик транспортировки китайских товаров через порт. В соответствии с данным рамочным соглашением, 9 июня 2014 г. Цзилиньская зерновая компания и группа «Сумма» заключили договор о намерениях по сотрудничеству в рамках крупномасштабного проекта по грузовым перевозкам Большого порта Зарубино. Более того, стороны достигли соглашения в вопросе транспортировки зерна Цзилиньской зерновой компанией через Большой порт Зарубино, а также оговорили и другие вопросы<sup>18</sup>.

Китайцы видят очевидное конкурентно-ценовое преимущество данного транспортного маршрута: при доставке китайского груза из Зарубино Северным морским путем до европейских портов будет пройдено на 7,5 тыс. миль короче, чем через Суэцкий канал, а время в пути окажется на 20 суток меньше. Если к тому же учесть развитие современных технологий ледоколостроения и глобальную тенденцию таяния арктических льдов, то у Северо-Востока (прежде всего — провинций Цзилинь и Хэйлунцзян) появятся выходы к морю, что, возможно, даст новый импульс для подъема стагнирующей региональной экономики и активизирует экономическое сотрудничество со многими европейскими странами.

## Открытый индустриально-экономический пояс южной линии

Провинция Ляонин имеет наилучшее ЭГП среди провинций Дунбэя, обусловленное протяженностью береговой линии с удобными гаванями, близостью к Республике Корея и др. И даже при этих благоприятных условиях существуют транспортные проблемы. Поэтому провинция Ляонин запланировала создание южной линии, которая должна начаться в Ляонине и соединить Дунбэй с РК, КНДР, Японией, то есть с крупнейшими городами СВА. За счет этого произойдет тесная интеграция экономики названных стран и экономической зоны Бохайского кольца. В результате Северо-Восток станет важным «внешнеэкономическим шлюзом» всей Евразии с двумя «точками опоры» — Экономической зоной Большого Шэньяна и Ляонинским прибрежным экономическим поясом (так называемые пять точек на одной линии)<sup>19</sup>.

Большие надежды на улучшение транспортной ситуации провинций СВК возлагают на строительство *тоннеля через Бохайский залив (тоннель «Далянь—Яньтай»)*, который должен способствовать интеграции Дунбэя в экономику сопредельных территорий — всей прибрежной зоны стран СВА.

Тоннель состыкуется с Восточной железной дорогой (КВЖД) и с морской переправой «Циндао—Сеул». Так старая промбаза Дунбэя объединится с экономикой Южной Кореи и Японии, на западе —



Карта № 4. Транспортные артерии Открытого индустриально-экономического пояса южной линии

с Европой, на севере — с Россией, на юге — с провинцией Хайнань. В результате строительства тоннеля Дунбэй займет ключевую позицию в Северо-восточной Азии. Будут соединены 5 экономических зон СВА: российский Дальний Восток, Северо-Восток Китая, экономическая зона Бохайского залива, Дельта р. Янцзы, Дельта р. Чжуцзян. Цель — создать экономическую систему с замкнутым контуром, включающим СВК и северный Китай, которые будут связаны Восточной железной дорогой. Также возникнет «ось», состоящая из крупных морских портов: Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Циндао<sup>20</sup>.

В ближайшее десятилетие в Дунбэе будет формироваться центр международных перевозок СВА. Ключевым городом-портом планируется сделать Далянь. Он выступит основным центром интеграции портовых ресурсов и формирования общего функционала современных портовых кластеров. В случае успеха Южная линия превратится в важный «шлюз» открытия Северо-Востока внешнему миру. В настоящее время в прибрежной зоне провинции Ляонин происходит процесс интеграции крупнейших портовых хозяйств (гг. Далянь, Инкоу, Цзиньчжоу, Дандун и о. Хулудао). Помимо основных логистических функций порты будут выполнять и иные задачи, включая финансовые, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, информационные и многие другие.

Следующей важной составной частью южной линии стала *высокоскоростная железная дорога «Харбин—Далянь» (Хада)*, открытая в 2012 г. и призванная содействовать региональной и межстрановой интеграции. Дорога входит в проект широкомасштабного строительства высокоскоростных железных дорог «Четыре вертикали, четыре горизонтали».

В результате запуска Хада был сделан важный шаг к соединению Открытого индустриально-экономического пояса северной и средней линий, осуществлено соединение высокоскоростным транспортом Открытого индустриально-экономического пояса южной линии и Экономического пояса Восточного сухопутно-морского Шелкового пути, а также Евразийского континентального моста и Северного морского пути. Все это должно значительно снизить временные и пространственные расстояния между Южной линией индустриаль-

но-экономической открытой зоны и Центрально-китайским экономическим районом. Одновременно сооружение Хада поспособствует развитию не только расположенных на пути ее следования городов, но других близлежащих населенных пунктов. В результате в силу значительного улучшения социально-экономических преимуществ региона и для повышения скоординированности развития вовлеченных территорий должен начаться беспрепятственный обмен людскими, товарными, финансовыми, информационными потоками<sup>21</sup>.

\* \* \*

В заключение хотелось бы отметить, что предпринятые на Северо-Востоке шаги по развитию «вылетных» транспортных артерий могут улучшить экономическую ситуацию в СВК. Регион станет связующим звеном между югом Китая и трансграничными государствами (Россией, КНДР, РК и Японией) и далее — странами Центральной Азии и Европы.

В результате повысится транзитно-транспортная значимость региона, а также уровень занятости его населения.

Долгое время экономика Дунбэя развивалась за счет административно-плановых механизмов, при этом проводилось административное блокирование и защита от рынка и режимов конкуренции. В результате экономика региона стала неконкурентоспособной и неэффективной. Ныне осуществляемые меры направлены на укрепление регионального общего рынка Дунбэя. Предпринимается попытка разрушения региональных и административных барьеров и отмены некоторых изживших себя установок региональной политики. В результате должна быть создана реальная рыночная среда, проведена реорганизация предприятий и преобразована структура производства.

### *Примечания*

<sup>1</sup> URL: [http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content\\_721632.htm](http://www.gov.cn/gzdt/2007-08/20/content_721632.htm)

<sup>2</sup> URL: [http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-08/19/content\\_8996.htm](http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-08/19/content_8996.htm)

<sup>3</sup> URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>

<sup>4</sup> URL: <http://218.28.6.75:81/DRCNet.Mirror.Documents.Web/docview.aspx?DocID=4000569&leafID=12>

<sup>5</sup> Подробнее см.: *Александрова М.В.* План развития Северо-Востока КНР на 12-ю пятилетку и реальная ситуация в регионе // Китай на новом этапе экономической реформы. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 122—140.

<sup>6</sup> URL: <http://rg.ru/2016/03/23/primore-prolozhit-novyj-put-dlia-kitaia.html>

<sup>7</sup> URL: [http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-01/07/content\\_10561.htm](http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-01/07/content_10561.htm)

<sup>8</sup> URL: [http://www.cssn.cn/gd/gd\\_rwdb/xhlt/201604/t20160414\\_2967591.shtml](http://www.cssn.cn/gd/gd_rwdb/xhlt/201604/t20160414_2967591.shtml)

<sup>9</sup> URL: <http://www.carecprogram.org/ru/index.php?page=prcs-inner-mongolia-gets-usd200million-loan-for-zhangHu-railway>

<sup>10</sup> URL: [https://riss.ru/images/pdf/journal/2015/1/07\\_.pdf](https://riss.ru/images/pdf/journal/2015/1/07_.pdf)

<sup>11</sup> URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9\\_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9\\_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C#cite\\_note-9](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C#cite_note-9)

<sup>12</sup> В современном понимании китайцев, «золотой водный путь» — это водная транспортная артерия, по которой осуществляются значительные для страны грузопотоки. Так, в КНР — это р. Янцзы и Великий китайский канал (в прошлом), в Германии — р. Рейн, в США — Миссисипи (URL: <http://baike.baidu.com/view/403279.htm>).

<sup>13</sup> URL: <http://news.sohu.com/20160503/n447322359.shtml>

<sup>14</sup> URL: <http://www.chinanews.com/cj/2016/01-15/7718084.shtml>

<sup>15</sup> Подробнее см.: *Александрова М.В.* Торгово-экономические отношения провинции Цзилинь с Россией и план Чанцзиту // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 294—321.

<sup>16</sup> URL: <http://www.gudok.ru/news/freighttrans/?ID=1333525>

<sup>17</sup> URL: <http://primamedia.ru/news/431034>

<sup>18</sup> URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0524/c31518-8732144.html>

<sup>19</sup> Подробнее см.: *Александрова М.В.* Внешнеэкономическая деятельность провинции Ляонин в период реформ и открытости // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 75—92.

<sup>20</sup> URL: <http://news.sina.com.cn/c/nd/2015-11-30/doc-ixfmcnkr7690000.shtml>

<sup>21</sup> URL: <http://www.drcnet.com.cn/www/maillist/5540/n-2015Y08M15D13.html>



*В.А. Матвеев*

## О ПРЕДПОСЫЛКАХ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГИОНА НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. РОЛЬ КИТАЯ\*

*Аннотация.* В проекте «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) ключевая роль отводится развитию Синьцзяна ввиду его особого стратегического положения на границе с Центральной Азией. В связи с этим решается задача по превращению Синьцзяна в межрегиональный внешнеэкономический и транспортно-логистический хаб. В трансграничной китайско—центрально-азиатской полосе начинают складываться предпосылки формирования полюса развития, или точнее — экономического пояса роста. В долгосрочной перспективе здесь видится вполне возможным создание международного экономического региона, с которым связываются надежды на дальнейшее взаимодействие Китая с ЦА.

*Ключевые слова:* концепция «Экономический пояс Шелкового пути», Центральная Азия, транспортно-логистическая инфраструктура, стратегическое партнерство, свободные экономические зоны, международный экономический регион.

Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) развивается с востока на запад, и здесь ключевое место отводится соседнему с западной

---

\* Под «Большой Центральной Азией» (БЦА) автор понимает Центральную Азию с прилегающей к ней северо-западной частью КНР — Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР).

границей Китая региону Центральной Азии (ЦА), с которым продолжают активно развиваться трансграничные связи не только в сфере торговли, но и в области производственной кооперации, услуг и пр.

Существенным преимуществом в наращивании сотрудничества Китая с ЦА является наличие общей границы. На наш взгляд, именно соседство — ключевая характеристика геоэкономического положения стран. Конечно, сам фактор общей границы автоматически не ведет к взаимовыгодному интенсивному обмену товарами, услугами, капиталом и рабочей силой. Степень и формы сотрудничества граничащих государств во многом зависят от качественного улучшения экономических, политических, институциональных, инфраструктурных, инвестиционных и иных факторов взаимодействия. Для него, кроме политической воли, необходимо упорядочивание определенных условий, среди которых — создание общих эффективных институтов (путем заключения обязывающих договоров о взаимной торговле, создания комиссий по экономическому сотрудничеству и привлекательного инвестиционного климата), региональной инфраструктуры, обеспечивающей движение факторов производства, а также определенных механизмов стимулирования (преференции в доступе на рынки, поощрение региональной специализации и кооперации)<sup>1</sup>.

В настоящее время тренд экономического взаимодействия Китая с ЦА можно расценить как прогрессирующий.

Китай продолжает укреплять общее стратегическое партнерство с центрально-азиатскими странами, тем самым превращая их в стабильных внешнеполитических союзников и экономических контрагентов. Вывод взаимодействия с центрально-азиатскими партнерами на качественно новый уровень, а именно — на уровень отношений стратегического партнерства произошел в последние десять лет.

Отметим, что Китай превратился в локомотив экономического развития ЦА и в этом качестве определяет важнейшие его параметры.

Но главное, по мнению многих международных экспертов, это то, что посредством распространения своего влияния в регионе КНР стремится обезопасить свои «тылы» и придать дополнительный импульс экономическому и социальному развитию беспокойного Синьцзяна (СУАР).

Развитию Синьцзяна отводится особая роль в проекте ЭПШП ввиду его особого стратегического положения на границе с ЦА, масштабности территории и богатства недр. К тому же, все транспортные коммуникации Китая в западном направлении проходят через территорию СУАР.

В связи с этим решается задача по превращению Синьцзяна в межрегиональный внешнеэкономический и транспортно-логистический хаб, имеющий уникальное значение для ЦА. В настоящее время власти Китая полагают, что развитию СУАР может быть придано существенное ускорение.

Постепенно складывается экспортная ориентация Синьцзяна в направлении соседних стран ЦА. Пекин надеется, что СУАР в перспективе станет играть важную роль в происходящих в ЦА геоэкономических переменах.

А перемены действительно назрели. Масштабный мировой экономический кризис вызвал резкое падение ВВП стран ЦА, в 2015 г. произошла резкая девальвация национальных валют, что усилило негативные эффекты в экономике. Власти стран региона приходят к пониманию необходимости адаптации к изменившейся экономической ситуации. Поэтому в ряде государств ЦА, прежде всего в ведущих странах — Казахстане и Узбекистане, ставится стратегическая задача отказа от сырьевого развития при курсе на модернизацию обрабатывающей промышленности и сектора услуг и на встраивание в глобальные производственные цепочки. И здесь их надежды связаны с мощным экономическим потенциалом Китая, а именно — с налаживанием тесной кооперации с бурно развивающимся Синьцзяном.

Китай начал экономическое взаимодействие с регионом (приблизительно два десятилетия назад) с активизации внешнеторгового обмена товарами, продолжил его оказанием кредитно-инвестиционной поддержки и ныне переходит к формированию специальных экономических зон не только торгового, но и производственного назначения и в приграничье, и в глубине центральноазиатского пространства. Одновременно в странах ЦА реализуется множество инфраструктурных проектов транспортного, телекоммуникационного и энергетического характера на инвестиции, выделяемые международными банками развития и Китаем. Нельзя сказать, что это толь-

ко проекты сооружения транзитных коммуникаций для связи с западной частью Евразии, поскольку внутри центральноазиатских стран строится множество объектов транспортного и производственного назначения.

Таким образом, в трансграничной китайско—центрально-азиатской полосе начинают складываться предпосылки формирования полюса развития или точнее — экономического пояса роста. В долгосрочной перспективе здесь видится вполне возможным создание международного экономического региона. Именно с формированием международного экономического региона на пространстве Большой Центральной Азии (то есть с прилегающей к ЦА северо-западной частью КНР — Синьцзяном) и связаны надежды дальнейшего соразвития Китая с ЦА. Варианты соответствующего проекта в настоящее время обсуждаются как китайскими, так и международными экспертами.

И действительно, экономическое развитие в Большой Центральной Азии (БЦА) в ходе активизации процессов региональной интеграции ведет к трансформации социально-экономического пространства. Действующие и намечаемые проекты соразвития Китая со странами ЦА, имеющие как двухсторонний, так и многосторонний характер, носят трансграничный характер. Причем наибольшую активность в этом проявляет китайская сторона. В долгосрочной перспективе при масштабном продолжении процессов региональной интеграции на пространстве БЦА сформируется международный экономический регион. Мировой опыт регионализации показывает реальность этих процессов. Формирование же такого трансграничного региона изначально начинается с создания полюсов роста, специальных зон развития и транспортных коридоров, пересекающих пространство этого региона.

Собственно понятие международного региона как нового звена в мировой торговой системе было выдвинуто экспертами-составителями Доклада о мировой торговле, выпущенного секретариатом Всемирной торговой организации (ВТО) в 2011 г.<sup>2</sup>

В данном докладе проанализирована структура региональных торговых соглашений (РТС) мировой коммерции. Отмечено, что в структуре РТС сейчас преобладают как соглашения о зонах свобод-

ной торговли (ЗСТ) в чистом виде, так и соглашения по типу ЗСТ+, то есть дополненные соглашениями об экономической интеграции. Число таких соглашений по типу ЗСТ+ выросло в первом десятилетии XXI в. в 5 раз<sup>3</sup>.

Кроме того, в качестве тренда отмечается резкое увеличение в 2008—2013 гг. межрегиональных РТС (на 60 %) . В конечном итоге, как заключают авторы Доклада о мировой торговле, следствием реализации таких межрегиональных РТС становится формирование предпосылок для развития международных регионов как нового звена в мировой торговой системе, базирующегося не только на соперничестве, но и на сотрудничестве с другими звеньями международных экономических отношений.

Как показывает теория регионализма, нередко подобные международные регионы формируются в ходе активно развивающегося международного сотрудничества соседних стран. Причем в региональной науке различают два вида международных регионов — транснациональные и трансграничные регионы<sup>4</sup>. Транснациональные регионы включают соседние государства, связанные в политическом или экономическом отношении (политические и экономические регионы), либо имеющие сходство по социально-культурным и (или) этнорелигиозным признакам (социально-культурные регионы). Такие регионы часто формируются на основе общих политических интересов, институализированных международными договорами, например, в сфере обеспечения военной безопасности (например, НАТО), либо для согласования и декларации общности политических позиций в международных отношениях (ШОС), либо для формирования единого экономического пространства (ЕС). В последнем случае пример Европейского союза показывает эффективность создания транснациональных регионов на основе формирования единого экономического пространства, что одновременно усиливает и политическое единство ЕС и способствует проявлению элементов социально-культурной общности.

Субъектами, образующими транснациональные регионы, являются государства. Фактором их образования чаще всего выступает общность интересов, прежде всего политических и экономических. Хотя мировая практика работы таких формирований показывает и

возможность навязывания сильными партнерами своих интересов более слабым странам. Такая возможность не исключена при формировании Китаем транснационального региона с государствами-соседями. Однако в настоящее время экономическое пространство, включающее ЦА и Китай, очень дискретно и единым оно, возможно, станет только в долгосрочной перспективе.

Иным типом международных регионов являются трансграничные регионы. Трансграничным регионом в регионалистике определяются сопредельные пограничные территории государств, характеризующиеся определенным природным, экономическим, социокультурным, этническим единством. Наиболее развитой формой таких регионов являются широко распространенные в Западной Европе еврорегионы.

Подобные регионы создаются в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или, в случае социокультурных регионов, включают близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей. В основе их формирования лежат связи между территориями разных стран.

Среди признаков, отличающих трансграничный регион, следует отметить такие принципиально важные, как:

- непрерывность территории, то есть возможность прямого транспортного сообщения без пересечения границ региона;
- относительно тесные экономические (торговля, инвестиции) связи входящих в регион субъектов;
- часто — наличие общей или скоординированной инфраструктуры (транспортной, энергетической)<sup>5</sup>.

Тем не менее, в настоящее время на общем пространстве стран ЦА и китайского Синьцзяна формируются только начатки такого международного региона. Уже сложились структурные элементы производственной инфраструктуры, главными из которых являются: транспортный коридор Трансазиатской железнодорожной магистрали (Ляньюнган—Урумчи—Хоргос—Алматы), газотранспортная система «Центральная Азия», нефтепровод Казахстан—Карамай, приграничные логистические центры, в настоящее время — Хоргос—Восточные ворота, Алашанькоу—Дружба, в среднесрочной

перспективе это дальнейшее развитие пограничных переходов — Торугарт (Киргизия) и Кульма (Таджикистан).

В перспективе есть основания для формирования новых транспортных коридоров: Урумчи—Торугарт—Ферганская долина и Урумчи—Иркештам—Душанбе—Афганистан—Иран.

Другой важнейшей частью начинающегося складываться хозяйственного комплекса БЦА являются полюса роста в форме свободных экономических зон (СЭЗ) разных типов.

В настоящее время СЭЗ являются одним из ведущих механизмов пространственного развития Китая. Анализ государственной политики Китая в отношении СЭЗ на протяжении всего переходного к рынку периода показывает прохождение нескольких этапов — от создания особых экономических зон и введения статуса открытых приморских городов и районов до современного этапа открытости целых внутриконтинентальных и приграничных районов. Весьма важно, что в Китае разработана и реализуется на практике национальная теория эволюции СЭЗ, подразумевающая постоянное создание предпосылок для перехода данной территории в новое качественное состояние, т. е. в стадию ее экономической и социальной модернизации.

Ныне основными чертами китайских СЭЗ являются самостоятельное экономическое развитие на основе принципов рыночного регулирования; опора на иностранные капиталовложения; экспортная ориентация производства; широкое привлечение импортного сырья; включение в состав СЭЗ обширных регионов; активное взаимодействие СЭЗ с остальной территорией страны; дифференцированная налоговая система с учетом региональных особенностей СЭЗ<sup>6</sup>.

Важно, что СЭЗ внесли значительный вклад в развитие экономики Китая. Сейчас СЭЗ активно расширяют свои границы в пределах страны и формируют так называемые экономические пояса. С 1985 г. стали создаваться открытые экономические зоны в приморских районах. Начиная с 1992 г., с санкции Госсовета статус открытых для внешнего мира зон получили ряд приграничных городов, где проводится специфическая экономическая политика. Все эти районы играют роль «окон» и посредников в ходе развития ориентирующейся на внешний рынок экономики.

Примечательным современным моментом является то, что СЭЗ активно интегрируются в региональные соглашения о свободной торговле с соседними странами (например, зоны свободной торговли «Китай—АСЕАН»).

Конечно, определяющую долю успеха в развитии зон на восточном побережье нужно отнести на счет их выгодного с точки зрения логистики географического положения, т. е. близости к портам. Этого преимущества нет в западных регионах, где всего два десятка лет назад государственная граница Китая с азиатскими республиками Советского Союза была наглухо закрыта. Теперь там приходится изначально развивать приграничную логистику.

В настоящее время на границе ЦА и Китая стали формироваться приграничные зоны свободной торговли и развития. Первым примером создания международной СЭЗ может служить зона «Хоргос» на границе Казахстана и Синьцзяна.

Изначально это был пограничный переход «Хоргос—Восточные ворота», который сейчас преобразуется в индустриально-логистический хаб или Центр международного пограничного сотрудничества между Китаем и Казахстаном. Это пока единственная трансграничная зона экономического сотрудничества в китайско—центрально-азиатском приграничье. Собственно, это не только трансграничная зона свободной торговли, но и специальный район экономического освоения, который власти Китая пытаются позиционировать как полюс экономического роста. В настоящее время Хоргос превратился в транспортный узел международного значения, ориентированный на Центральную Азию и даже Европу и объединяющий в себе автодорожный, железнодорожный и трубопроводный виды сообщения. Его открытие привело к резкому росту внешнеторгового грузооборота.

Но особый всплеск инвестиционной привлекательности центра «Хоргос» предполагается после 2016 г., когда будет завершено строительство автомобильного коридора «Западная Европа—Западный Китай»<sup>7</sup>.

Министерство индустрии и торговли Казахстана со своей стороны также планирует создать в Хоргосе точку роста — специальную экономическую зону площадью в 6 тыс. га в целях форсирования



развития производственного сектора страны. Идея состоит в том, чтобы международные компании открывали здесь фабрики, ориентированные на беспопшлинный доступ их продукции на рынки России и Беларуси. Предполагается в перспективе открытие отверточной сборки машиностроительной техники, предприятий строительного, пищевого комплексов и легкой промышленности.

Второй международной зоной особого экономического развития с 2010 г. решением Госсовета КНР объявлен Кашгарский округ Синьцзяна. Ему отводится особая роль в стратегии дальнейшего развития региона. В настоящее время Кашгар — крупный транспортный узел и огромный сельскохозяйственный центр СУАР КНР. Кашгарский округ имеет 5 контрольно-пропускных пунктов 1-й категории с 8 соседними с Китаем государствами, ему отведена роль «золотого канала», связывающего КНР с Центральной и Южной Азией, а также с Европой. Здесь на территории зоны развития Центральное правительство Китая предполагает создать крупную промышленно-сырьевую базу, ориентированную на производство и реализацию экспортных товаров для стран ЦА.

Кроме того, правительствами Китая и Таджикистана прорабатывается возможность совместного продвижения проекта Специальной торгово-транспортной зоны в Мургабском районе Республики Таджикистан. Правительством Таджикистана полагается, что за счет повышения экономического взаимодействия с приграничными территориями Китая и, прежде всего, с Кашгарским округом, посредством создания новых совместных предприятий с китайско-таджикским капиталом можно реально улучшить ситуацию в населенных пунктах Горного Бадахшана.

Итак, нам представляется, что в целях более полного использования экономико-географических преимуществ западных районов Китая с точки зрения их близости к ЦА, формируемые сейчас трансграничные СЭЗ в дальнейшем должны быть преобразованы в обширные зоны экономического сотрудничества производственно-торгового характера.

Мировой опыт подсказывает определенные примеры международного приграничного сотрудничества как инструмента развития периферийных территорий за счет иностранных инвестиций и тех-

нологий. Таковыми признаны зоны экономического сотрудничества в Азии, формируемые с конца 1970-х годов. Эти зоны первоначально приобрели форму «Треугольников роста» (Growth Triangles), или полюсов роста. Так, например, была создана мощная экономическая зона «Дельта реки Жемчужной», затем зона «Кольцо Желтого моря» (залив Бохай в КНР, КНДР, Республика Корея, Япония) и т. д. Позднее и в Юго-Восточной Азии нашла свое воплощение многообещающая концепция «Треугольников роста». В Северной Америке аналогичные зоны расположены на американо-мексиканской границе.

В конечном итоге в приграничье Китая и стран ЦА может быть сформирована масштабная зона сотрудничества в формате международного региона.

### Примечания

<sup>1</sup> *Алимов Р.К.* Таджикистан и Китай: опыт и возможности соразвития. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 10.

<sup>2</sup> World Trade Report 2011. The WTO and preferential trade agreements: From co-existence to coherence, WTO, 2011. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/books\\_p\\_e/anrep\\_e/world\\_trade\\_report11\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/books_p_e/anrep_e/world_trade_report11_e.pdf); *Pomfret R.* Is Regionalism an Increasing Feature of the World Economy? URL: <https://www.tcd.ie/iis/documents/discussion/pdfs/iisdp164.pdf> и др.

<sup>3</sup> *Лихачев А.Е., Спартак А.Н.* Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 5. С. 21.

<sup>4</sup> *Шарыгин М.Д.* Современные проблемы экономической и социальной географии. Пермь: ПГУ, 2008.

<sup>5</sup> *Федоров Г.М., Корневец В.С.* О сущности и соотношении понятий «регион», «международный», «транснациональный» и «трансграничный» регион. URL: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/177/444/>

<sup>6</sup> Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 117.

<sup>7</sup> URL: <http://inozpress.kg/news/view/id/40487>

*В.И. Балакин*

## ПЕКИН И ТАЙБЭЙ: РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ХАНЬСКИХ ОБЩИН ВО ВНУТРИКИТАЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

*Аннотация.* Несмотря на принципиальные политические противоречия между Пекином и Тайбэем, внутрикитайские экономико-интеграционные процессы продолжают развиваться. Законы общего рынка в контексте китайской цивилизации не допускают разрыва хозяйственных связей между конкретными предприятиями, для которых абсолютно не важны идеологические догмы, а приоритеты выстраиваются, исходя из давно сложившихся этнических традиций. «Китайский мир» скреплен не идеологией: он отформатирован долгосрочным практическим интересом крупных исторических межклановых групп, абсолютно не зависящих от ареала их проживания и сферы деятельности. Такова главная философская подоплека функционирования как внутренних китайских общин в Поднебесной, так и их зарубежных ханьских аналогов. В данной связи вряд ли стоит сомневаться, что общекитайское воссоединение, когда бы оно ни произошло, представляет собой естественный ход вещей, не зависящий от сиюминутных политических интересов местных элит.

*Ключевые слова:* Пекин, Тайбэй, зарубежные китайские общины, «китайский мир», китайское воссоединение.

Объективные интеграционные процессы в Восточной Азии в целом, а также между Пекином и Тайбэем — в частности уверенно развиваются, несмотря на всевозможные политические перипетии в ре-

гиональных международных отношениях. Реальный рост совокупной национальной мощи КНР заставляет многих экспертов говорить о возрождении былого величия китайского государства, о его превращении в авторитетного геополитического актора не только регионального, но уже и глобального масштаба. Широко используется термин «Большой Китай», смысл которого трактуется весьма разнородно, но вместе с тем, в среде собственно китайских исследователей по нему практически нет разногласий, поскольку он интерпретируется как «китайский мир» (*Rex Sinica*), включающий все китайские общины, проживающие практически во всех частях света. Неправильно предполагать, что «китайский мир» стремится стать неким супергосударством с единым мощным правительством, определяющим весь комплекс своего взаимодействия с другими государствами. Это вряд ли когда-нибудь произойдет, но некий единый центр управления «китайской ойкуменой» вполне может сформироваться, и некоторые признаки подобного развития событий уже просматриваются<sup>1</sup>.

Как правило, обозначенный феномен объясняется тесными связями зарубежных китайских общин с Пекином, который при всех политических разногласиях все равно признается «культурологическим ядром» китайской цивилизации. В связи с этим возникает вопрос о тайваньской идентичности, так как, признавая Пекин таким цивилизационным «ядром», в Тайбэе в то же время считают возможным иметь внутри китайской цивилизации два суверенных китайских государства. Названный посыл по крайней мере не встречает отторжения в зарубежных китайских общинах, что заставляет руководство КНР весьма осторожно критиковать Тайвань. Тайбэй также не спешит говорить о неизбежности независимости Тайваня, поскольку за время правления на острове гоминдановской администрации была сформирована устойчивая экономическая база разностороннего сотрудничества между Тайванем и материком, которую, по оценкам даже тайваньских экспертов, сегодня уже будет достаточно сложно демонтировать<sup>2</sup>. На материк была перенесена, прежде всего по экономическим соображениям, значительная часть тайваньского промышленного потенциала, что позволило превратить остров в территорию исключительно благоприятную для жизни людей, но крайне зависимую от материка.

В настоящее время тайваньские предприятия активно зарабатывают в так называемом южном поясе КНР, простирающемся от Шанхая до Гуанчжоу. Во многом это было предопределено с самого начала давней клановой привязкой многих тайваньцев к южным китайским провинциям и объяснялось сходством местных диалектов китайского языка, а также близостью ментальности. Немаловажной особенностью стало взаимодействие в «южном поясе» тайваньских и японских компаний, многие из которых имели и продолжают сохранять общую международную структуру управления, а главное — тщательно согласованные стратегии работы на рынке КНР<sup>3</sup>. Ряд зарубежных исследователей акцентирует внимание на том, что наиболее успешными тайваньскими предпринимателями на китайском рынке как раз являются эмигранты, в свое время переместившиеся на Тайвань с материка. При этом существует глубокие ментальные различия между южными и северными провинциями Китая. Они были всегда и имели под собой объективную цивилизационную основу в лице ханьской династии Мин и маньчжурской династии Цин, являвшихся прямыми, а главное — объективными антагонистами.

Трудно отрицать непосредственную связь между культурной традицией Китая, основанной на имперском духе конфуцианского государства, и прагматическом подходе завоевателей к воспитанию беспрекословной покорности у завоеванных. Данное противоречие проходит через всю китайскую историю XX в. и сегодня делает практически невозможным воссоединение Пекина и Тайбэя, даже несмотря на мощные интеграционные процессы в сфере экономики<sup>4</sup>. Недавняя смена власти в Тайбэе поставила на повестку дня совершенно новую дилемму в «диалоге через пролив». Ее придется решать, но порой создается впечатление, что обе стороны просто не в силах верно оценить сложившуюся реальность, которая внешне явно диктует необходимость отказаться от сложившихся подходов и побуждает к взвешенному диалогу двух отличных исторических традиций. «Переговоры через пролив» уже трудно назвать внутрикитайской политической дискуссией, ибо сформировались две самостоятельные «государственности», не готовые поступиться собственными суверенитетами. Таким образом, в обозримой перспективе «китайский мир» может приобрести устойчивую цивилизационную иден-

тичность и включит в себя тесно взаимодействующие государства, государственные образования, а также самоуправляющиеся ханьские и иные этнические общины по всему земному шару.

В связи с этим возникает еще один вопрос: о приобретении конфуцианской цивилизацией надгосударственного статуса, не связанного с этническими особенностями и опирающегося исключительно на древние культурологические догматы. Приоритет культурных традиций создает эффект надгосударственной общности конфуцианской цивилизации, ее многообразия и в то же время — духовного единства<sup>5</sup>. Именно этот посыл является залогом растущей интегрированности «китайского мира», экономико-инвестиционного взаимопроникновения китайских общин, выработки в данной среде универсальных правил системного взаимодействия, которые распространяются повсеместно и укореняются на перспективу. Ареалом функционирования зарубежных китайских общин, как уже раньше отмечалось, фактически стал весь земной шар, но наиболее интенсивная их деятельность отмечается в Японии, Южной Корее и странах АСЕАН. Наблюдается определенная смена приоритетов в попытках Пекина оказывать на эти общины свое влияние: если раньше акцент делался на инвестиционной сфере, то в настоящее время основное внимание уделяется проблемам «цивилизационной интеграции».

Китайское руководство после смены режима на Тайване оказалось в весьма непростой ситуации, когда стало абсолютно не понятно, как дальше выстраивать интеграционные отношения с островом<sup>6</sup>. Наибольшую тревогу в Пекине сегодня вызывает реальная возможность смены наполнения экономической составляющей «диалога через пролив», которая изначально задумывалась правительством КНР как основа для последующей административной интеграции. Гоминдановские власти Тайваня также были по большей части склонны искать в экономическом взаимодействии с материковым Китаем реальный шанс отойти от конфронтационных межпартийных споров и вступить на путь формирования предпосылок для будущего объединения на базе общего понимания цивилизационной идентичности обоих территориальных образований. Поражение Гоминдана на январских (2016 г.) президентских выборах сделало вы-

шеназванную формулу согласия практически нереализуемой, так как новая власть на Тайване в лице Демократической прогрессивной партии однозначно провозгласила неприемлемость общеизвестного лозунга Дэн Сяопина — «одна страна, две системы» и уже выдвинула собственную концепцию общекитайского сосуществования, провозглашающую принцип: «одна цивилизация — две государственности». Совершенно очевидно, что это не что иное, как отчетливый путь к достижению полного суверенитета, который, по некоторым оценкам на экспертном уровне, вполне может быть поддержан такими региональными игроками, как Япония, Индия и Вьетнам.

Несомненно, Китай оказался в трудной ситуации, поскольку с января 2016 г. в «диалоге через пролив» сложилась принципиально иная ситуация, похоже, еще до конца не осмысленная Пекином. КНР предстоит внятно реагировать на брошенный Тайбэем вызов. Среди японских экспертов, являющихся этническими китайцами протайваньской ориентации, уже начинаются дискуссии по всевозможным вариантам «переговоров через пролив» в свете новой политической реальности, суть которых сводится к необходимости полного отказа от любой тематики, предусматривающей утрату Тайванем «государственной независимости», и признания необходимости согласования некоей конструкции договорного «цивилизационного объединения». В частности, в качестве исходных примеров предлагается тщательно изучить содержание Лиссабонского договора об учреждении Евросоюза и даже договор о союзном государстве между Россией и Белоруссией. Некоторые эксперты советуют обратить внимание на опыт последовательного формирования Евразийского экономического союза, продемонстрировавшего на практике реальный отказ от политического доминирования самого мощного государства на постсоветском пространстве, каким является Российская Федерация. Несмотря на глубокое погружение крупного тайваньского бизнеса в кооперационные производственные связи на материке, он вряд ли проигнорирует политический курс в отношении КНР, намечаемый пришедшим к власти правительством на Тайване. Во всяком случае, лидеры большинства зарубежных китайских общин намекнули, что точно не будут слепо выполнять директивы из Пекина<sup>7</sup>.

Стоит обратить серьезное внимание на объективное состояние взаимоотношений КНР и зарубежных ханьских общин. Прежде всего, сами зарубежные ханьские общины заметно отличаются друг от друга, особенно если сравнить китайцев проживающих в Восточной Азии, и китайцев, обосновавшихся в США, Канаде, Австралии и Европе. Восточноазиатские китайцы, как правило, использовали в качестве базы для проникновения на рынок КНР Сингапур, являющийся неформальным лидером АСЕАН. Что касается «западного мира», то их каналом ведения бизнеса с Китаем, безусловно, выступает Гонконг, где еще в период британского колониального владения была создана вся необходимая инвестиционная инфраструктура<sup>8</sup>. Как правило, зарубежные китайцы, откуда бы они ни были, редко хорошо ориентируются в политических проблемах «китайского мира», их прежде всего интересует конкретный бизнес, для развития которого имеются перспективы в КНР и в котором они хотят выжить своих конкурентов из других зарубежных ханьских общин.

Конкуренция между общинами «хуацяо» на внутрикитайском рынке имеет множество аспектов, что свидетельствует о дифференцированной политике Пекина в отношении разных регионов мира. По оценкам западных экспертов, общая численность китайцев, проживающих за рубежом, превышает 30 млн человек, но сюда не включаются жители Гонконга, Макао и Тайваня, которых власти КНР считают гражданами «Большого Китая». Однако в реальности полностью пропекински настроенных зарубежных ханьских общин нет в природе, поскольку их поддержка материкового Китая ситуативна и, как правило, не имеет политической подоплеки ввиду нацеленности на достижение узких прагматических задач<sup>9</sup>. Неоднозначным оказался и патриотический мотив участия «хуацяо» в китайской модернизации, который был продуцирован стремлением Пекина получить в качестве инвестиций весьма значительные свободные финансовые ресурсы для огромного рынка КНР, который просто не мог быть отдан некитайским инвесторам. Из-за отсутствия какого-либо опыта работы с капиталовложениями из промышленно развитых стран, китайское руководство сделало ставку на фактор этнической близости, понимая ее как некую гарантию от «западного двуличия».



В Пекине всегда понимали, что коммунистические идеи представляют собой слабый стимул для экономической интеграции «китайского мира». Чтобы вовлечь зарубежный китайский бизнес в развитие Китая, властям КНР пришлось вернуться к традиционной идее восстановления великой китайской нации, но уже на основе пробуждения «этнической гордости» и настойчивого формирования концепции «китайского мира» в его конфуцианских традициях<sup>10</sup>. Эмиграция из КНР, усилившаяся в начале 1980-х годов, стала благоприятным условием для налаживания «заморских контактов» между выходцами из материкового Китая и зарубежными ханьскими общинами, разбросанными по всему миру. Вряд ли это была осмысленная интеграционная политика руководства КНР, но планы ускоренной модернизации экономики Китая с помощью капиталов этнических китайцев из других, прежде всего промышленно развитых стран, наверняка прорабатывались в недрах КПК. Результаты уже первых 20 лет не обманули ожидания пекинского руководства: тесно взаимосвязанные бизнес-структуры в глобальном «китайском мире» стали реальностью и обрели формы и очертания горизонтально и вертикально интегрированных корпораций с особым устойчивым внутренним этническим укладом.

На сегодняшний день именно эти «этнические корпорации» выступают основными субъектами в рамках «диалога через пролив» и именно они по сути дела ищут ту синергетическую формулу, которая позволит совместить, казалось бы, совершенно несовместимые реальные «государственности» КНР и Тайваня. И не только просто совместить, но и превратить обе стороны в единое цивилизационное объединение<sup>11</sup>. Среди экспертов по Китаю в последнее время стала обсуждаться тема «государственной цивилизационной общности», позволяющей в случае ее оформления решить принципиальную проблему китайского объединения, реально учитывающего практическую невозможность навязывания друг другу современных идеологических доктрин, а также побуждающих всех китайцев мира преодолеть «смутное время» посредством «великого компромисса» через возвращение к конфуцианским ценностям. Этот путь видится достаточно сложным, но такой подход — абсолютно в духе древней китайской традиции, поскольку так решается экзистенциальный во-

прос о сохранении и перспективах развития национальной китайской идентичности в сложных условиях глобальной постмодернистской нестабильности. Кстати, по мнению многих экспертов, именно подобная нестабильность послужила резкому увеличению бизнес-связей между различными зарубежными ханьскими диаспорами, прежде всего доверяющими своим землякам. Деловые отношения всегда предполагают партнерство двух сторон, но в китайской традиции издревле существовала непреодолимая тяга к тому, чтобы в любых отношениях две стороны, в конце концов, оказывались в единой интегрированной системе с собственными четкими специфическими интересами.

После смены власти на Тайване Китаю, видимо, придется искать новые, пока еще не осмысленные формы интеграции для создания единой китайской государственности, которые должны быть абсолютно приемлемыми не только для Тайбэя, но и для Сянган и Аомэня. Идея, культивировавшаяся правительством КНР с начала 2000-х годов, материализовалась сразу в нескольких комплексных программах, предусматривавших отправку в западные высшие учебные заведения значительного количества молодых китайцев. Однако у этой инициативы был и второй план, а именно: таким образом формировались преданные Пекину зарубежные диаспоры по всему миру. Не везде это получилось: в частности, на Тайване сегодня преобладают ханьцы, ориентированные на Японию, несмотря на то, что китайское руководство всегда предпринимало и продолжает предпринимать попытки перенаправить выпускников американских высших учебных заведений на остров с целью создания там общин, выступающих за объединение Китая. Оказалось, что эти усилия не привели к искомому результату, прежде всего — из-за эрозии гоминдановской государственной идеологии и снижения ее привлекательности для современного молодого поколения тайваньцев<sup>12</sup>. Судя по всему, роль пропекинских китайских общин за рубежом Китая также будет последовательно снижаться до тех пор, пока руководство КНР не предложит «китайскому миру» свежую идею государственности, ориентированную на создание интегрированного цивилизационного союза конфуцианских общностей.

---

### Примечания

<sup>1</sup> *Wang Gungwu*. *Cong Huaqiao dao Huaren* : [От зарубежных китайцев до этнических ханьцев] (in Chinese). Xianggang: Xianggang chubanshe, 2013. P. 392.

<sup>2</sup> *Mai Liqian*. *Changing Identities*. Taipei University Press, 2016. P. 135.

<sup>3</sup> *Suehiro Kobei*. *ZaiTyu NichiTai eigyo kyoryoku* : [Японо-тайваньское деловое сотрудничество в Китае] (in Japanese). Tokyo: Kokusai kankei kenkyusyo, 2015. P. 107.

<sup>4</sup> *Emmott, Bill*. *The Limits to Chinese Power*. New York: St.Marthin&Press, 2015. P. 187.

<sup>5</sup> *Camings Bruce*. *China and the World*. London: Westview, 2014. P. 217—218.

<sup>6</sup> *Dominguez Gabriel*. *Taiwan elections likely to impact relations with China*. Washington: Brookings Institution Press, 2016. P. 69.

<sup>7</sup> *Kichi, Arashi (kum. Ze Lan)*. *Taiwan kaikyō odan-shita keizai koryū* : [Экономические связи через Тайваньский пролив] (in Japanese). Tokyo: Waseda daigaku suuppan, 2016. P. 140.

<sup>8</sup> *Waldron Andrew* (2015) *The «One China» Dilemma*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. P. 87.

<sup>9</sup> *Wu Yu-shan*. *Chinese Nationalism // Journal of Contemporary China*. Taipei, 2014. P. 463—478.

<sup>10</sup> *Zhuang Guotu*. *Trends of Overseas Chinese Business Network in East Asia*. Institute of International Relations and Area Studies. Xiamen University Press. P.R.China, 2015. P. 1.

<sup>11</sup> *Chan Kuok Bun*. *State, Economy and Culture Relations on the Chinese Global Business / Nordic Institute of Asian Studies*. Copenhagen, 2015. P. 8.

<sup>12</sup> *Coughling Rodger*. *Double Identity: The Chinese in Modern Taiwan*. Hong Kong University Press, 2015. P. 47—49.

# ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

---

---

*Г.И. Саркисова*

## ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ: УЧРЕЖДЕНИЕ ШКОЛЫ КИТАЙСКОГО И МАНЬЧЖУРСКОГО ЯЗЫКОВ ПРИ КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (1798—1801)

*Аннотация.* Статья касается одного из аспектов истории русского китаеведения: изучения китайского и маньчжурского языков в России в XVIII в. и учреждения в 1798 г. при Коллегии иностранных дел школы по подготовке учеников со знанием этих языков. И хотя сведения об этой школе уже известны, представляется необходимым их расширить и в ряде случаев исправить некоторые неточности, существующие в отечественной историографии.

*Ключевые слова:* школа китайского и маньчжурского языков, Коллегия иностранных дел, Российская духовная миссия в Китае, Антон Владыкин, С.Л. Лашкарев.

В истории отечественного китаеведения XVIII в. был важным этапом на пути накопления и осмысления знаний об истории, культуре и языке Китая, а также подготовки переводчиков китайского и маньчжурского языков, потребность в которых возрастала по мере развития отношений России с Китаем. «Из-за отсутствия переводчи-

ков, — писал академик В.С. Мясников применительно к XVII в., — содержание привозившихся из Пекина «листов» оставалось порой неизвестным в течение десятков лет, а русские послы при переговорах с цинскими дипломатами испытывали неимоверные трудности и вынуждены были для преодоления языкового барьера прибегать к услугам посредников — монгольских толмачей и миссионеров-иезуитов»<sup>1</sup>.

Важную роль в решении проблемы подготовки переводчиков сыграл Кяхтинский договор (1728 г.), 5-я статья которого юридически закрепила статус Российской духовной миссии в Китае (РДМК), известной также как Пекинская духовная миссия, и предоставила России возможность направлять в Пекин для обучения языкам шесть человек («четыре мальчика учеников и два побольшего возраста»), владевших русским и латинским языками<sup>2</sup>. Таким образом, Российская духовная миссия с момента своего основания в Пекине (по одним сведениям, в апреле 1715 г., по другим — в конце 1715 — начале 1716 г.)<sup>3</sup> способствовала всестороннему изучению языка, литературы, истории, традиций Китая, становлению и развитию отечественного китаеведения. Обучение же русскому языку в Пекине учениками миссии содействовало ознакомлению местного населения с русской историей и культурой и созданию у него более адекватного образа России<sup>4</sup>.

Вопрос об изучении китайского языка в России занимает не самое заметное место в отечественной историографии. Косвенным образом он затронут в статьях, посвященных рукописному наследию востоковедов<sup>5</sup> и востоковедному образованию<sup>6</sup>. Более подробно история этого вопроса, начиная с XVII в. по конец XX в., освещена в работе В.Н. Усова «Об изучении в России китайского языка»<sup>7</sup>. Однако в ней сведения о создании и деятельности в России XVIII в. школ, в которых преподавались китайский и маньчжурский языки, не превосходят информацию, содержащуюся в более ранних трудах по истории отечественного китаеведения<sup>8</sup>, где на богатом архивном и историографическом материале освещается история изучения китайского языка, истории и культуры Китая в учебных заведениях.

Проблема организации преподавания китаеведческих дисциплин в России занимает заметное место в «Очерках истории русского

китаеведения» П.Е. Скачкова, который при написании своего исследования, по словам В.С. Мясникова, «внимательнейшим образом» прочитал «буквально тысячи рукописей, документов, хронографов в архивах Москвы, Ленинграда, Казани и других городов... Но, к сожалению, Петр Емельянович не успел окончательно отредактировать рукопись»<sup>9</sup>. Этим в значительной степени объясняются некоторые несоответствия между фактами, содержащимися в архивных материалах и приведенными в данной монографии. В целом же «Очерки...» П.Е. Скачкова остаются фундаментальным трудом по истории отечественного китаеведения и давно уже стали библиографической редкостью. В 2011 г. книга была переведена на китайский язык.

Непосредственно к истории изучения китайского языка в Российской империи обратился В.Г. Дацышен в 2000 г., а через 11 лет, расширив хронологические рамки своего исследования, опубликовал монографию «Изучение китайского языка в России (XVIII в. — начало XX в.)»<sup>10</sup>. Автор не ввел в научный оборот никаких новых исторических фактов относительно первых школ китайского языка. Заслуживает внимания заключение автора о сложившейся в России XVIII в. «системе изучения китайского языка»: «данная система состояла из двух компонентов — подготовительной школы переводчиков в России и длительного нахождения в Пекине в качестве ученика в составе духовной миссии»<sup>11</sup>.

Вместе с тем архивные материалы содержат ценные подробности, позволяющие воссоздать подлинную историю того или иного вопроса. Это относится и к хранящемуся в фонде «Сношения России с Китаем» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) делу «О учреждении учеников при Коллегии для обучения китайскому и маньчжурскому, также персидскому, турецкому и татарскому языкам» 1798 г.<sup>12</sup> И хотя сведения об этой школе уже известны, представляется необходимым их расширить и в ряде случаев исправить некоторые неточности, существующие в историографии.

Первые шаги в истории изучения и преподавания китайского и маньчжурского языков в России были сделаны в 1739 г. открытием школы маньчжурского языка в Москве. Ее преподавателем был назначен китаец Чжоу Гэ<sup>13</sup>, а ученики выбраны из Славяно-греко-ла-

тинской академии: Алексей Леонтьев<sup>14</sup> и Андрей Канаев<sup>15</sup>, которые в 1743 г. были отправлены в Российскую духовную миссию в Пекин для дальнейшего изучения языков.

Если школа Чжоу Гэ, открытая по инициативе Коллегии иностранных дел, просуществовала до конца 1740 г., то школа китайского и маньчжурского языков, созданная в 1741 г. при Академии наук в Петербурге во главе с бывшим учеником 2-й Российской духовной миссии в Пекине (1729—1735) И.К. Россохиным<sup>16</sup>, действовала до 1751 г. Однако ни один из учеников И. Россохина не попал в состав Пекинской духовной миссии и не смог закрепить накопленные знания в китайском и маньчжурском языках. По заключению П.Е. Скачкова, «в дальнейшем в истории отечественного китаеведения их имена не встречаются»<sup>17</sup>.

В 1762 г. по инициативе А. Леонтьева, бывшего ученика 3-й (1736—1743) и 4-й (1744—1755) миссий, назначенного к тому времени секретарем Коллегии иностранных дел, в Петербурге вновь была открыта школа китайского и маньчжурского языков. Относительно ее четырех учеников известно следующее. Михаил Антипов (1745—?), в 1763 г. присланный из Новгородской духовной консистории, из-за отсутствия успехов в обучении в 1765 г. был отправлен на китайскую границу для изучения монгольского языка и продолжения занятий по китайскому языку с переводчиком Е. Сахновским<sup>18</sup>. В 1769 г. по просьбе селенгинского коменданта генерал-майора В.В. Якоби указом Коллегии иностранных дел М. Антипов был назначен переводчиком и оставлен на границе<sup>19</sup>. А. Иванов в 1765 г. был переведен на службу в Публичную экспедицию<sup>20</sup>. Яков Коркин (1745—1779, Пекин) был включен в состав 6-й Пекинской духовной миссии (1771—1781), а судьба Я. Полянского неизвестна<sup>21</sup>.

Единственный вернувшийся на родину из учеников 7-й миссии (1781—1795) и назначенный переводчиком Коллегии иностранных дел Антон Владыкин<sup>22</sup> за 14-летний период пребывания в Пекине накопил очень ценный опыт изучения китайского и маньчжурского языков. Им он поделился в записке, поданной 3 апреля 1796 г. в Коллегию иностранных дел, где отметил одно очень важное обстоятельство: неподготовленность отправлявшихся в Пекин учеников к изучению китайского и маньчжурского языков отнимала у них

2—3 года только на упражнения «в затверживании вокабул и литер»<sup>23</sup>. 12 января 1798 г. А. Владыкин подал в Коллегию иностранных дел прошение о выделении ему 3—4 молодых людей из числа ее студентов или писцов, имевших желание обучаться китайскому и маньчжурскому языкам. Польза такого обучения, по мнению А. Владыкина, состояла в том, что «Коллегия, не заимствуя студентов из духовных училищ, иметь будет собственных своих к тому учению заготовленных. Ученики сии снищут тем более в Пекине совершенства в оных языках и избавятся от тех неудобностей и трудностей, каким подвержены бывають посылаемые в Пекин из семинарий и никакого понятия о тех языках не имеющие»<sup>24</sup>.

Преподавательская деятельность А. Владыкина способствовала бы и поддержанию накопленных им во время обучения в Пекине знаний и навыков, поскольку из-за отсутствия регулярной работы в качестве переводчика он боялся их растерять. «Дела на оных языках, — писал Владыкин, — случаются довольно редко, разговоров же на сих языках мне иметь здесь не с кем, то и знание мое в оных не чувствительно теряться может, а чрез то со временем воспоследовать может и самое оскудение способности моей к совершенному исправлению дел по сей должности» (л. 128). Заботясь о создании условий «для надлежащего обучения и успеха» в случае положительного ответа Коллегии иностранных дел на прошение, А. Владыкин также ходатайствовал перед ней о выделении дома или казенных покоев для проживания его и учеников и денег на приобретение дров, свечей, бумаги, чернил и перьев (л. 129).

Глава Азиатского департамента Коллегии иностранных дел действительный статский советник С.Л. Лашкарев<sup>25</sup>, который и сам с 1764 г. по 1768 г. изучал турецкий, итальянский, французский и греческий языки в школе при русской миссии в Константинополе<sup>26</sup>, в ответ на прошение А. Владыкина написал «Записку о учреждении учеников при Коллегии для обучения китайскому и маньчжурскому языкам и других для обучения персидскому и турецкому»<sup>27</sup>. В ней он представил на рассмотрение Коллегии план по созданию школы переводчиков, который сводился к следующему. Во-первых, отобрать для А. Владыкина трех студентов, желавших обучаться языкам, из состава Коллегии. При отсутствии такого количества учеников



С.Л. Лашкарев счел возможным взять их со стороны, определив в ведомство Коллегии. При этом он рекомендовал «господина де Сеньки, весьма желающего обучаться сим языкам и по молодости лет своих весьма к тому способнаго» (л. 130 об.).

Во-вторых, С.Л. Лашкарев предложил определить каждому ученику жалованье по 120 руб. в год, «чтоб тем охотнее обучались» (л. 131).

В-третьих, по его мнению, 200—250 руб. следовало выделить на наем квартиры с прислугой, дровами и освещением, где бы мог разместиться учитель со студентами «и иметь их всегда в своем присмотре» (там же). Помимо этих денег, С.Л. Лашкарев предложил выделять от 50 до 100 руб. ежегодно «на покупку бумаги, перьев, книг и прочаго или отпускать все оное натурою от Коллегии» по запросам А. Владыкина (там же).

В-четвертых, по записке С.Л. Лашкарева, предстоящее обучение А. Владыкина должно было сводиться не только к достижению успехов его учениками в российской грамматике и грамматике китайского и маньчжурского языков, а также в переводах и сочинениях на этих языках, но и передаче знаний по арифметике, священной и гражданской истории, географии и прочему. Все эти уроки могли быть полезны и для дальнейшей служебной деятельности учеников. Кроме того, А. Владыкину вменялось наблюдение за учениками и «внушение благонравия и хорошаго поведения» (л. 131 об.).

В-пятых, по плану С.Л. Лашкарева, А. Владыкину следовало предписать дважды в год рапортовать в Коллегию иностранных дел об успехах и поведении его учеников. Это обстоятельство, по мнению директора Азиатского департамента, могло бы служить «как в страх ученикам, чтоб время не теряли, так и к рассмотрению, дабы определяемая на сие полезное учреждение сумма не исходила втуне и была б употребляема на заслуживающих её» (л. 131 об.).

3 мая 1798 г. по императорскому указу Коллегия иностранных дел приняла определение на записку С.Л. Лашкарева. В соответствии с определением, переводчику А. Владыкину поручалось обучение трех учеников китайскому и маньчжурскому языкам с тем, «чтоб он прилагал к тому всевозможное с его стороны старание и о успехах данных ему учеников по прошествии каждых шести месяцев отно-

сился в Азиатский департамент, дабы не понятных в сем учении не иметь, и, назначая их к другим должностям, наполнять другими способнейшими, которым и производить в жалованье по 120 рублей в год каждому» (л. 132—132 об.). Предстоявшие хозяйственные расходы Коллегия иностранных дел распределила таким образом: 250 руб. в год «на наем квартиры, на дрова и услугу для всех» выдавать А. Владыкину для оплаты по третям года и каждую треть года выдавать ему же по 20 руб. «на все, к учению принадлежащее» (в том числе на бумагу, перья, чернила) (л. 132 об.).

Выбор студентов из состава Коллегии иностранных дел и подготовка наставления для А. Владыкина в связи с возложением на него новых обязанностей поручались действительному статскому советнику Лашкареву, который 26 мая 1798 г. подал в Коллегию доношение с именами отобранных им для обучения студентов. В их числе были майорские дети: Александр Иванович де Сеньки (Десеньки)<sup>28</sup> и канцелярист Евграф Юрьевич Дранчев, бывший гимназист Сухопутного шляхетского кадетского корпуса<sup>29</sup>, знавший греческий язык, а также сын регистратора инвалидной команды Коллегии иностранных дел Тимофей Ильич Харитонов (л. 154 об.). Данный перечень студентов был несколько переиначен в «Очерках...» П.Е. Скачкова<sup>30</sup> по причине, по всей видимости, уже отмеченных обстоятельств. Кроме этого факта, вызывает возражение и заключение В.Г. Дацышена о том, что «в школу набрали не учащихся духовных семинарий, а детей разночинцев»<sup>31</sup>: в архивных документах отсутствуют сведения о происхождении родителей студентов, а более важное значение в данном случае имело то событие, что отбор в школу производился из штата Коллегии иностранных дел. К тому же тщательность поиска учеников «азиатских языков» из «дворянских, офицерских и ротмистерских детей», а в случае отсутствия таковых «из подьяческих и толмачевских молодых людей, а из самых подлых не брать» — предписывалась указом Коллегии иностранных дел от 28 июня 1753 г. А в 1781 г. императорское распоряжение по этому поводу имело следующее уточнение: «чтоб они выбраны были из надежных и способных людей»<sup>32</sup>.

В соответствии с императорским указом, выплата жалованья студентам и их учителю осуществлялась с 1 июля 1798 г. (л. 155). Вы-

деленные на это средства, вместе с остальными затратами на обучение, составляли 670 руб. ежегодно, а 330 руб. предназначались «на покупку для награждения студентам вещей и книг в поощрение к учению, также на прибавку им жалованья по успехам и на другие расходы» (л. 156). Сложившаяся таким образом ежегодная сумма на все затраты по обучению китайскому и маньчжурскому языкам в размере 1000 руб., по определению Коллегии, должна была находиться в ведении С.Л. Лашкарева. Кроме того, ему предписывалось осуществлять и надзирание за учителем, а также учением и успехами его студентов (л. 156).

Однако очень скоро состав студентов изменился из-за непредвиденных обстоятельств: 27 октября 1798 г. умер Евграф Дранчев<sup>33</sup>. По представлению С.Л. Лашкарева в Коллегию был принят студентом десятилетний Михаил Сипаков, сын скончавшегося сторожа Коллегии иностранных дел<sup>34</sup>. В поданном прошении Сипаков написал о себе, «что он российской грамате читать и писать уже умеет и арифметике обучен» (л. 170), а рекомендовавший его С.Л. Лашкарев пришел к заключению, что М. Сипаков «весьма способен кажется к продолжению далее своего учения» (л. 167). Свидетельством того, как осуществлялось обучение в школе и каковы были его результаты, стали рапорты А. Владыкина директору Азиатского департамента С.Л. Лашкареву. В них заметен процесс постепенного накопления знаний студентами в различных сферах учебной деятельности.

Первый рапорт, написанный 7 марта 1799 г., через полгода после начала занятий 18 августа 1798 г.<sup>35</sup> содержит известия о первых успехах учеников. Они состояли в следующем. Было выучено более 400 маньчжурских слов и более 300 китайских. По-маньчжурски научились читать и писать. В постижении китайского языка приходилось преодолевать больше трудностей. «Поелику китайский язык не имеет азбуки, — сообщал А. Владыкин, — то упражняются они в разбирании и письме букв онаго языка и в переводе легчайших и известных им слов на российской» (л. 172—172 об.). Помимо иностранных языков, студенты обучались и русской грамматике, а также упражнялись в чтении церковных и гражданских книг, им преподавался краткий катехизис. Отметив, что по всем предметам ученики «обучаются похвально и успешно», А. Владыкин тем не ме-

нее обратил особое внимание на Т. Харитонова, который «отличныя и превосходныя оказывает успехи и дарования» (л. 172 об.). «Новоопределенный» студент М. Сипаков, по словам Владыкина, приступил к занятиям 9 января 1799 г.: «начал учиться манджурской азбуке и писать по-манджурски и учить наизусть китайския и манджурския слова с российскими значениями» (л. 172 об.). Кроме этого, он упражнялся «в чтении и письме российском», в чем не имел еще достаточной подготовки.

Довольный результатами учебного процесса С.Л. Лашкарев, желая вознаградить учеников за хорошую работу «покупкою вещей», 29 марта 1799 г. запросил у казначея, статского советника П.К. Берхмана, из суммы, разрешенной Коллегией иностранных дел на поощрение студентов, 190 рублей (л. 174).

Уже через полтора года переводчик А. Владыкин достиг заметных результатов в обучении своих учеников. Известия об этих достижениях сохранились в рапорте от 6 февраля 1800 г. В течение всего времени студенты обучались, «во-1, познанию и выговору китайских букв, коих до 2000 с переводами российскими и манджурскими познали, сверх сего краткому переводу с онаго языка на российской и манджурской языки. Во-2, научились читать и писать по-манджурски исправно и выучили также до 2000 слов манджурских с переводами. И, кроме сего, переводить могут краткие периоды с онаго языка на российской» (л. 175—175 об.)<sup>36</sup>.

Еще через два месяца в отчете от 4 апреля 1800 г. А. Владыкин вновь сообщил об успехах своих учеников в чтении, письме и кратких переводах маньчжурских текстов и заучивании более 1000 слов. «Китайских букв могут писать до 1000, — информировал он, — и познали выговор и значение оных и могут с сего языка переводить краткие периоды на российской и манджурской» (л. 182). Отметив хорошую работу всех студентов, на сей раз учитель обратил особое внимание на способности самого старшего по возрасту студента А. де Сеньки (л. 182 об.). Непристанная забота об учениках со стороны С.Л. Лашкарева, который сам испытал нужду во время обучения за границей<sup>37</sup>, проявилась в очередном письме статскому советнику П.К. Берхману о выделении 305 руб. для студентов (л. 176), а со стороны Коллегии иностранных дел — в определении от 30 апреля

1800 г. об увеличении жалованья студентам за хорошие успехи в учебе (л. 180—181 об).

По рапорту от 11 сентября 1800 г., занятия по языкам сводились к переводам с китайского и маньчжурского языков на русский, с маньчжурского на китайский, с русского на китайский и маньчжурский языки. Переводы, китайские иероглифы и маньчжурские слова ежедневно заучивали наизусть «для лучшего изощрения памяти» (л. 183) и учились писать китайские иероглифы. Одновременно с освоением языков постигали русскую грамматику, «которую почти с успехом познали», продолжали читать церковные и гражданские книги, старинные и новейшие рукописи, по-прежнему осваивали арифметику, краткую российскую историю и сокращенный православный катехизис. «По причине их молодых лет и незнания иностранных языков, — писал их наставник А. Владыкин, — изъясняя и толкую славянския и в российской язык принятая чужестранныя слова и из натуральной истории о животных и произведениях натуры» (л. 183 об.).

Тексты, подбиравшиеся для переводов, имели назидательный и поучительный характер. Например, они содержали такие изречения: «Самое лутчее время для вас учиться, вы, не упуская сих лет, должны стараться, ибо естли теперь не стараться, то останетесь бесполезными» (л. 184); «Делай ближнему пользу и сам получишь пользу... Поселяйся близ добраго соседа, а дружись с честным человеком» (л. 184 об.); «Что ты вчерашний день переводил, то я сегодня подправил. Подправленное хорошенько перепиши, переписавши, переведи сии несколько строк. Прежде, нежели начнешь переводить, хорошенько размотри, что написано. Чем лучше переведешь, тем более похваляю тебя. Старайся быть прилежным учеником» (л. 186 об.).

Последнее назидание является в некоторой степени и отражением методических принципов того обучения. В рапортах А. Владыкина отсутствуют какие-либо сведения о том, что являлось учебным материалом для его студентов, пользовались ли они какими-либо учебными пособиями. Но поскольку в 1804 г. появились его «Манджурская азбука, в пользу российского юношества сочиненная...», «Манджурская грамматика. Для российского юношества сочинен-

ная...», а также «Руководство для учащихся манджурскому языку...»<sup>38</sup>, можно предположить, что их созданию и появлению способствовал и педагогический опыт А. Владыкина, приобретенный за время работы в школе. А в архивных материалах, относящихся к февралю 1763 г. и связанных с преподавательской деятельностью А. Леонтьева, сохранилось его доношение в Коллегию иностранных дел с просьбой о передаче из конторы Святейшего Синода не употреблявшихся китайских азбук и вокабул для обучения и реестр переданных китайских книг<sup>39</sup>. Данный факт не исключает возможное использование и в школе А. Владыкина такого учебного материала.

Следует отметить, что во всех рапортах А. Владыкин выражал удовлетворение работой своих учеников, которые, «успевая с похвалою, ведут себя честно, добропорядочно и как долженствует благородно обучающимся» (л. 183 об.). Однако из всех учеников школы, которая была закрыта в 1801 г., только Михаил Дмитриевич Сипаков в составе 9-й духовной миссии (1807—1821) оказался в Пекине и продолжил изучение китайского и маньчжурского языков, а по возвращении на родину был назначен переводчиком Азиатского департамента Министерства иностранных дел<sup>40</sup>.

Таким образом, история возникновения в России XVIII в. школ по изучению китайского и маньчжурского языков неразрывно связана с историей развития русско-китайских отношений и деятельностью Российской духовной миссии в Китае. Сложный процесс становления русского китаеведения отразился и в работе первых школ по изучению китайского и маньчжурского языков. Они не имели отлаженной методики преподавания, поскольку первыми учителями в основном были бывшие ученики Пекинской духовной миссии, использовавшие в работе навыки, приобретенные за время своего обучения в Пекине.

Кроме того, отсутствие регулярных дипломатических контактов и дипломатической переписки с Цинской империей, а также недостаточный интерес к ее истории были причиной нечастой востребованности не только переводчиков Коллегии иностранных дел, но и учеников, подготовленных в школах.

Вместе с тем бывшие ученики Российской духовной миссии в Китае в XVIII в., получив хорошее знание китайского и маньчжур-

ского языков, стали известными русскими китаеводами, переводчиками и преподавателями, на собственном опыте осознавшими необходимость как предварительной подготовки учеников в России, так и их дальнейшего совершенствования в изучении языков непосредственно в столице Китая при Российской духовной миссии.

### Примечания

<sup>1</sup> Мясников В.С. Становление и развитие отечественного китаеведения // Кастальский ключ китаеведа. М., 2014. Т. 4. С. 84.

<sup>2</sup> Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М., 2004. С. 44.

<sup>3</sup> Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань, 1882. С. 81; Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.; СПб., 2006. С. 24

<sup>4</sup> Об этом подробнее см.: Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014. С. 140—166.

<sup>5</sup> Петров Н.А. К истории изучения китайского языка в России (Рукописные словари, хранящиеся в архиве востоковедов ЛО ИНА АН СССР) // Дальний Восток. М., 1961. С. 65—90.

<sup>6</sup> Куликова А.М. Проекты востоковедного образования в России (XVIII — 1-я половина XIX в.) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 133—139.

<sup>7</sup> Усов В.Н. Об изучении в России китайского языка // Тайваньская панорама. 1996. № 4. URL: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=52068>

<sup>8</sup> Мясников В.С. Становление и развитие отечественного китаеведения // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2. С. 41—62; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990.

<sup>9</sup> Скачков П.Е. Указ. соч. С. 5.

<sup>10</sup> Дацьшен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Красноярск, 2000; Его же: Изучение китайского языка в России (XVIII в. — начало XX в.). Новосибирск, 2011. Следует отметить, что пропущенные автором опечатки в датировке событий на страницах 21 и 22 первого издания перешли и во второе (С. 26, 28).

<sup>11</sup> Дацьшен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи. С. 24.

<sup>12</sup> АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5. Л. 127—189.

<sup>13</sup> Чжоу Гэ (Чжугэ, Федор Джога, Федор Петров). О нем подробнее см.: *Скачков П.Е.* Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в XVIII веке в России // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 198—201.

<sup>14</sup> Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716—1786) — известный русский китаевед, один из основателей российского китаеведения, переводчик и секретарь Коллегии иностранных дел, автор многообразных по тематике переводов китайских и маньчжурских текстов.

<sup>15</sup> Канаев (Каняев) Андрей Михайлович — ученик Пекинской духовной миссии с 1743 г. Умер после приезда в Пекин 23 декабря 1754 г. казенного торгового каравана во главе с А.М. Владыкиным. 4 июня 1755 г. с караваном выехали из Пекина два других ученика 4-й Российской духовной миссии: А. Леонтьев и Е. Сахновский. См.: *Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы.* Т. VI: 1752—1765. М., 2011. С. 135; *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. С. 65.

<sup>16</sup> Россохин Илларион Калинович (1707/1717—1761) — один из первых русских китаеведов, ученик 2-й Российской духовной миссии в Китае (1729—1735), затем — переводчик Академии наук и преподаватель китайского и маньчжурского языков. Перевел большое количество китайских и маньчжурских текстов. Огромная заслуга И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева перед отечеством состояла в большой и многогранной работе по переводу 16-томного сочинения под названием «Обстоятельное описание происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего» («Ба ци тунчжи»). И.К. Россохин перевел пять томов «Описания». После его смерти эту работу завершил А.Л. Леонтьев. Помимо перевода, они составили примечания к тексту, вошедшие в отдельный 17-й том. Большая часть примечаний принадлежит И.К. Россохину. Об этом подробнее см.: *Скачков П.Е.* Указ. Соч. С. 50—51, 67—69.

<sup>17</sup> Там же. С. 46.

<sup>18</sup> Вернувшийся в Россию в 1755 г. бывший ученик 4-й Российской духовной миссии Е. Сахновский был оставлен переводчиком при Кяхтинской таможне.

<sup>19</sup> АВПРИ. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5. Л. 87—91 об., 110—110 об., 121 об.—122.

<sup>20</sup> Там же. Л. 87—91 об. Коллегия иностранных дел, в 1718-1720 гг. преобразованная из Посольского приказа, подразделялась на два отделения: политический департамент (или Секретную канцелярию) и Публичную экспедицию. Секретная канцелярия занималась приемом и отзывом иностранных дипломатов, отправкой российских дипломатов за границу, дипломатической перепиской, делопроизводством, составлением протоколов. Публичная экспедиция ведала хозяйственными и почтовыми делами, а также делами народов, живших в пограничных губерниях. В 1796 г. был создан также особый департамент азиат-



ских дел — Азиатский департамент. См.: URL: [http://www.idd.mid.ru/letopis\\_dip\\_slyzhby\\_01.html](http://www.idd.mid.ru/letopis_dip_slyzhby_01.html)

<sup>21</sup> Скачков П.Е. Указ. соч. С. 71.

<sup>22</sup> Владыкин Антон Григорьевич (1757—1812) — калмык по национальности. По возвращении в Россию получил чин коллежского ассессора. О нем подробнее см.: Саркисова Г.И. Некоторые аспекты жизни Цинской империи в восприятии членов VII Русской православной миссии в Пекине (1781—1794) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XX. М., 2015. С. 343—362.

<sup>23</sup> АВПРИ. Оп.62/3. 1792. Д. 1. Л. 249 об. Вокабула (лат. *Vocabulum* — слово) — слово иностранного языка с переводом на родной язык. Литера (лат. *Littera* — буква) — буква, один из знаков азбуки.

<sup>24</sup> АВПРИ. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5. Л. 128 об.

<sup>25</sup> Лашкарев Сергей Лазаревич (1739—1814) — генерал-майор, искусный дипломат, с именем которого связано немало успехов русской дипломатии на пути установления добрососедских отношений России с Османской империей и Персией. 26 февраля 1797 г. С.Л. Лашкарев указом императора Павла I был назначен управляющим Азиатским департаментом Коллегии иностранных дел с правом личного доклада императору. О нем см.: Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С.Л. Лашкарев и его время). М., 1987.

<sup>26</sup> Там же. С. 35.

<sup>27</sup> АВПРИ. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5. Л. 130—131 об.

<sup>28</sup> В архивных документах встречаются два варианта написания этой фамилии.

<sup>29</sup> Сухопутный шляхетский кадетский корпус (1731—1831) готовил как военнослужащих, так и гражданских чиновников. В корпус принимались исключительно дворянские дети, уже научившиеся читать и писать. Здесь они обучались математике, истории и географии, артиллерии, фортификации, фехтованию, верховой езде и многому другому, необходимому для воинской службы, а также немецкому, французскому и латинскому (для желающих после обучения заниматься науками) языкам, чистописанию, грамматике, риторике, рисованию, танцам, морали и геральдике.

<sup>30</sup> П.Е. Скачковым названы «сын регистратора Коллегии иностранных дел Тимофей Харитонович, канцелярист Евграф Дранчев и сын отставного майора Александр Денеська» (Скачков П.Е. Указ соч. С. 80).

<sup>31</sup> Дацышен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи. С. 22. По сведениям Краткого исторического словаря, разночинцы — люди «разного чина и звания», в России конца XVIII—XIX вв. межсословная категория населения, выходцы из разных сословий (духовенства, купечества, мещанства, мелких чиновников и т.п.), юридически неоформленная категория населения, в

основном занимавшаяся умственным трудом. Являлась носителем революционно-демократической идеологии. URL: <http://interpretive.ru/dictionary/401/word/gaznochī>.

<sup>32</sup> *Кессельбрэннер Г.Л.* Указ. соч. С. 33.

<sup>33</sup> АВПРИ. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5. Л. 170.

<sup>34</sup> Данные факты неточно датированы в «Очерках истории русского китаеведения». В них смерть Е. Дранчева и зачисление в школу М. Сипакова относятся к августу 1798 г. Об этом см.: *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 81.

<sup>35</sup> П.Е. Скачков открытие школы относит к маю 1798 г. См.: Там же. С. 80.

<sup>36</sup> Данные сведения приведены и П.Е. Скачковым в «Очерках истории русского китаеведения». Однако они содержат неточности: рапорт А. Владыкина относится к 1799 г., а не к 1800, называется неправильное количество выученных слов маньчжурских с переводом (200 вместо 2000) и неправильно указаны архивные листы. — Там же. С. 81.

<sup>37</sup> *Кессельбрэннер Г.Л.* Указ. соч. С. 38.

<sup>38</sup> *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 81, 398.

<sup>39</sup> АВПРИ. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5. Л. 14—17 об.

<sup>40</sup> *Адоратский Н.* Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. № 2. С. 79.

## Сведения об авторах

---

*Александрова Мария Викторовна (Maria V. ALEXANDROVA)*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

*Алимов Рашид Кутбиддинович (Rashid K. ALIMOV)*, доктор политических наук, Генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества, лауреат международной премии «Шелковый путь — гуманитарное сотрудничество» (Пекин, 2012 г.).

E-mail: rashid.alimov@outlook.com

*Балакин Вячеслав Иванович (Vyacheslav I. BALAKIN)*, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

*Васильев Леонид Евгеньевич (Leonid Ye. VASILIEV)*, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: levdvina@mail.ru

*Виноградов Андрей Олегович (Andrey O. VINOGRADOV)*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

*Гордиенко Дмитрий Владимирович (Dmitry V. GORDIENKO)*, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС

Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

*Исаев Александр Сергеевич (Alexander S. ISAEV)*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: aisaev51@mail.ru

*Клименко Анатолий Филиппович (Anatoly F. KLIMENKO)*, генерал-лейтенант (отст.), кандидат военных наук, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: klimenko46@mail.ru

*Криворотов Андрей Константинович (Andrey K. KRIVOROTOV)*, кандидат экономических наук, секретарь Совета директоров компании «Штокман Девелопмент АГ», член Экспертного совета Российско-норвежского научно-образовательного консорциума в области международного энергетического бизнеса.

E-mail: krivorotov@starlink.ru

*Ларин Александр Георгиевич (Alexander G. LARIN)*, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: aleklar@yandex.ru

*Лузянин Сергей Геннадьевич (Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN))*, доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

*Матвеев Владимир Александрович (Vladimir A. MATVEEV)*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: matveeva@mail.ru

---

*Мокрецкий Александр Чеславович (Alexander Ch. MOKRETSKY)*, младший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

*Морозов Юрий Васильевич (Yury V. MOROZOV)*, кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

*Петровский Владимир Евгеньевич (Vladimir Ye. PETROVSKY)*, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

*Саркисова Галина Ивановна (Galina I. SARKISOVA)*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: sarkisova1954@mail.ru

*Сафронова Елена Ильинична (Elena I. SAFRONOVA)*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, отв. редактор и составитель ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность».

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

*Тимофеев Олег Анатольевич (Oleg A. TIMOFEEV)*, кандидат исторических наук, доцент, эксперт российско-китайской программы Государственного университета управления (Москва).

E-mail: timooa@mail.ru

*Уянаев Сергей Владимирович (Sergey V. UYANAEV)*, кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: svuyav@yahoo.com

## SUMMARY

---

---

**China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXI.** /Ed. by Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, 2016.

This annual publication — a collection of articles “China in the World and Regional Politics (History and Modernity)” is devoted to the analysis of the most pressing issues of foreign policy and foreign economic relations of China.

XXIst edition comprises articles written by specialists from several research centers of the IFES RAS and invited experts from a number of scientific and practical structures as well. Special feature of this year's collection is an in-depth analysis of various aspects of the Shanghai Cooperation Organization's activities in the light of its 15th anniversary as well as multidimensional consideration of international processes related to the initiation of the Chinese “One Belt, One Road” mega-project.

The issue continues the study of the “Silk Road Economic Belt” project and its probable conjugation with the SCO and the Eurasian Economic Union (EAEU). Consideration is also given to some aspects of China's activity in the international and regional level and in the format of bilateral relations. A number of articles is devoted to such burning topics as Eurasian economic cooperation, Russian-Chinese interaction, political and economic security in Eurasia, BRICS and RIC structures, China's role in the economic arena of Central Asia and others. The collection includes an article on the history of Russian sinology concerning establishment of the school of Russian sinologists-translators.

*Keywords:* China, Russia, international relations, China's foreign policy, Russian-Chinese cooperation, security, Eurasia, “One Belt, One Road” project, SCO, Silk Road Economic Belt, Eurasian Economic Union (EAEU), RIC, BRICS, Central Asia, foreign economic relations, history of China's foreign policy.

---

**CONTENTS**
**International Relations of the PRC**
*Rashid K. ALIMOV*

SCO: Current Issues of Regional Economic Cooperation in Eurasia . . . . . 7

*Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)*

 Russia and China in East Asia: Security, Challenges and Opportunities  
 for the Strengthening of Mutual Cooperation in 2016 . . . . . 16

*Sergey V. UYANAIEV*

 BRICS Association and RIC Structure in Mid-2010-ies:  
 Trends and Prospects, Russian—Chinese Interaction . . . . . 26

*Andrey O. VINOGRADOV*

Russia—China: Current Status and Prospects of Bilateral Relations . . . . . 47

*Yury V. MOROZOV*

Strategic Projects of China, Russia and the United States for Eurasia . . . . . 62

*Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)*

 SCO, China's "Silk Road" Project and Eurasian Economic Union:  
 Options for Their Interaction/Conjugation in Eurasia . . . . . 78

*Vladimir Ye. PETROVSKY*

 Cooperation and Security in Eurasia within the Framework  
 of the SCO Mid-Term Development Strategy . . . . . 85

*Elena I. SAFRONOVA*

Multipolarity and Russian—Chinese Cooperation in the SCO Context . . . . . 98

*Anatoly F. KLIMENKO*

 Silk Road Economic Belt and Security Problem  
 in the Shanghai Cooperation Organization's Area . . . . . 119

*Alexander G. LARIN*

 Analyzing the Essence of the SREB Project and Its Conjugation  
 with the EAEU . . . . . 138

*Alexander Ch. MOKRETSKY*

Caucasus Countries in China's Silk Road Economic Belt Strategy . . . . . 150

<i>Elena I. SAFRONOVA</i> «One Belt, One Road» Project in the Context of Africa and Latin America . . .	159
<i>Leonid Ye. VASILIEV</i> On the Current Status of Political and Economic Cooperation between China and Central Asian States . . . . .	174
<i>Oleg A. TIMOFEEV</i> The Structure and the Development Model of Chinese-French Partnership: Lessons and Opportunities for Russia . . . . .	189
<i>Andrey K. KRIVOROTOV, Andrey O. VINOGRADOV</i> Sino-Norwegian Relations: Current Status and Normalization Prospects . . . .	201
<i>Alexander S. ISAEV</i> China's Institutions of Public Consciousness Forming and the Cooperation of Chinese and Russian Mass Media . . . . .	218

## Foreign Economic Policy of the PRC

<i>Dmitry V. GORDIENKO</i> Probable Changes in the Level of Economic Security of China during the Implementation of the Silk Road Economic Belt Strategy . . . . .	234
<i>Maria V. ALEXANDROVA</i> New Vision of the North-East China Transport Position in the Context of “One Belt, One Road” Concept . . . . .	256
<i>Vladimir A. MATVEEV</i> On the Prerequisites of the Formation of an International Economic Region on the Greater Central Asia Territory. The Role of China . . . . .	273
<i>Vyacheslav I. BALAKIN</i> Beijing and Taipei: the Role of Overseas “Huaqiao” Communities in Intra-Chinese Integration Processes . . . . .	283

## From the History of Russian Sinology

<i>Galina I. SARKISOVA</i> From the History of Russian Sinology: Establishment of the School of Chinese and Manchurian Languages by the College of Foreign Affairs (1798—1801) . . . . .	292
---	-----



---

## International Relations of the PRC

### **Rashid K. ALIMOV.** SCO: CURRENT ISSUES OF REGIONAL ECONOMIC COOPERATION IN EURASIA

The article is devoted to the analysis of urgent problems of economic cooperation in Eurasia in the context of the SCO. It substantiates the assumption that in the future, the initiative of the joint construction of the Silk Road Economic Belt may become a “platform” for the economic cooperation strengthening. It is noted that transport cooperation is an unquestionable key vector of both regional economic cooperation and implementation of joint initiatives of the Silk Road Economic Belt construction as well. The author also considers facilities of new financial institutions for the implementation of projects included in the Program of multilateral trade and economic cooperation of the SCO member states.

*Keywords:* SCO, Eurasian Economic Union, transport corridor, infrastructure projects, financial support mechanisms for project activities, “Silk Road Economic Belt” concept.

### **Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN).** RUSSIA AND CHINA IN EAST ASIA: SECURITY, CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR THE STRENGTHENING OF MUTUAL COOPERATION IN 2016

The article examines state and prospects of cooperation between Russia and China in East Asia in the context of common threats to their political-strategic and/or economic security and traces the logic of the cooperation's development after the conclusion of the 2001 Russian-Chinese Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation.

*Keywords:* Russia, China, security, cooperation, strategic partnership, North-East Asia, integration.

### **Sergey V. UYANAEV.** BRICS ASSOCIATION AND RIC STRUCTURE IN MID-2010-ies: TRENDS AND PROSPECTS, RUSSIAN-CHINESE INTERACTION

The article examines the stages of formation, principles, objectives and forms of interaction in the RIC (Russia—India—China) and BRICS structures, including cooperation between Russia and China. The author analyzes positive potential, facts and events of the current period, as well as challenges and risks of the further development of BRICS and RIC. On this basis, a multivariate forecast of the cooperation prospects of both formats is made. The author considers a moderately positive scenario to be the most likely option among such prospects. According to the analysis made, this conclusion is also applicable for the Russian-Chinese cooperation both in BRICS and RIC.

*Keywords:* BRICS, RIC, Russia, China, Russian-Chinese cooperation, evolution, New Development Bank, the RIC Ministerial meeting, forecasts.

**Andrey O. VINOGRADOV. RUSSIA-CHINA: CURRENT STATUS AND PROSPECTS OF BILATERAL RELATIONS**

The article is devoted to the study of basic processes of the Russian-Chinese strategic partnership's proliferation and deepening, new opportunities for Russian-Chinese cooperation under conditions of Western sanctions (the parties' cooperation in security, trade, energy, innovation and investment).

*Keywords:* Russia, China, the Russian-Chinese strategic partnership and cooperation, fields of cooperation.

**Yury V. MOROZOV. STRATEGIC PROJECTS FOR EURASIA OF CHINA, RUSSIA AND THE UNITED STATES**

Becoming the second world economic power, the Peoples Republic of China aspires to transfer the centre of the world development to Asia where China is the basic "driver". For this purpose Beijing has developed a number of strategies which coincide with integration plans of Russia in Eurasia. However, they mismatch plans of the United States, which are trying to keep their leadership in the world. The various programs based on American concepts of development of the world community are being used for this purpose. The object of this article is to view the obstacles interfering realization of integration projects of the Peoples Republic of China in Eurasia and to define the most rational platform for Russian-Chinese optimal integration.

*Keywords:* Russia, China, USA, Central Asia, New Silk Road, "One Belt, One Road", Greater Central Asia, SCO, CSTO, Eurasian Economic Union (EAEU).

**Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN). SCO, CHINA'S "SILK ROAD" PROJECT AND EURASIAN ECONOMIC UNION: OPTIONS FOR THEIR INTERACTION/CONJUGATION IN EURASIA**

The paper presents a multi-faceted analysis of international macro-environment, prerequisites, probable directions, prospects and challenges for the interaction/conjugation of three integration projects: the Chinese "Silk Road Economic Belt" (SREB), the Eurasian Economic Union (EAEU), initiated by Russia, and the SCO.

*Keywords:* Russia, China, "Silk Road Economic Belt" (SREB), Eurasian Economic Union (EAEU), SCO, security, economy, cooperation, conjugation, strategic partnerships, North-East Asia, integration.

---

**Vladimir Ye. PETROVSKY. COOPERATION AND SECURITY IN EURASIA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SCO MID-TERM DEVELOPMENT STRATEGY**

The article deals with theoretical and practical issues of regional security and development in Eurasia within the context of the 'SCO Development Strategy Until 2025'. The author implies that the Strategy reflects common understanding of a substantial inter-dependence of the core issues of security and development within the framework of the Human Development and Human Security concept. The Strategy enables the SCO Member States to properly balance mutual cooperation in political and military sphere and in the sphere of economy and trade as well, while the latter becomes more and more topical for the SCO.

*Keywords:* Shanghai Cooperation Organization, Human Development and Human Security concept, global governance, polycentric world order, SCO Development Bank, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt.

**Elena I. SAFRONOVA. MULTIPOLARITY AND RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE SCO CONTEXT**

The article is devoted to the study of prerequisites of the Russian-Chinese strategic partnership's proliferation in the context of the SCO as an element of a multipolar world. The author offers short, medium and long term forecasts for Russian-Chinese relations in the framework of the SCO.

The final conclusion is as follows: the modern Russian-Chinese dialogue, which has entered "new stage of the comprehensive partnership and strategic interaction", if properly carried out, may become a real tool for enhancement of the general climate in Eurasia and a mechanism of regional economic development and security as well.

*Keywords:* Russia, China, the Russian-Chinese strategic partnership and cooperation, SCO, multipolarity, forecasts of development, fields of cooperation.

**Anatoly F. KLIMENKO. SILK ROAD ECONOMIC BELT AND SECURITY PROBLEM IN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION'S AREA**

The article analyzes the Chinese project "Silk Road Economic Belt" and calls for its realization. The necessity of the strengthening of the SCO capacity in realization of the project is also described. Author presents reasons for consolidation of the regional security in the area of the Organization. Some recommendations concerning the increase of the SCO capabilities in this context are offered.

*Keywords:* Russia, China, Silk Road Economic Belt, Central-Asian region, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Islamic fundamentalism, defense, security.

**Alexander G. LARIN.** ANALYZING THE ESSENCE OF THE SREB PROJECT AND ITS CONJUGATION WITH THE EAEU

Issues under discussion: economic content of the SREB project, its ideological objectives, essence of the EAEU and the SREB conjugation, significance of the conjugation for Russia.

*Keywords:* SREB economy, SREB ideology, conjugation of the EAEU and the SREB, SREB and Russia.

**Alexander Ch. MOKRETSKY.** CAUCASUS COUNTRIES IN CHINA'S SILK ROAD ECONOMIC BELT STRATEGY

China's cooperation with Azerbaijan, Armenia and Georgia has got successful and stable development in different directions. The Caucasus region becomes one of the most important parts of the “One Belt, One Road” strategy. Beijing continues to realize deeply echeloned, “cool and reserved” expansion in the region via active usage of the Silk Road Economic Belt resources.

*Keywords.* China, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Silk Road Economic Belt.

**Elena I. SAFRONOVA.** “ONE BELT, ONE ROAD” PROJECT IN THE CONTEXT OF AFRICA AND LATIN AMERICA

The article analyzes potential role and importance of Africa and Latin America for the Chinese “One Belt, One Road” mega-project. The author describes already existing as well as new probable areas of participation of the countries in the respective plans of China and conditions that have been created for the rooting of the project into African and Latin American soils. The paper also discusses factors impeding the realization of the project in the developing world.

It was concluded that financially sound China which also shows high adaptability to risky working conditions, has a good chance to hold the “One Belt, One Road” ship between reefs of the turbulent economic “sea” of the developing world.

*Keywords:* China, “One Belt, One Road” project, 21<sup>st</sup> Century Maritime Silk Road, developing countries, Africa, Latin America, infrastructure, economic cooperation, Nicaragua Canal, inter-oceanic railroad.

**Leonid Ye. VASILIEV.** ON THE CURRENT STATUS OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIAN STATES

The article is dedicated to the assessment of the actual interstate cooperation level between China and Central Asian states. It gives the general description of the People's Republic of China's policy in Central Asia and considers key features of China's interstate relations with each specific state in this region. The article also

gives an analysis of the main problems within these relations and considers probable directions of their development in near-term perspective.

*Keywords:* People's Republic of China, Central Asia, Central Asian States, economic cooperation, Silk Road Economic Belt, energy resources, interstate relations.

**Oleg A. TIMOFEEV. THE STRUCTURE AND THE DEVELOPMENT MODEL OF CHINESE-FRENCH PARTNERSHIP: LESSONS AND OPPORTUNITIES FOR RUSSIA**

France is one of the PRC's oldest and most important partners among European nations. China's most recent international initiatives, France's traditional key role in the West in general and in the EU in particular, have led to the substantial development of bilateral political dialogue. Economic ties are less developed than political ones and may be characterized by domination of major projects. This structure is similar to the Russian-Chinese interaction and that makes quite possible trilateral cooperation between Beijing, Moscow and Paris in the future.

*Keywords:* China, France, Russia, strategic partnership, political dialogue.

**Andrey K. KRIVOROTOV, Andrey O. VINOGRADOV. SINO-NORWEGIAN RELATIONS: CURRENT STATUS AND NORMALIZATION PROSPECTS**

The paper addresses China-Norway relations under bilateral diplomatic crisis which burst out in 2010 when Nobel Peace Prize was awarded to a Chinese dissident. Realistically, Norway is by far more interested in restoring political dialogue, but this seems unlikely in near term, as national prestige is hurt on both sides, while economic cooperation continues even under the ongoing diplomatic strain.

*Keywords:* Norway, China, political crisis, economic cooperation, Arctic, prospects for settlement.

**Alexander S. ISAEV. CHINA'S INSTITUTIONS OF PUBLIC CONSCIOUSNESS FORMING AND THE COOPERATION OF CHINESE AND RUSSIAN MASS MEDIA**

The article deals with main reorganizational and reforming trends in institutions which shape public consciousness in modern China, especially — mass-media ones. The author analyses the role of information and communication technologies (ICT) in multimedia informational activities and describes probable ways of influencing society and promoting positive image of a country on the international arena. The article also provides a thorough analysis of China's relationship with foreign countries in the field of mass media as well as of challenges and prospects of the Chinese-Russian mass media cooperation.

*Keywords:* China, mass media, Russia, impact on public consciousness, information technologies (IT), informational work, mass-media cooperation, manipulation of public opinion, information security.

## Foreign Economic Policy of the PRC

### **Dmitry V. GORDIENKO.** PROBABLE CHANGES IN THE LEVEL OF ECONOMIC SECURITY OF CHINA DURING THE IMPLEMENTATION OF THE SILK ROAD ECONOMIC BELT STRATEGY

The article considers probable changes in the economic security level of China during the implementation of the Silk Road Economic Belt strategy.

*Keywords:* economy, China, global financial and economic crisis, economic security, level of economic security, provision of economic security of a state.

### **Maria V. ALEXANDROVA.** NEW VISION OF THE NORTH-EAST CHINA TRANSPORT POSITION IN THE CONTEXT OF “ONE BELT, ONE ROAD” CONCEPT

In the last 15 years the North-East of the PRC (Dongbei) has been a backward economic region. The strategy for revival of the older industrial base in the North-East did not help in the attempts to catch up with the developed coastal provinces as the problems hampering the economic growth of Dongbei remained unresolved. One of the key problems is the one of transport. This article highlights the subject of the new transport routes that may change the situation for the better.

*Keywords:* revival strategies, hydrocarbons, authoritarian planned economy, economic system, Dalian, economic support belt, Changzitou, “Five Points along One Line”, Silk Road, border regions, economic corridor, Zarubino, Bohai Bay, high-speed railroad.

### **Vladimir A. MATVEEV.** ON THE PREREQUISITES OF THE FORMATION OF AN INTERNATIONAL ECONOMIC REGION ON THE GREATER CENTRAL ASIA TERRITORY. THE ROLE OF CHINA

The project of the Silk Road Economic Belt (SREB) renders a special role to the development of Xinjiang due to its special strategic position on the border with Central Asia. In this regard, the issue of the transformation of Xinjiang into foreign trade and interregional transportation and logistics hub is raised. In the trans-border Sino-Central Asian area begins to take shape a number of prerequisites for the formation of development poles or more precisely — zones of economic growth. In the long term, it seems quite possible the creation of an international economic region, associated with hopes for further cooperation of China with Central Asia.

*Keywords:* the “Silk Road Economic Belt” concept, Central Asia, transport and logistics infrastructure, strategic partnership, free economic zones, international economic region.

**Vyacheslav I. BALAKIN. BEIJING AND TAIPEI: THE ROLE OF OVERSEAS “HUAQIAO” COMMUNITIES IN INTRA-CHINESE INTEGRATION PROCESSES**

Intra-Chinese economic integration processes continue to develop despite existing political contradictions between Beijing and Taipei. Laws of common market in the Chinese civilization context do not permit any disruption of economic ties between enterprises for which ideological dogma is not so important as priorities associated with longstanding ethnical traditions. “Chinese world” is not cemented by ideology, but by long-term practical interests of major historical inter-clan groups, which do not depend on the areal of their living and operation. That is the main philosophical basis of mainland Chinese communities as well as of their overseas analogies. In this context, there is little doubt that all-China reunification, whenever it happens, will represent a natural course of things, independent of short-term political interests of local elites.

*Keywords:* Beijing, Taipei, overseas Chinese communes, “Chinese world”, Chinese reunification.

## **From the History of Russian Sinology**

**Galina I. SARKISOVA. FROM THE HISTORY OF RUSSIAN SINOLOGY: ESTABLISHMENT OF THE SCHOOL OF CHINESE AND MANCHURIAN LANGUAGES BY THE COLLEGE OF FOREIGN AFFAIRS (1798—1801)**

The article deals with the aspect of the Russian Sinology history concerning the study of Chinese and Manchu languages in Russia in the XVIII century and the establishment in 1798 of the school for educating students with the knowledge of these languages by the College of Foreign Affairs. Although information about the school is already known, it seems necessary to expand it as well as to correct a number of inaccuracies still existing in the national historiography.

*Keywords:* School of Chinese and Manchu languages, pupils, College of Foreign Affairs by the Russian Spiritual Mission in China, Anton Vladynkin, S.L. Lashkarev.

*Научное издание*

**Китай в мировой и региональной политике  
История и современность**

**Выпуск XXI**

Ежегодное издание

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Корректор *Г.П. Манчха*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 02.09.2016.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 20,0. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Заказ № 8

**Уважаемые читатели!**

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,  
размещаются в электронной библиотеке института  
со свободным доступом, находящейся  
на интернет-сайте ИДВ РАН  
[www.ifes-ras.ru](http://www.ifes-ras.ru).

**Контакты:**

по вопросам работы электронной библиотеки —  
Отдел наукометрии и информационных  
технологий ИДВ РАН,  
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: [it@ifes-ras.ru](mailto:it@ifes-ras.ru).

**Почтовый адрес ИДВ РАН:**

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.